СТАЛИНГРАД

Я ДРАЛСЯ В СТАЛИНГРАДЕ

ОТКРОВЕНИЯ ВЫЖИВШИХ

Артем ДРАБКИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К 70-летию Сталинградской битвы! Дань памяти тех, кто выполнил сталинский приказ «Ни шагу назад!», выстояв под сокрушительными вражескими ударами, кто сдержал клятву «За Волгой для нас земли нет!» и совершил невозможное, сломав хребет «непобедимому Вермахту», кто выжил «в окопах Сталинграда», чтобы рассказать о решающем сражении Великой Отечественной. Их живые голоса, их «окопную правду» вы услышите в этой книге:

«Человек в Сталинграде жил три дня максимум. Я не успевал даже познакомиться с новыми танковыми экипажами, как они гибли. И мы, и немцы осатанели до такой степени, что, казалось, с обеих сторон воюют смертники, мечтающие побыстрей отправиться на тот свет…»

- Артем владимирович Драбкин
  -
  - Вакаров Константин Александрович
  - Богацкий Михаил Моисеевич
  - Иванов Алексей Петрович
  - Тугов Петр Григорьевич
  - Константинов Антон Сидорович
  - Гуревич Павел Григорьевич (Гиршевич)
  - Ямпольский Иосиф Миронович
  - Пряничников Евгений Николаевич
  - Сегал Ефим Иосифович
  - Зуев Александр Михайлович
  - Иванов Александр Николаевич
  - Пимкин Иван Федорович
  - Багмет(Харенко) Анна Петровна
  - Отрощенков Сергей Андреевич
  - Становская Нина Владимировна
  - Бойко Василий Демьянович
  - Бараев Александр Васильевич
  - Мищенко Иван Елисеевич
  - Орлов Николай Васильевич
  - Забабашкин Константин Васильевич
  - Афанасьев Виктор Федорович
  - Уколов Василий Иванович
  - Новаковский Владимир Маркович
  - Розенберг Миля Хаимович
  - Гладков Павел Васильевич

- ○ Стариков Геннадий Иванович
- ○ Ройзман Зельман Ефимович
- ○ Баданес Михаил Кусилевич
- ○ Лисагор Иосиф Лейбович
- ○ Генкин Григорий Семенович
- ○ Гольбрайх Ефим Абелевич
- ○ Кузнецов Алексей Филиппович
- ○ Ульянов Виталий Андреевич
- ○ Воробьев Василий Егорович
- ○ Овсищер Лев Петрович
- ○ Шибанов Виктор Иванович

Артем владимирович Драбкин
Я ДРАЛСЯ В СТАЛИНГРАДЕ
Откровения выживших

Вакаров Константин Александрович
Красноармеец 284-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии

Что мы там пережили, просто нет таких слов все это описать… По уровню ожесточенности боев со Сталинградом и рядом ничего не стоит, во всяком случае из того, что я лично видел и пережил. Ведь там, например, когда просто шел, то под ногами раздавался хруст, недаром после войны на некоторых участках с одного квадратного метра собирали по десятку килограммов пуль и осколков… Когда потом вспоминал Сталинградские бои, то даже самому не верилось, что все это было с нами…

А как мы переправлялись в Сталинград… Мне казалось, что этой переправе не будет конца… Столько людей тогда потеряли, очень много, ведь немцы по нам сыпали и сыпали… Переправляться предстояло на каких-то старых раздолбанных лодках, но когда мы их только увидели, то всем нам, особенно тем, кто не умел плавать, стало не по себе… Ведь все они были сплошь дырявые, и дырки приходилось затыкать или пилоткой, или чем-то еще. Командиры нас пытались успокоить, и приказали набить плащ-палатки соломой, но это же глупость. Во-первых, они мало у кого были, а во-вторых, это Волга, а не какая-то там речушка…

А что творилось в самом Сталинграде… Каша, настоящая каша, из руин и людей… Часто бывало, что в доме на одном этаже располагались немцы, а на другом мы. Нет, картину

Сталинграда, вернее, то, что от него осталось, очень трудно, просто невозможно описать словами.

Что запомнилось? Ну, например, такая история. По-моему, еще где-то поздней осенью 1942 года немцы на парашюте нам сбросили еврея. Да-да, самого настоящего пожилого раввина. Поверьте, эту историю я вам не пересказываю с чьих-то слов, а все это лично видел собственными глазами, потому что он приземлился в наше расположение.

Прямо средь бела дня, помню, мы еще удивились, что стало непривычно тихо, вдруг появился немецкий самолет и сбросил кучу листовок и кого-то на парашюте. Все к нему побежали, оказалось, пожилой еврей. Лет пятидесяти, седые волосы, руки связаны, а при нем немецкое послание для нас: «Посылаем вам одного из ваших руководителей. Мы с нашими дошли до Сталинграда, а вы со своими еще неизвестно где окажетесь… Не зря говорят, что эти люди продали Иисуса Христа. Посмотрите, как они живут и как вы…», что-то в таком духе.

Вообще немцы в Сталинграде очень активно агитировали нас сдаваться в плен. Разными способами: и листовками, а по ночам даже по громкоговорителю нас уговаривали. И однажды произошел такой случай. В плане снабжения мы там жили очень туго: или одна картошка на день, или пачка концентрата на двоих, а это ведь всего 200 граммов… Кстати, именно на обертке от пачки горохового концентрата мне в медсанбате выписали справку о ранении. Так вот, мало того, что жили мы, прямо сказать, туговато, так находились же еще такие сволочи, которые нас обворовывали.

Например, наш старшина водку нам стал выдавать, отмеряя норму мензуркой, предназначенной для выдачи махорки. Она тоже вроде как на 100 граммов рассчитана, но на самом деле жидкости там помещается меньше. До поры до времени мы и не знали, что он нас обманывает, ведь обычно питание выдавалось ночью, в темноте, но потом кто-то увидел, что этот старшина, ездовой и повар, что ли, играют в карты и пьют при этом водку, и, видно, не выдержал и сообщил куда следует. Но старшину кто-то, наверное, предупредил и он, не будь дурак, не стал дожидаться трибунала. Ведь на фронте суд какой? Приезжала машина. В ней за пять-шесть минут писали приговор и хорошо, если в штрафную роту, а то могут и сразу «по закону военного времени».

И уже на следующую ночь мы услышали его голос с немецкой стороны по громкоговорителю: «Ребята, то, что нам комиссары запузыривали, это все херня! Немцы меня прекрасно встретили, хорошо покормили, а завтра сделают документы и отправят на родную Украину. Так что переходите, пока не поздно. Что здесь

делается, все на танках…» И таких, как он, было дай боже…

Помню, еще в самом начале боев за город, иду по какой-то улице, с правой стороны все дома горят, а слева — половина. Кругом пожары, а я подобрал какую-то книжку, ведь я же книг в своей жизни и не видел почти, и думал при случае почитать. А у меня в то время был близкий приятель, с которым я всегда всем делился, и доводилось даже из одного котелка есть. И вдруг я вижу, что он выходит из одного дома с мешком.

— Зачем тебе эти вещи? — спрашиваю.

— Подожди, Костя, у меня мало времени.

Сбрасывает гимнастерку и начинает при мне переодеваться в гражданское.

— Вася, ты что?

— Все, надоело, поеду к себе в Астрахань. А нужен буду, так еще раз призовут. Хочешь, идем вместе, — и ушел…

Честно признаюсь, у меня руки просто чесались дать по нему очередь…

Богацкий Михаил Моисеевич
Командир взвода 118-го гвардейского стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии

Когда нас перебросили под Сталинград, то первые полтора месяца мы провели в относительно «спокойном месте». Мы прошли станицу Качалинскую и заняли господствующие высоты по берегу Дона. Против нас действовали в основном румынские части, и первые бои на Сталинградской земле были для нас не самыми тяжелыми, мы не понесли очень серьезных потерь. Но в конце сентября мы передали свои позиции сменщикам и на машинах нас повезли куда-то в северном направлении, а потом колонна дивизии вдруг сделала резкий поворот вниз и нас привезли в Сталинград, мы оказались в местечке Цыганская Заря, на восточном берегу Волги, где два дня готовились к переправе через реку. Мы не представляли в какую «мясорубку» нас бросают. Слева от нас по течению реки горели нефтяные баки, и горящая нефть разлилась по Волге, сам Сталинград был весь закрыт черным дымом, город бомбили без передышки и эта страшная картина — горящая река и сплошная стена дыма над городом — уже никогда не исчезала из моей памяти. Ночью на катерах нас перевезли на западный берег, и целый день мы просидели под высоким берегом в ожидании дальнейших приказов, а в это время немцы несколько раз бомбили наше расположение. Я тогда не знал, что мы находимся в Заводском

районе города, там, где расположен Сталинградский тракторный завод. Ночью 5 октября пришел ротный и передал, что нам поручено провести разведку боем в районе больницы Ильича.

Мы поднялись на берег и увидели горящее четырехэтажное здание больницы, которое стояло торцом к реке. Из-за огня пожара все окрестности больницы были освещены, как будто дело было днем. Мы медленно стали пробираться вперед, пока нас не начали обстреливать с разных сторон. Дошли до какого-то кирпичного сарая. И тут немцы ударили по нам слева и сзади. Одна из пуль, ударившись о кирпичную стену, срикошетила мне в голову, попала в лоб по касательной.

Я почувствовал сильнейший удар в голову и опустился на землю. Ладонь поднес ко лбу, и сразу вся рука покрылась кровью. Меня перевязали. Мы стали отходить под обстрелом на исходные позиции, тут возле меня разорвался снаряд и четыре осколка попало мне в ноги.

Я упал, затем попытался подняться на ноги и не смог. Стал ползти вдоль здания больницы, прямо по горящим падающим балкам перекрытий, и был в этот момент у немцев как на ладони.

Думал, что все, уже не выберусь, но меня заметил мой ординарец, и вместе с еще одним бойцом они выскочили из укрытия и дотащили меня до ближайшей воронки, а потом перенесли чуть дальше в тыл. Я оказался на берегу Волги, два ранения в ноги были легкими, а два — тяжелыми, с переломами костей, но что самое обидное, мне полностью раздробило голень правой ноги.

Нас, раненых, положили прямо на землю на берегу Волги, на открытом месте. Раненые лежали рядами. Меня всего знобило от холода и от потери крови.

Увидел девушку-санинструктора, спросил ее: «Сестра, что же мы лежим на открытом пространстве? Сейчас немцы налетят, нам всем здесь хана настанет» — «А куда я вас всех дену?! Вечером других в блиндаж отнесла, а их накрыло прямым попаданием!» Целый день мы лежали на берегу. Нас несколько раз бомбили, по берегу била артиллерия, добивая раненых. Легкораненые, те, кто смог передвигаться, вжались в стенку обрывистого берега, а мы, тяжелораненые, лежали у кромки воды и ждали каждый своего осколка, который избавит от страданий. И в эти минуты я, убежденный атеист, впервые в жизни обратился к Богу: «Боженька, спаси и сохрани!» Только когда стемнело, к нам подошли санитары, проверяли, кто еще жив, и живых несли на носилках на подошедшие с левого берега катера Волжской флотилии, на которых переправляли раненых. На том берегу нас сразу положили в кузова «полуторок» и повезли в ближайший

госпиталь, в Ленинское.

Меня взяли на операционный стол, а потом стали накладывать гипс. В этот момент случился немецкий авианалет и санитар, державший мою ногу на весу во время наложения гипса, со страху «бросил» мою ногу и залез под стол, а я от страшной боли просто взвыл, вся операция пошла насмарку. Из Ленинского меня перевезли в село Солодовка, где находился полевой сортировочный эвакогоспиталь, в котором концентрировали раненых из комсостава. Большинство из тяжелораненых отправляли на санлетучках в тыловые госпиталя, а тех, кто считался нетранспортабельным, лечили на месте. Раненых разместили по крестьянским избам, кто лежал на носилках, кто на соломенных матрасах, в одной комнате в избе-пятистенке рядом со мной лежало еще шесть раненых офицеров. Лежим, лечимся, от вшей под гипсом такой зуд, что словами не передать.

В мае 1943 года меня перевели в куйбышевский госпиталь, откуда я выписался только в июле.

Иванов Алексей Петрович
Командир взвода батальона автоматчиков 24-й гвардейской стрелковой дивизии

В армию меня призвали 31 августа 1942 года. Из призывников нашего района отобрали восемнадцать ребят со средним и семилетним образованием и всех нас направили в тамбовское пулеметное училище, в котором готовили младший офицерский состав.

Учились мы очень и очень напряженно, а вот питание было неважное. Я помню, что у меня, крепкого деревенского парня, от недоедания и перегрузок стала постоянно кружиться голова. Ходил и, как пьяный, шатался.

Где-то в начале ноября весь личный состав училища подняли по тревоге и направили на тактические занятия на южную окраину Тамбова. Пока дошли туда, таща на себе пулеметы, пока целый день прозанимались — вымотались просто страшно. К концу дня расположились в какой-то деревне южнее Тамбова. Купили у хозяйки ведро картошки и только собрались ее приготовить, как вдруг из училища явился посыльный с приказом как можно быстрее вернуться в расположение. Командиры нас тут же подняли и повели, причем не по дороге, а напрямик. Но после такого напряженного дня марш дался нам очень тяжело. Многие из нас дошли из последних сил.

Вернулись в училище к четырем часам утра и получили

приказ сдать личные вещи: матрац, одеяло, личное оружие. Все сдали, нас построили на плацу и продержали на нем целый день. Только вечером нас куда-то повели. Прошли мимо старого корпуса пединститута и вышли на рассказовскую дорогу. Ну, все понятно, значит, в Рассказово идем.

Только к утру туда пришли, и оказалось, что в Рассказово формировалась, по-моему, 24-я гвардейская стрелковая дивизия. Меня определили служить в батальон автоматчиков. Нас очень хорошо, прямо капитально обмундировали и где-то недели через две погрузили в эшелоны и отправили на фронт, как оказалось, под Сталинград.

Помню, что доехали к вечеру. Кругом голая степь, солнце заходит и очень сильный мороз. Неподалеку стоял какой-то домик, в котором мы немножко обогрелись и в ночь пошли маршем. Уже после войны, читая историческую литературу, я узнал, что нашу 2-ю Гвардейскую армию бросили на уничтожение окруженной группировки Паулюса.

Марш получился длинным и невероятно тяжелым. Почти по двадцать часов в сутки мы шли в полном боевом снаряжении. Каждый солдат нес на себе автомат, два запасных диска с патронами, гранату, саперную лопатку, противогаз, вещмешок, котелок, каску, да еще и лыжи. И вот с такой нагрузкой мы шли несколько суток. Спали прямо на ходу, а когда устраивали привал, то солдаты тут же валились как снопы, и поднять их было очень тяжело. Но тут уже командиры взводов не церемонились, подходили и пинками в бок поднимали спящих солдат.

Не помню сейчас, где точно, но мне кажется, в деревне Васильевка нам дали небольшой отдых, не более суток. А потом опять вперед…

И опять невыносимый затяжной марш в направлении Котельникова. Оттепель сменялась морозами до 30 градусов, ураганные ветры, тылы отстали… В те дни нам выдавали всего по два обыкновенных сухаря. И еще ложка сахара — вот и весь рацион на целый день! А там же степи. Равнина с оврагами, бурьян, поэтому во время привалов обогреться или укрыться было просто невозможно. Для того, чтобы хоть как-то переночевать, солдаты поступали так. Разбивались на группы человека по три и рыли подковообразный ровик в подветренную сторону. Прямо на снег стелили плащ-палатку, ложились на нее, плащ-палатками накрывались и так, тесно прижавшись друг к другу, пытались отдыхать. Но на таком морозе лежать выдерживали не более часа. Потом, замерзнув, вскакивали и начинали бегать по оврагу или по балке. После такого разогрева опять ложились в ровик с той лишь разницей, что тот, кто раньше лежал с краю, теперь

ложился в середину. Вот так мы спали…

И прямо с марша нашу дивизию ввели в бой. Ориентировочно это произошло где-то на подступах к Котельникову. Потом в мемуарной литературе немецкие генералы писали, что именно это сражение на малоизвестной реке Аксай под Котельниковом оказалось решающим для судьбы Германии. А наш полк на рассвете бросили в бой прямо с марша. Но мы сразу попали под сильный минометный огонь, и осколками мины, разорвавшейся от меня в нескольких метрах, мне перебило ноги. И получается, что я выбыл из строя, практически не поучаствовав в боях. До конца прошел с товарищами этот тяжелейший марш и в первом же бою получил тяжелое ранение в ноги… Но кто знает, может, эта мина и спасла мне жизнь. Ведь в этом училище нас, земляков из Никифоровского района, училось восемнадцать ребят, и, как я потом выяснил, в живых нас осталось всего двое… А остальные шестнадцать погибли…

Я попал в госпиталь города Сатки, что в Челябинской области, где пролежал около четырех месяцев. После госпиталя меня решили направить на учебу в минометное училище, но я уже так «наелся» своим тамбовским пулеметным, что отказался и попросился в боевую часть.

Тугов Петр Григорьевич
Водитель установки ГМЧ «Катюша» 334-го гвардейского отдельного минометного полка

По первости в составе 334-го гвардейского отдельного минометного полка мы оказались под Харьковом, от которого наши войска находились на расстоянии 8—10 километров. Стояли мы где-то возле большого чистого поля. Посмотришь, бывало, в бинокль — все видно. Силы наши начали иссякать, и мы вынуждены были начать отступление. Немцы постоянно нас бомбили, поэтому днем, как правило, стояли в лесах, а вечерами отступали. Шли где как: когда с боями, а когда и обходилось. Так все время продвигались. Потом нас довезли до станции Ванновки, которая располагалась в 50 километрах левее Сталинграда. Начались бои. Я тогда был шофером «Катюши». Наш полк состоял из трех дивизионов. В этих боях два дивизиона потеряли много машин, а наш остался целым. Тогда нам было приказано передать оставшиеся машины тем частям, которые находятся на фронте, а самих отправили обратно в Москву. Там, в Москве, мы немного пожили, потом оттуда по приказу съездили за машинами в Горький, перевезли ящики снарядов. Потом нас с техникой погрузили и отправили в Ленинград, а оттуда — прямо под Сталинград. Выгрузились мы у Волги недалеко от Саратова. Там нас перегрузили на паром-пароход и повезли до самого Сталинграда. Когда мы прибыли в Сталинград, то целый день на

одном месте стояли. Бомбежек пока не было, все было тихо и спокойно. А стояли мы по такой причине: около самого города было невероятное столпотворение, появилось очень много машин, ни пройти ни проехать. Наш отдельный полк относился к 3-му механизированному корпусу. Потом он получил почетное наименование «Сталинградский».

А утром, как только проснулись, первым делом проговорили из своих «катюш». Тогда под Сталинградом ночи были короткими, а дни — длинными. Так мы как только дали удар по противникам, они начали сразу сдаваться в плен. Тогда немцев там было мало, в основном это были другие национальности, которые за них воевали: чехи, венгры, молдоване, румыны. Они прямо целыми ротами сдавались. По одежде было видно: совсем другая форма, не такая, как у немцев. Мы начали постепенно двигаться вперед, прошли Каменный Яр и Капустин Яр, Комсомольск, потом еще другие какие-то небольшие города, которые были набиты гитлеровцами, а потом дошли до самого Сталинграда. Стояли мы в Бекетовском районе — это пригород Сталинграда. Там мы, кстати, одну «катюшу» потеряли. Это так получилось. Скажем, стояли мы отдельно: рота ПТО, зенитчики, хозяйственная и штабная техника. А мы отъехали в сторону, где какая-то балка находилась, поставили свои боевые машины, ударили по немцам и сразу же поехали. Но немец одну из наших «катюш» заметил и накрыл точным попаданием снаряда. Мы только успели отъехать. «Катюша» загорелась прямо у нас на глазах. Пять человек погибло. Было очень страшно! Это случилось перед Новым годом где-то. Потом пошли сильные морозы. Некоторые, конечно, поотморозились. А 3 февраля закончилась битва за Сталинград.

Чем запомнился Сталинград? Могу сказать только одно: город был разбит и разрушен.

Константинов Антон Сидорович
Командир 1-го взвода минных заграждении и особой техники 3-й роты 152-го батальона 16-й отдельной инженерной бригады спецназначения

До Камышина доехали поездом, а там нам сказали: «Пароход на Сталинград пойдет только через шесть часов». А мы же молодые, кровь кипит, чтобы не терять времени даром, решили пойти на танцы, на местную танцплощадку. Отлично провели там время: танцевали, шалили, баловались, но человек шесть так увлеклись этим весельем, что опоздали на пароход. Бросились нас догонять на попутном транспорте и, как нам потом рассказали, по дороге напоролись на немцев и все погибли… Это были самые первые потери в нашем взводе…

А мы поплыли в Сталинград на пароходе «Володарский», насколько я знаю, последнем большом судне, которое смогло дойти в город. Плыли в полной темноте, потому что немцы бомбили просто беспощадно. И когда все-таки доплыли и пошли к коменданту, он нас «порадовал»: «Ваша часть формируется на том берегу, но я вас сейчас туда отправить не могу. Ждите до вечера!» А ведь фашисты уже находились на подступах к городу, и мы же сами видели, что десятки немецких самолетов буквально непрерывно висели в воздухе, бомбили все живое, и Сталинград в

полном смысле слова горел…

Но все-таки переправились, и меня назначили командиром 1-го взвода минных заграждений и особой техники 3-й роты 152-го батальона 16-й отдельной инженерной бригады спецназначения. Всего во взводе было пятьдесят бойцов: я, помкомвзвода и четыре отделения по двенадцать человек. И вскоре нас перебросили на правый берег Волги, на северную часть Сталинградского фронта в состав 62-й армии Чуйкова. Но после того как немцы разрезали наш участок на две части, наша бригада оказались в составе 66-й армии Донского фронта. И вот там мне довелось воевать пять с половиной месяцев, пока меня не ранило.

Все это время мой взвод постоянно находился на передовой, где нас придавали разным частям, и все это время мы почти всегда выполняли одно и то же задание — минировали танкоопасные участки.

В оборонительный период укрепляли линию обороны на случай возможного наступления немцев. По установленному порядку я должен был нанести на карту минное поле и передать данные в штаб батальона, и вначале это делалось очень четко. Однажды даже был случай, когда я нес данные в штаб, и вдруг за мной увязался немецкий самолет. Начал меня обстреливать, летчик, видно, решил немного поразвлечься, но так и не попал.

Работали большей частью ночью. Как правило, место расположения минных заграждений определял не я, а общевойсковой командир на уровне командира батальона. Сколько же мы там мин установили… Но вот сколько на них подорвалось немецких танков точно, конечно, не знаю, хотя один случай могу рассказать.

В одном месте, когда наши пошли вперед и захватили две высотки, пехотный командир мне приказал: «Ты мне проход между ними заминируй, потому что немецкие танки тут обязательно попробуют прорваться к нам в тыл!» И точно. Мы еще даже не закончили устанавливать мины, как вдруг видим, что вдалеке из леска один за другим выезжают немецкие танки. Стали считать — 15 танков… И вначале они шли как будто параллельно линии фронта, но, используя складки местности, оказались у этой балки, в которой мы заканчивали установку мин. Но первые же два танка подорвались на наших минах. Вся колонна, конечно, остановилась, потому что места для маневра у них не оставалось, и тут артиллеристы подбили еще два танка. Вот так четыре танка остались перед нашим минным полем, а остальные отошли…

А незадолго до этого произошел такой эпизод. Когда мы еще только устанавливали мины и видели, как немцы подходили все

ближе и ближе, я отдал приказ взводу отойти чуть назад, а там оставил одного бойца, чтобы он подорвал электроуправляемый заряд. И этот отчаяннейший человек остался в замаскированной траншее и действительно подорвал заряд, правда, чуть промахнулся. Но и этого хватило, чтобы немцы остановились и отступили.

Был и еще один эпизод. Появились большие силы немцев, мой взвод не только не отошел назад, но даже выдвинулся чуть вперед. За три ночи мои минеры успели установить 559 противотанковых мин и тем самым помогли пехотинцам за три дня отбить четыре немецкие атаки. Это всего лишь эпизод, а я находился на передовой больше пяти месяцев и буквально каждый день занимался боевой работой… За это время мы установили и сняли огромное количество мин, и все это под обстрелом, под бомбежкой, так что чего там только ни происходило, сколько было всяких случаев…

А ведь всем этим приходилось заниматься в страшные морозы. Помню, мне как-то утром говорят: «Лейтенант, у вас борода белая!» И я сразу бросился оттирать подбородок снегом… В другой раз кричат: «Лейтенант, щека белая!» Но вот вспоминаю то время и сам удивляюсь. Ведь я никогда не думал о том, как нам невыносимо тяжело, о том, что невыносимо холодно. Нет, всегда бодрые, боевые, всегда чем-то заняты, а молодая и горячая кровь и напряженные нервы не позволяли нам болеть. Я не помню ни одного (!) случая, когда бы кто-то из моих бойцов пожаловался на недомогание или простуду. Как-то помогала согреваться в морозы и водка, ведь нам выдавали «наркомовские» сто граммов. Но я же был совсем молод, всего девятнадцать лет, неискушен и вообще не пил, а отдавал свою норму бойцам. Правда, на фронте я пристрастился курить и курил очень много. И только 1 мая 1953 года взял и раз и навсегда бросил, потому что и кашель у меня уже был, да и врачи предупреждали, что нужно поберечь легкие.

Так что чего мы только ни пережили на фронте. Например, однажды приключился такой эпизод. Как-то еще в оборонительный период нам дали очередное задание — прикрыть минами опасный участок. Когда наступила ночь, я взял с собой командиров отделений, и мы пошли осмотреть местность, чтобы продумать, как это лучше сделать. Шли спокойно, но видимость была отвратительная, стояла непонятная дымка, и вдруг в один момент увидели какие-то силуэты перед собой. Мы сразу залегли, и оказалось, что это немецкий танк и сильное боевое охранение, которые были выдвинуты вперед… Но немцы нас все-таки услышали и тут же открыли беспорядочный огонь, поэтому пришлось срочно возвращаться обратно. Вваливаемся в окопы,

стряхиваем с себя снег, а тут вдруг стоит мой командир роты, которого я увидел впервые за долгие месяцы. Ведь мой взвод постоянно придавали разным подразделениям, а дважды случалось и так, что делили его на две части и отправляли в разные места, так что нашего командира роты я все это время и не видел. Спрашивает меня: «Ты живой?» — «Живой!» — «Ну, здорово! Поздравляю, тебе присвоено звание лейтенанта!» Вот так я узнал, что мне присвоили звание лейтенанта.

В общем, я считаю, что совсем недаром по итогам Сталинградской битвы нашей героической бригаде было присвоено звание 1-й гвардейской инженерной бригады спецназначения. Но я гвардейцем стать не успел, потому что попал в госпиталь.

Ранило меня 19 января 1943 года, когда мы участвовали в наступлении в полосе все той же 66-й армии, и, как обычно, нам поставили задачу прикрыть очередной участок. Мой взвод на санях выдвинулся к месту, где должны были установить минное поле. Причем двигались браво, смело, ведь кругом чистое белое поле. И когда двигались, по нам вдруг раздался выстрел. Я тут же скомандовал «Ложись!», и оказалось, что под подбитым танком сидел снайпер, во всяком случае, стреляли оттуда одиночными выстрелами. Буквально рядом со мной стоял командир одного из отделений, ленинградец, я даже запомнил его фамилию — Харитонов, и этот снайпер, видно, посчитал, что именно этот высокий парень и есть командир. Выстрел, и Харитонову, который, повторюсь, стоял рядом со мной, разворотило весь живот… Его оттащили метров на двадцать, и там он умер… А такой красавец был, чуть постарше меня…

Все залегли, а ведь нужно выполнять задание, но немец не давал нам поднять головы. Между нами было метров сто всего, но приблизиться к танку, чтобы бросить гранату, мы не могли, потому что кругом чистое ровное поле, степь. Тогда мы начали стрелять. Я лежа дал очередь из автомата, потом другую, но потом так осмелел, что даже привстал на колено и стал строчить. Наступила тишина, и только я начал думать что делать, как в этот момент получил пулю… Но снайпер совсем чуть-чуть промахнулся, потому что, видно, поторопился. Пуля прошла через кисть и запястье правой руки и по касательной прошла через бок, пройдя всего в двух сантиметрах от печени.

Меня перевязали, но, что странно, немец больше не стрелял. С такой рукой я, конечно, был не боец и меня отправили в медсанбат, который располагался в Дубовке. Но больше всего запомнилось то, что в рану мне попала шерсть из перчатки. Вы представляете, что я испытывал, когда мне ее чистили?

Гуревич Павел Григорьевич (Гиршевич)
Командир батареи 88-го гвардейского минометного полка «катюш»

В Сталинграде уже похлеще было, чем под Москвой. Прибыл я туда в конце июля, битва тогда только начиналась. Мою батарею сразу включили в состав 62-й армии Василия Ивановича Чуйкова. Это командующий от Бога, что называется. Без него мы фрицев под Сталинградом не победили бы. Лично я с ним, к сожалению, не соприкасался. Сами понимаете, фигура такого масштаба! У него в штабе было полно людей, и с нами, минометчиками, работали, конечно, офицеры званием пониже. Но зато я не раз слышал от командиров стрелковых частей, что Василий Иванович появлялся буквально на передовой в решающие моменты сражения. Это, конечно, воодушевляло очень здорово. Ну а наши-то части в основном из тыла огонь вели. Очень берегли в то время «катюши», боялись, что они в руки немцам попадут.

И вот доставили нас в железнодорожном составе под Сталинград. Выгружаться мы начали на полустанке около станции Миллерово. Там нас ждал взвод охраны. Ситуация была сложная: немцы уже в нескольких километрах от Миллерова находились. Прибыл офицер, говорит мне: «Ваша батарея поступает в распоряжение 62-й армии». Ну, что ж, армии, так армии. Мое дело маленькое. Оставил я батарею на своего

смершевца и командира взвода. Охрана с ними тоже осталась, конечно. А сам поехал в штаб армии получать задание. В штабе меня принял какой-то генерал. Говорит: «Майор разведки укажет вам место расположения батареи». Заехали мы с этим майором в балку в районе поселка Калач (сегодня это большой красивый город). Это был один из самых ответственных участков. Я сразу думаю: «Здесь позицию надо хорошо выбирать, а то голову быстро оторвут!» Связались мы с командиром стоявшей рядом дивизии. После этого я говорю майору: «Ну, пошли позицию выберем. Надо как-то обезопасить батарею и выбрать, в какой балке ее разместить». «Нет, сначала обед», — возражает он. «Какой обед? Без него переживем». «Нет, я уже сутки ничего не ел, пообедать надо, — говорит майор. — У меня с собой есть кусок хлеба, банка тушенки и бутылка воды. Давай перекусим!» А я и сам как утром уехал из батареи, так тоже ни крошки во рту не было. Подкрепились, даже на душе легче стало. Пошли выбирать позицию. Нашли мы подходящее место. После этого он связался по рации, доложил. Минут через двадцать мы вернулись на прежнее место. Тут уж и машина за майором пришла. Оставил он мне радиста. Говорит: «Будешь с нами связь держать». Уехал майор. Я с помощью радиста дал в батарею зашифрованную радиограмму о своем месте нахождения. Там тогда без шифрования было никуда, немцы все наши радиосообщения перехватывали, у них разведка хорошо работала. Вскоре мне ответная шифровка пришла, радист перевел ее, говорит, что все нормально, выезжает батарея.

Подъехали ребята. Стоим мы, стемнело уже. И вот поначалу все тихо было, только где-то вдали слышалась перестрелка. А потом посреди ночи немцы как открыли по нашим войскам, стоящим впереди, ураганный огонь. Страшное дело! Меня вызывают к телефону. Слышу приказ: выезжай в такой-то район, чтобы к утру батарея была в боевой готовности. Мол, данные подготовишь, а цели мы тебе дадим, куда стрелять. Только я положил трубку, как мне уже снова звонят и другой приказ сообщают. Дают мне цель неподалеку от нашей балки. Я думаю: «Вот хорошо, и ехать никуда не надо». Начал готовить данные. По дальности я уже прикинул расстояние, там что-то около пяти километров было. Подготовить все надо было безошибочно: на этом участке наши и немецкие войска очень близко друг к другу находились. Проверил я свои расчеты, звоню по телефону, докладываю, что батарея готова произвести залп. Мне командуют подождать, залп пока не производить. После этого вдруг прилетает ко мне командир полка, приказывает: «Пойдем быстренько на наш наблюдательный пункт, оставляй на батарее

командира взвода за старшего». До наблюдательного пункта было около километра. Дошли мы туда, смотрим. Полковник этот мне объясняет: «Вот, видишь, что здесь делается. Сюда надо дать посильнее огонька». А там у немцев и укрепления, и техника — чего только ни было: и танки, и живая сила. Но если «катюшами» ударить по ним, так из них просто каша будет! Я быстро позвонил к себе на батарею, передал им данные.

После этого командир полка мне говорит:

— Беги обратно на батарею, все проверь, чтобы ударить по ним, так ударить!

— Ладно, мы по ним хорошо ударим, — говорю. — Я половину снарядов на фугас поставлю, половину на осколочные, чтобы и фрицам, и технике досталось.

— Вот и замечательно. Минут через пятнадцать-двадцать дать залп сможешь?

— Постараюсь. — Там местность песчаная, ровная, а я молодой был, бегал быстро. Домчался, спрашиваю у своих:

— Данные подготовили, которые я вам дал?

— Да, все готово, товарищ комбат.

Я стал проверять данные по первой и второй установке, а проверять третью и четвертую поручил своему командиру взвода. Все отлично, я звоню на наблюдательный пункт, докладываю, что через пять минут дам залп. Полковник доволен, говорит, что будет смотреть с наблюдательного пункта, что у фрицев будет твориться. И вот, как дали мы! Немцы ни черта не ожидали, что по ним так ударят! Перемесили мы у них там все. Все в воздух взлетало, земля горела, металл плавился. У них такой переполох был! Видя это, наша пехота приободрилась и сразу после залпа пошла в атаку. Батарею после залпа я сразу отвел на новое место, потому что немецкая воздушная разведка наверняка же засекла ее местонахождение.

Потом полковник снова звонит мне, вызывает к себе. Я пришел, к этому времени как раз затишье наступило. Он рассказал мне о результатах моего залпа. В Сталинграде, к сожалению, мы много залпов давать не могли. У нас ограниченное количество снарядов было. Правда, уже через пару дней мне сообщили, что в таком-то районе есть боекомплект на два-три залпа, надо только доставить. Я сразу доложил об этом командиру полка: мол, у меня техники нет, давайте технику. Снаряды ведь непросто было доставить: каждый по 50 килограммов, два снаряда в ящике. И вскоре получили мы эти снаряды. Посидел я тогда немного у полковника, потом отправился назад. К этому моменту опять стрельба началась со всех сторон. Он даже сказал мне: «Если связь из-за чего-то

прервется, сразу бегом беги ко мне, знаешь дорогу».

Вернулся к своим. Пока задания нет от командира полка, надо ребятам дать передышку, чтобы они хотя бы пообедали. Накормил их старшина. Старшина у меня был толковый — татарин Мингазов Мансур Мингазович. Он после войны жил в Татарстане, два года тому назад получил квартиру (президент Татарстана распорядился) и умер почти сразу после этого — через месяц. А до этого мы все время переписывались с моим старшиной. К слову, из Татарстана у меня был еще командир орудия Тахтаров. А шофер у меня был грузин Джаварнадзе. Разных национальностей были ребята, но все честные, ответственные, со мной считались. Я был так ими доволен, что иногда, когда чувствовал, что ребятам надо дать выпить, то даже свою водку им отдавал и старался, чтобы старшина им выдал что-то дополнительно. Он вообще у меня был скуп на это дело, особо водкой их не баловал. Смершевец в таких случаях говорил мне: «Ты поаккуратнее, мало ли что». «Ничего, сейчас можно», — я устраивал им такие праздники, только когда действительно было можно. Надо ж было ребят повеселить как-то. А со смершевцем мы оба отвечали за то, чтобы наши ребята не напивались. Случись что, нас обоих к стенке бы поставили, время ведь сталинское.

Но вернусь к своему рассказу. Накормил старшина ребят и даже по сто граммов им выдал. Так доволен был, когда о результатах залпа узнал. Правда, тут даже я немного недоволен был. Все-таки нам в любую минуту могли дать команду новый залп готовить. Но ребята молодые были, им сто граммов — что слону дробина. Что еще сказать на эту тему? Водку мы выдавали бойцам не каждый день. Умные командиры вообще выдавали ее своим солдатам только перед атакой, перед наступлением, ну и в выходной день, если затишье. Водку старшина получал из стрелковой части, которую мы поддерживали. Он ездил туда раз в неделю. Продукты тоже оттуда привозил. Офицеры получали наркомовский паек: сахарный песок, масло сливочное, крупы, табак или папиросы, «Беломор-канал» или «Гвардейские», иногда «Казбек». Большую часть своего пайка я отдавал своим солдатам. Зачем мне все эти продукты были? — а они физически работали, снаряды таскали. Я чувствовал, что им это нужнее, а они за это берегли меня. Солдаты получали махорку. Насколько я помню, в Сталинграде это витебская махорка была. Солдат, надо сказать, мы кормили хорошо, старшина старался доставать.

Уже в ноябре немцам очень здорово доставалось. 23 ноября Юго-Западный фронт должен был соединиться со Сталинградским около поселка Калач. Там мы как раз замыкали

кольцо окружения, в котором оказались главные силы гитлеровской группировки. Мне об этом сообщили, когда я пришел на наблюдательный пункт. И пехота на нашем участке должна была пойти в атаку точно после залпа нашей батареи. Артподготовка тогда с нашей стороны была мощная — минут сорок длилась, аж было небо в зареве, как будто горит все! И вот через сорок минут я дал залп в глубь позиций противника. Я старался залп очень чувствительный дать, чтобы деморализовать немцев окончательно. Так и получилось — их ведь сначала артиллерия долбила, потом еще и «катюши». А после этого сразу пехота в атаку — по нашему сигналу. Причем пехотинцы даже с оркестром наступали, чтобы окончательно врага деморализовать. Знамена развеваются… И удалось тогда нашим пехотинцам разорвать южную и северную немецкие группировки под Сталинградом. Вот тут уже чувствовалось, что идет к победе.

Самое интересное, пригласили меня недавно выступать перед телевизионщиками в Музей Великой Отечественной войны. А там вместе со мной выступал один подполковник. Оказалось, он как раз тогда в пехоте на моем участке служил. Он так обрадовался: «Так, оказывается, это по сигналу твоей батареи мы в наступление пошли!»

Но, вообще, из-за дефицита снарядов нам удавалось производить залпы гораздо реже, чем хотелось. К примеру, за весь январь 1943-го моя батарея сделала только восемь залпов. 31 января 1943 года сдалась южная группировка и сам Паулюс. Гитлер как ни старался, подкрепления им бросал, воздушный мост организовал, но ничего у него не вышло, только самолетов много потерял. А когда 2 февраля уже и северная группировка была разбита, тут по всей Германии траур был. Пленные немцы шли колоннами, как стадо овец, обмороженные, напуганные. После их капитуляции под Сталинградом собрались мы с моими бойцами в большой землянке. Там горела коптилка бензиновая из гильзы. И один солдат мне говорит: «Товарищ комбат, вы нам рассказывали, что стихи писали, когда учились на гражданке. А может, напишете о нашей победе под Сталинградом?» Я согласился. Они мне помогали, и мы буквально за час создали стихотворение. Его начало было таким:

Сталинград. Победа нам в огне досталась.
Легендарная «катюша» помогла.
По полям, лесам, болотам пробиралась,
По тропинкам узким каждого села.

Бойцы очень просили меня, чтобы я из него сделал песню.

Исполнил их наказ я только в 60 лет.

После окончания битвы я оставался в Сталинграде еще около двух месяцев, чтобы добивать остатки войск противника. Некоторые фашисты были такими упертыми, что даже в этих обстоятельствах не хотели сдаваться.

Самый опасный эпизод из тех боев случился, если мне не изменяет память, 7 или 8 февраля. Наша батарея по-прежнему размещалась в районе поселка Калач. К этому моменту небо над городом уже патрулировали наши самолеты, и мне доложили, что в трех километрах от нашей батареи в засаде стоят замаскированные немецкие танки. Я тут же послал туда батарейную разведку. Они вскоре подтвердили, что, действительно, немецкие танки в засаде. И тут меня вызывают на наблюдательный пункт штаба. Ну, благо он рядом, бегу туда. Там начальник артиллерии меня спрашивает:

— Ты уже в курсе дела?

— Да, — говорю, — моя разведка уже подтвердила. Немецкие танки в засаде.

— Хорошо. Тогда беги на батарею. Танки вечно стоять не будут, в конце концов они на вас пойдут. И ты имей в виду — выбор у вас один: жизнь или смерть. Гвардейцы твои — стойкие ребята. Можешь объяснить им, что находитесь в таком положении. Готовь поточнее данные. Но и технику готовь к взрыву.

Здесь надо сказать, у нас приказ такой был: если что — «катюши» взрывать, чтобы они врагу не достались. И в каждой машине у нас было взрывное устройство. Остается командир орудия в машине и шофер, держат машину на газу. Я своим заранее команду дал: в случае промаха все должны уйти, отстреливаться. А командир орудия вместе с шофером должны были поджечь бикфордов шнур. Ну, он десять сантиметров в кабине, быстро горит. Коснулся огонь контактов — сразу взрыв и все взлетает в воздух вместе с теми, кто в машинах. И у нас уже все были готовы к этому. Я сам стоял возле первой установки. Если что, взорвался бы вместе с ней. Но умирать, конечно, не хотелось.

Подготовил я данные, перепроверил десять раз. Пересмотрел все четыре установки. Спросил у каждого из наводчиков, готовы ли они. Сам стал у первой машины. «Ну, — думаю, — теперь уж от нас самих наша судьба будет зависеть». Слышу по рации, мне кричат с командного пункта: «Идут!» Тут я даже не ответил, сосредоточился. И вижу: шесть танков, не спеша, грохочут гусеницами. Я пропустил их немного вперед, а потом кричу: «Огонь!» И через 5–7 секунд сразу как вылетело 64 снаряда

осколочного и фугасного действия, чтобы и танки уничтожить, и пехоту, которая их сопровождала. Пять танков сразу загорелись, как свечки, и буквально взлетели на воздух, у них боекомплект сдетонировал. Шестой танк задымил и, отстреливаясь, свалился в ров. Наши добили его гранатами. Правда, один снаряд из пушки этого танка все-таки угодил в третью машину нашей батареи. В результате был смертельно ранен командир огневого взвода лейтенант В. И. Сафонов, тяжело ранен командир орудия, ранены водитель машины и наводчик. Но тем не менее уничтожили мы эти шесть танков. Уже 10 февраля (всего через три дня!) меня вызвали в штаб армии и вручили за уничтожение танков орден Боевого Красного Знамени. Сафонова посмертно наградили орденом Отечественной войны I степени. Весь остальной состав батареи также получил ордена и медали.

После этого я, как уже говорил, еще долго оставался в Сталинграде. Весь город посмотрел, как его немцы разрушили. Видел и Дом Павлова, там тогда одна коробка оставалась.

В каких условиях мы жили в Сталинграде? В жутких условиях! Во-первых, это открытое место, кругом песчаная степь. Во-вторых, морозы были сильные. Пойдет дождик небольшой, потом мороз как ударит! Даже до 43 градусов доходило. Но мы были молодежью сильной, здоровой, все терпели. Рыли землянки для личного состава. В балках прятались, там их много было, балка — это ведь, по сути, ров обыкновенный, заросший кустарниками. Тяжело, конечно, было. Правда, в начале 1943-го нам всем наконец выдали теплое белье, а командирскому составу — даже шубы, рядовым — теплые шинели. Кроме того, валенки выдали и портупеи с ремнем. Шубы у нас были хорошие, из белой овчины.

В Сталинграде я контузию получил. И тоже как раз в январе 1943-го. Возвращался я с НП на батарею и вдруг вижу «Фоккевульф» в небе. А батарея моя уже на огневой позиции находилась, готовилась дать залп. И как-то этот немец прорвался, хотя к этому времени наши самолеты обычно уже не давали им прорываться. Сбросил он бомбу. Ну, думаю, как раз на мою батарею. А бомба вовсе не на батарею, а в десяти метрах от меня упала. Меня сразу землей засыпало, одна голова торчала. К счастью, разведчики с наших огневых позиций увидели. Закричали: «Командира убило!» Побежали ко мне, увидели, что я живой, обрадовались, откопали меня быстро. Спрашивают: «В медсанбат?» «Нет, на батарею», — говорю, а у самого голова гудит, к тому же промерз весь. Тогда ведь мороз был под сорок градусов! На батарее меня сразу в спальный мешок положили, я целый час отогревался, пока более-менее нормально себя не

почувствовал. Вот так я получил контузию, но батарею не бросил.

Ямпольский Иосиф Миронович

Вряд ли найдется писатель, который бы обладал достаточным талантом поведать, что творилось в Сталинграде в сентябре и в начале октября сорок второго… Тут новый Лев Толстой нужен… Любой, кто там был, скажет: я был в аду… И это будет правдой.

После харьковской трагедии бригаду послали на переформировку в Сталинград. Ехали к городу и попали под бомбежку. Нашему эшелону не очень досталось, а вот эшелону, идущему к фронту с пополнением и стоявшему рядом с нами на разъезде на соседнем пути, немцы «дали прикурить». Сотни убитых и раненых. Нам в теплушку закинули несколько раненых, мол, на ближайшей станции есть госпиталь, там калечных и заберут. Но до этой станции мы ехали целую ночь, путь был разбомблен, и пришлось ждать, пока восстановят дорогу. Рядом со мной положили раненого бойца, ему оторвало ногу. Он был в сознании. Успел рассказать, что третий раз едет на фронт, и третий раз его ранят при бомбежке эшелонов, идущих к фронту. Третье ранение, а немцев в глаза не видел… К утру он скончался, мы ничем не могли ему помочь. Я еще подумал, что после формировки и мне придется в третий раз проделать путь к передовой.

В летних боях в излучине Дона мы участия не принимали. Сталинград жил мирной жизнью до середины августа. А потом наступила наша очередь…

Сталинград — город своеобразной планировки. Раскинулся по берегу Волги на несколько десятков километров в длину, а самая широкая часть от берега была не больше четырех

километров. 23 августа нам зачитали приказ командующего БТВ фронта генерала Штевнева о наступлении на немецкие части, прорвавшиеся в районе поселка Тракторного завода. Город горел после тяжелой бомбежки. Нефть из поврежденных хранилищ загорелась и хлынула к Волге. Река горела в буквальном смысле. Все небо было закрыто сотнями немецких бомбардировщиков. Нашу бригаду зачислили в 23-й танковый корпус, понесший огромные потери в предыдущих июльских боях. Командир корпуса генерал Абрам Матвеевич Хасин лично подошел к каждому командиру, пожал руку, напутствуя в бой. Немецкие танки стояли в полутора километрах от территории заводского поселка и ожидали, пока их пехота подтянется. Если бы они в тот день рванули вперед, не ожидая со своей немецкой пунктуальностью соответствующего приказа, — битвы на Волге, возможно бы, не было…

Там для меня впервые случился встречный бой с немецкими танками. Два из них моему экипажу удалось сжечь. Но постепенно, неся потери, мы откатывались в городскую черту. Танки были, Тракторный завод продолжал выпускать машины почти до конца сентября. Но использовать танки массированно мы не могли. Обычно рассредоточивались по две-три машины на разных участках для поддержки пехоты. Если танк подбивали, то его окапывали, превращая в дот. А вот немцы перли танковой массой. До сих пор помню бой за силикатный завод, очень тяжелый бой был, когда собрали вместе бригаду подполковника Удовиченко и полковника Кричмана для отражения атаки южнее Тракторного. Там немцы пустили на нас одновременно 150 танков. С этого боя мало кто вышел живым и у нас, и у немцев. Поначалу даже не было сплошной линии фронта — не поймешь, где противник, а где свои…

Человек в Сталинграде жил три дня максимум. Я не успевал даже познакомиться с новыми экипажами, как люди гибли. Один экипаж запомнился. Командир был лейтенант 18-ти лет, фамилия его, если помню правильно, Гершензон. Лицо у него было такое одухотворенное. Я даже подумал: «Если выживет, после войны поэтом будет». Через две недели их убило при бомбежке. Принесли планшетку этого лейтенанта, а там тетрадка с его стихами. Строки одни запомнились: «Придем мы к Сталинграду стариками, чтобы у Волги юность вспоминать…» В танкисты набирали людей отборных, как тогда говорили, «проверенных на чистом спирте», но порой даже мы испытывали страх. Огонь был таким смертельным, что, когда нас подожгли, экипаж боялся выскочить из горящего танка. Механик-водитель был сразу убит, когда выбирался через свой люк. Пришлось силой и матом в дыму

выпихивать из танка ребят. Первый проскочил удачно, второй ранен в руку. Я покидал машину последним. Отполз метров на десять, и тут танк взорвался… Раненые не покидали своих товарищей. И мы, и немцы осатанели до такой степени, что, казалось, с обеих сторон воюют смертники, мечтающие побыстрей отправиться на тот свет. Помню, нашему комиссару батальона, моему тезке и земляку, оторвало ногу, и ночью его должны были переправить через Волгу. Комиссар лежал с бледным, обескровленным лицом, по которому текли слезы. Мы пришли на берег проститься с комиссаром. Он сказал: «Не от боли плачу, ребята, а от обиды, что не могу дальше фашистских гадов убивать! Прошу вас, добейте немцев!»

К пехоте как-то пошел — договориться о взаимодействии перед атакой. Дом четырехэтажный, руины стоят. Вдруг внезапный прорыв немецкой штурмовой группы, немцы нас загоняли наверх, забрасывая гранатами. Все патроны своего ТТ расстрелял, взял у убитого бойца винтовку… Из подвала мы отступили на четвертый этаж, пока нас всех не перебили. По обгорелой водосточной трубе я сумел спуститься вниз. Человек десять немцев стреляли в меня в это время, но просто чудо! — ни одна пуля не задела меня… Ночью отбили этот дом обратно и нашли еще одного выжившего пехотинца. Он был тяжело ранен, лежал без сознания и немцы приняли его за убитого…

Придали нас как-то курсантскому батальону, вроде Грозненского пехотного училища, для огневой поддержки. В атаку курсанты сходили, назад всего восемь человек живых вышло. Ездили мы там по трупам, которые, казалось, лежат на каждом метре Сталинградской земли. Только по цвету шинелей и узнавали: по своим едем или по немцам. Земля вся дыбом стояла, ровных участков не было, даже нижний аварийный люк мы не могли открыть, несмотря на то что клиренс позволял: люк упирался или в труп, или в груду металла и кирпича. Самое страшное, что я видел на войне, это даже не истребительная бомбежка под Харьковом или ночной бой на Курской дуге, где все вели огонь, не особо разбирая, где свои танки, а где немецкие. Это — атака бригады моряков-тихоокеанцев. В полный рост, через стену огня — на пулеметы, в лоб. Тысяча погибших за считанные минуты… А один раз на моих глазах пошла на дно Волги баржа с ранеными. Немцы разбомбили ее, так вода в реке стала красной от крови… Сотни немецких самолетов висели в небе над Волгой днем и ночью.

В начале октября мой танк опять подбили, и я был снова ранен в ногу. В тот день мой танк занимал позицию в ста метрах от Волги. Понимаете, всего сто метров советской земли было за

нашей спиной! Мы знали, что не отступим… Перевезли ночью через реку и отправили в село Комсомольское на левобережье. Обычно половина раненых погибала на переправе. Поток раненых был таким огромным, что в госпитале закончились анестезирующие средства. Это меня перевезли на другой берег сразу после ранения, а многие по две недели пролежали в подвалах домов, в медсанбатах. Доктор сказал: «Если сегодня тебя не прооперируем, загнешься от гангрены». Влили в меня два стакана спирта, четыре человека держали за руки и ноги, а хирург оперировал. И такое бывало. Отправили в госпиталь, в Саратов, через два месяца вернулся на фронт, опять на Сталинградское направление.

К фронту подъезжал — мысли и ощущения были очень грустные, думал, что теперь меня точно убьют, сколько можно в «орлянку» играть с судьбой? Но рядом шли колонны наших войск, посмотрел я на всеобщее воодушевление и желание разгромить врага, и мне даже стыдно стало за себя, чего это я скис. Попал в бригаду Филипенко.

В начале февраля сорок третьего я попал в центр Сталинграда. Ужасная картина: все подвалы были забиты немецкими ранеными солдатами и офицерами, умирающими от ран, голода и холода. Тяжело было смотреть на их мучения, но после того, что мы испытали в осенних боях, жалости к немцам никто не чувствовал. Наши медработники не успевали оказывать немцам помощь. Был приказ: пленных не убивать, но некоторые из нас бродили среди рядов раненых, выискивая эсэсовцев. Этих пристреливали на месте, определяя принадлежность к СС по обмундированию. Поразила еще одна вещь: чуть ли не каждый десятый в немецкой форме был из бывших солдат Красной армии, с ними тоже не церемонились. Ожесточение людей было предельным. Все улицы были завалены трупами замерзших немцев. Сами пленные немцы растаскивали их по сторонам, чтобы можно было пройти-проехать. Зацепят крючком за ноздрю и волокут. Немцы со своих убитых снимали сапоги. Технология простая: ударят ломом по щиколотке, она крошится и тогда можно легко снять сапоги… Хватит вам подробностей?

Наверное, случай на Тракторном заводе остался неизвестным или не отмеченным в публикациях. В сентябре 1942-го обе противоборствующие стороны вовсю использовали трофейные танки. Мне один раз пришлось отражать атаку семи Т-34 с немецкими экипажами и даже пару дней сидеть в трофейном немецком танке, приспособленном под огневую точку. У них внутри танка сидишь — ощущение, будто в удобной комфортабельной комнате находишься. Так вот, шла наша

танковая колонна примерно из двадцати танков на ремонт. Четыре немецких танка в сумерках втерлись в эту колонну — никто подвоха не почувствовал — и заехали немцы на территорию ремонтной площадки Тракторного завода, встали по углам. И открыли огонь по танкам, людям, цехам. Пока их удалось убить, они много бед натворили, такой «праздник» нам устроили… Немцы умели жертвовать собой тоже…

Пряничников Евгений Николаевич
Летчик-истребитель 929-го ИАП

Последовало совершенно неожиданное и неутешительное распоряжение: «Передать все самолеты на пополнение 929-му ИАП, а самим отправиться в тыл за новыми самолетами». У всех была одна мысль — вот это повоевали! Через три дня поступило дополнительное распоряжение: этому же истребительному авиационному полку передать всех рядовых летчиков.

Итак, я в новом 929-м ИАП (такова судьба и воля начальства). Меня это устраивало, я на фронте под г. Сталинградом на аэродроме Вороново. Бои идут весьма ожесточенные на Дону, особенно в районе Калача. Полк действует, выполняет задачи прикрытия наших наземных войск с воздуха от бомбардировщиков типа Ю-87 и Ю-88. Идут многочисленные воздушные бои с «мессершмиттами». Уже появились новые его модификации Ме-109ф.

Надо сказать, что я попал в прославленный полк, здесь было чему учиться и у кого учиться. Учеба шла непосредственно в боях. В это время в нашем полку было девять Героев Советского Союза, а остальные были награждены многими орденами. Это говорило само за себя.

Наш полк еще до моего прихода вначале воевал на самолетах И-153 («Чайка») — это прославленная машина, особенно отличалась в боях на реке Халхин-Гол, но к настоящему времени безнадежно устарела, существенно уступала в своих тактико-технических данных немецким самолетам. Такое положение, естественно, вызвало к жизни определенные тактические приемы

в боях с Ме-109. Так, например, «Кольцо». Влезать в него немецкие летчики не любили и чаще всего уходили прочь.

Переход же на самолеты типа Як-7б требовал применения и новых приемов боя с немецкими самолетами. Наши «яки» позволяли довольно успешно драться на маневре в вертикальной плоскости. На наших самолетах появились радиостанции. Это позволяло ведущему группы лучше управлять, а также получать информацию с наземных постов наведения.

Вспоминается один воздушный бой в начале августа в районе Калача. При прикрытии наземных войск подошла крупная группа немецких «юнкерсов» под прикрытием истребителей типа Ме-109. Завязался ожесточенный воздушный бой. Ревели двигатели, трассы снарядов и пуль рассекали пространство. Мы с напарником увидали на высоте около 4000 м одиночный самолет Ме-110 — двухмоторный истребитель. Видимо, в этом бою он использовался немцами как фотограф результатов бомбометания «юнкерсов» или как разведчик. Мы немедленно атаковали его с двух сторон. Увидев нас, он выполнил переворот через крыло и стал круто пикировать, видимо, надеясь уйти от нас, но мы продолжали его преследовать, не давая ему вывести свой самолет из глубокого пикирования. Одна из моих пушечно-пулеметных очередей удачно прошила «мессершмитта», он задымил и, не пытаясь выйти из пикирования, врезался в землю. Это была победа! Бой к этому времени затихал, и мы все (у нас было 12 самолетов) без потерь вернулись на свой аэродром. Оказалось, при разборе боевого вылета, что мы еще уничтожили два «юнкерса» и два «Мессершмитта Ме-109». Это был весьма удачный бой с хорошими результатами. Но надо сказать, что бои были тяжелыми, и мы все же несли потери и в самолетах, и в летчиках.

Один из боев для меня сложился неудачно. Видимо, одиночная случайная пуля врага где-то пробила систему охлаждения двигателя моего самолета. За мной потянулась испаряющаяся струйка воды. Мне подсказали по радио коллеги-летчики, да я и сам это увидел при развороте.

Стало ясно — без охлаждения двигатель долго не проработает. Подо мной территория, занятая врагом. Решение созрело мгновенно: курс 90°, возможно, дотянем до своей территории. Побежали томительные минуты. Вот и линия фронта позади. Стрелки контроля режима поползли в разные стороны, из выхлопных патрубков появился белый дым — горело масло, скрежет, конвульсивные рывки двигателя и тишина, только шипение перегретого двигателя. Высота 4000 м. Ручка от себя, планирую, глазами подбираю площадку. Садись, практически, где

хочешь — степь, только одиночные овраги да пересохшие речки нарушают однообразие. Тем временем высота падает — 3000, 2000, 1000.

И вот, когда до земли оставалось 500–600 метров, я услышал (мой двигатель не работал) характерный свист самолета Ме-109. Повернулся назад — я у него уже в прицеле. Как говорится — ваше решение? Скорее автоматически, чем сознательно, — ручка от себя и левой ногой на педаль — разворот влево. В этот момент огненные ленты прошили мой самолет, полетела обшивка с правого крыла. Выравниваю самолет из крена, ручка на себя — земля. Самолет не скапотировал — уже удача — лежит на животе. Мысль работала быстро и четко: «Наверное, будет расстреливать на земле». Быстрее от самолета, ремни, за борт, но падаю боком, откатываюсь в сторону, смотрю в небо — где он? Оказывается, я ранен в правую ногу. Фриц сделал круг над моим самолетом и ушел на запад, видимо, подумал: «Готов Иван». Далее все пошло значительно медленнее и тяжелее. Знойное полуденное солнце в небе, стрекот кузнечиков и никого, сколько глаз хватает, кругом ни людей, ни машин. Только мы вдвоем — я, раненный в ногу (три осколка), и безжизненный распластанный на земле самолет, который всего каких-нибудь 10–15 минут назад был грозной для фашистов машиной.

Перевязываю ногу, забираю планшет и парашют, снял и часы с самолета (они сейчас хранятся у меня как память об этом событии), но, о ужас! — наступать на ногу практически не могу, а кругом ни одной, даже захудалой, палки. Только трава да перекати-поле. Но не век же мне здесь сидеть, надо двигаться на юг. Там должна быть дорога.

Проходит час, два, три. Не иду, а практически ползу, самолет еще виден. Солнце уже клонится к западу. Присел на парашют, задумался. И вдруг вижу — вдалеке едет автомашина. Встал во весь рост, машу руками, выпустил полную обойму из пистолета.

Не знаю, то ли он меня увидел, то ли судьба, но подъехал один солдат за рулем. Оказалось, что до ближайшей балки, где были люди, более 10 км.

В госпитале, куда привез меня водитель, мне обработали ногу, посадили на другую машину — и в путь. Через 4–5 часов я уже был на своем аэродроме.

Госпиталь авиационной 8-й ВА, город Астрахань, дом отдыха 8-й ВА под Пугачевом и через 2,5 месяца я в строю, в штабе 8-й ВА, уже за Волгой. В это время враг вплотную подошел к Сталинграду. Шла самая кровопролитная битва за цитадель на Волге.

Я прибыл в штаб 8-й ВА, чтобы уточнить, где находится мой

полк. Но мне говорят, что у них такого полка нет, что он, возможно, в соседней армии. Но потом появился штабной полковник и, уточнив, чем я интересуюсь, объяснил мне, что командир полка майор Фоткулин погиб в бою, комиссар тяжело ранен, многих других летчиков уже нет, полк расформирован и знамя полка сдано в армию уже более 1,5 месяцев назад.

Я понял ситуацию и сказал: «Тогда прошу вас направить меня в ту дивизию и полк, которую вы считаете нужным».

Получил назначение в 287-ю истребительную авиадивизию, которой командовал полковник Данилов. Уточнили, что эта дивизия в составе трех полков пока дислоцируется на аэродроме Средней Ахтубы и Заплавского.

Был конец октября 1942 года. Прибываю в дивизию и получаю назначение в 27-й ИАП под командованием подполковника Слуцкова.

Тут произошел следующий эпизод: я пересекаю аэродром, чтобы попасть в землянку — штаб полка. Бросил взгляд в сторону деревни Ср. Ахтуба и увидел два самолета, идущие на бреющем полете. В тот момент я подумал — наши ребята возвращаются с боевого задания. Выскочив на летное поле, они еще плотнее прижались к земле и, когда проскакивали мимо меня, я увидел, что это два «Мессершмитта Ме-109» с черными крестами на желтом фоне на крыльях.

В следующий момент я услышал длинные пулеметно-пушечные очереди и в одном из капониров вспыхнул самолет. «Мессершмитты» круто взмыли вверх и подались на запад. Никто на аэродроме даже не успел среагировать — так неожиданно и так нахально была произведена атака. Это-то на аэродромах, где базируются два полка наших истребителей!

Когда же я прибыл в штаб 27-го ИАП, мне стало ясно — в этом полку осталось всего четыре самолета и шесть летчиков, и на вооружении у них Ла-5. Это прекрасные самолеты с множеством преимуществ по сравнению с ЛАГГ-3. На этом самолете я не летал, осваивать его в таких условиях непросто. Командир полка понимал это, созвонившись с командиром дивизии, сказал, что мне следует пересечь аэродром и поступить в распоряжение командира 293-го ИАП, который вооружен самолетами Як-1, поскольку волей командира дивизии я переведен уже туда.

Я прибыл в этот полк. Оказалось, что Як-1 в этом полку осталось тоже только четыре самолета, пятый только что сожгли «мессершмитты», которых я видел, но в полку 17 боевых летчиков, один из них легко ранен, но не пожелал ложиться в госпиталь и находится в своем коллективе.

Командир полка подполковник Кетов познакомил меня с основным руководящим составом и с летчиками. Капитан Сафронов С. И. назначил меня старшим пилотом во вторую эскадрилью, которой тогда командовал, и выделил ведомого летчика — сержанта Голиченко В. С., с которым мы в дальнейшем были связаны по боевой работе практически до конца войны. Более того, мы дружны по сей день, и эту дружбу поддерживают наши жены.

Я был очень доволен хорошим коллективом, в котором оказался. Шла боевая работа, хотя полки нашей дивизии были основательно потрепаны. Дивизию с фронта не снимали, так как она имела богатый опыт работы в этих необычайно сложных условиях.

Стало известно, что мы получаем 10 самолетов из передвижных авиаремонтных мастерских около г. Пугачева. Получить и пригнать эти самолеты на свой фронтовой аэродром было поручено нашей эскадрилье.

Нам добавили несколько недостающих летчиков из других эскадрилий. И под командованием капитана Сафронова мы блестяще выполнили эту задачу. Откуда-то добавили еще несколько самолетов и у нас в полку уже насчитывалось около 20 самолетов. Все они были не новые, как говорят — видавшие виды, с многочисленными залатанными пробоинами. Они очень часто выходили из строя, но благодаря героическим усилиям технического состава полка, работавшего на самолетах непрерывно день и ночь, практически все самолеты были в строю.

Боевая работа не прекращалась. Ежедневно начальник штаба подполковник Бугреев с утра читал приказ: «293-й ИАП весь день всеми наличными силами прикрывать с воздуха г. Сталинград». И мы летали, выполняя по два-три вылета ежедневно. Били противника в воздухе и на земле. Но нам было трудно, немецкой авиации было больше. «Юнкерсы-87» и «88», «Хейнкели-111» и другие непрерывно висели над городом, над нашими войсками, разрушая дом за домом, их основательно прикрывали истребители. Город горел, горела Волга, по которой текла нефть из разбитых хранилищ.

Мы дрались с Ме-109, били и отгоняли от наших войск Ю-88. Боевой счет полка возрастал, ежедневно сводки-итоги дня говорили об этом.

На моем счету также прибавилось два уничтоженных самолета, один Ме-109 и один Ю-88.

Мой напарник был прекрасным летчиком, отлично выполнял свои задачи и также открыл свой боевой счет сбитых самолетов.

Вспоминается боевой эпизод с одним из летчиков нашей

эскадрильи. Был очередной тяжелый и жестокий воздушный бой, в котором самолет этого летчика был серьезно поврежден, перебито управление. Летчик принимает решение и выполняет его — покидает самолет на парашюте, но опускается на нем практически в центр Волги. На том берегу, западном, немцы открыли огонь по летчику, на этом берегу наши войска ответили огнем, стараясь принудить замолчать противника. В это самое время из прибрежных зарослей с нашей стороны на полном ходу вырывается катер в направлении летчика, барахтающегося в центре Волги. Огонь с обеих сторон усиливается. Немцы теперь бьют и по катеру. Но отважные моряки тем временем приближаются к летчику, багром цепляют парашют (другого выхода не было), который, к счастью, оказался не отстегнут, и, не сбавляя хода, возвращаются в прибрежные заросли. Операция была выполнена блестяще. Выручка в бою — это основа современного боя, а тут еще моряки и наземные войска помогли летчику.

Летчик потом рассказывал: «Ну и нахлебался же я тогда воды, как на глиссере летел к берегу».

В другом случае, когда летчик также опустился на парашюте на берег реки Ахтубы, немецкие стервятники выполнили четыре захода по нему, стараясь уничтожить его. И только находчивость нашего летчика помогла ему остаться в живых. Случайно оказавшаяся на берегу колода дерева позволила летчику прятаться за нее в зависимости от направления захода стервятника. Летчик отделался только легкими ранениями и мелкими осколками в теле.

Был уже декабрь 1942 года. Непрерывные бои продолжались. Наши силы уменьшались, мы теряли самолеты, теряли летчиков.

Мы знали, что на тыловых аэродромах накапливают силы, что сосредоточивается другая боевая техника и войска. Мы чувствовали, что готовится какое-то мощное контрнаступление наших войск. Это нас радовало и прибавляло силы. Понемногу нам добавляли самолеты и летчиков, но серьезного пополнения не было. Мы все прекрасно понимали, что нас используют для обеспечения прикрытия сосредоточивающихся сил для крупного контрнаступления. И настал момент!

Артиллерийская подготовка, все кругом гудело и содрогалось. Три дня не было летной погоды, мы не летали. Приходила только авиация дальнего действия и где-то наносила свои бомбовые удары по врагу.

За три дня войска Сталинградского и Донского фронтов, подкрепленные мощным резервом ставки, в своем небывалом порыве и благодаря превосходящим силам танковых дивизий

сумели замкнуть небывалых размеров кольцо окруженных гитлеровских войск в районе Калача.

На четвертый и последующие дни была прекрасная летная погода; наша авиация, также подкрепленная резервами Ставки, всей своей мощью обрушилась на врага, выполняя задание по разгрому отдельных очагов сопротивления немцев, нанося бомбовые и штурмовые удары. Истребительная авиация осуществляла прикрытие наземных войск с воздуха и выполняла задачи завоевания господства в воздухе. Наносила, вместе со штурмовой авиацией, самолетами Ил-2 удары по аэродромам противника. Надо сказать, что значительное число немецких аэродромов было подавлено в ходе наступления наземных войск, из-за трехдневной погоды авиация немцев не могла подняться со своих аэродромов даже для эвакуации на тыловые аэродромы. Враг понес огромные потери в авиации.

Нашему 287-му ИАП была поставлена задача действовать по войскам и авиации противника, находящейся в окружении. У противника в окружении находился аэродром «Питомник», который они сильно укрепили противовоздушными средствами, используя его для организованного воздушного моста с целью снабжения своих войск в окружении боеприпасами и другими видами снаряжения.

Наша задача была разорвать этот мост и сорвать поддержку окруженных войск противника.

Наши штурмовики и бомбардировщики непрерывно наносили ощутимые удары по врагу, в том числе по аэродрому «Питомник», но сопротивление и прикрытие его сильно мешали выполнению боевых задач. Наша авиация также несла потери. В составе 2-й АЭ 293-го ИАП мы выполнили большое количество боевых заданий, и достаточно успешно, но также несли потери — погибли три летчика, потеряли часть самолетов. Боевой счет сбитых самолетов у наших летчиков возрастал с каждым днем.

За успехи, достигнутые в боях, нашей дивизии было присвоено наименование Сталинградской, многие летчики били награждены орденами и медалями. Четырем лучшим нашим летчикам полка было присвоено высокое звание «Герой Советского Союза».

Вспоминается один случай, когда четыре транспортных самолета типа Ю-52, видимо, не найдя своего пункта назначения в кольце окружения, случайно вышли из облаков над нашим аэродромом. Взлетевшая дежурная пара наших «яков» в течение трех минут сбила все четыре «юнкерса». Вокруг аэродрома пылали четыре огромных костра догорающих немецких самолетов.

Однажды недалеко от нашего аэродрома в воздушном бою был сбит фашистский истребитель Ме-109, летчик покинул самолет на парашюте и практически спускался на аэродром на виду у всех находящихся вне землянок.

Он без сопротивления сложил личное оружие и выполнял все наши требования. В ожидании, пока его отправят в штаб Воздушной армии, его привели в землянку летчиков.

Состоялся интересный разговор: он не понимал по-русски, а мы практически не понимали по-немецки. Но профессиональный разговор все же велся с сильной жестикуляцией руками, как обычно летчики поясняют маневры самолетов. Нас, естественно, интересовало мнение фрицев о наших самолетах.

Сам немецкий летчик был среднего опыта полетов и воздушных боев. До этого он воевал на Западном фронте, где лично уничтожил шесть самолетов английских ВВС («харикейны» и «спитфайры»), на нашем Восточном фронте ему удалось сбить только один наш самолет — штурмовик Ил-2. Как оказалось, он еще не знал, что на наших штурмовиках в настоящее время имеется воздушный стрелок в турели с двумя крупнокалиберными пулеметами. Это его сильно удивило — надо быть (но как быть — он уже в плену) осторожнее, не как в начале войны. Он очень уважительно отозвался о наших «яках» и ЛА-5.

Далее беседу пришлось прервать, так как пришла автомашина с двумя солдатами для сопровождения. Один из наших летчиков, до этого молчавший, так как был ранен и очень зол на фашистских летчиков, сказал, показав на солдат с автоматами: «Капут». Немецкий летчик, видимо, подумав, что допрос окончен и что его сейчас расстреляют, побледнел. Но его увезли в штаб армии.

Была еще зима, но в этих местах уже чувствовалось дыхание весны: дни становились длиннее, солнце поднималось все выше и выше.

Операция по разгрому немецких войск в окружении приближалась к концу. Кольцо существенно сжалось, враг понес огромные потери в живой силе и технике. Горючее для танков давно уже кончилось и немецкие танкисты их несколько вкопали в землю, используя как доты, но боеприпасы таяли. Как говорили солдаты, немец становился не тот.

Сегал Ефим Иосифович
Лейтенант, командир взвода 201-го стрелкового полка 84-й Краснознаменной имени Тульского пролетариата стрелковой дивизии

В середине лета 1942 года появились первые признаки того, что мы будем скоро наступать или нас перебрасывают на другой участок. Во-первых, нас стали лучше кормить, во-вторых, все старшины рот вдруг стали щеголять в новом обмундировании.

В последних числах июля нам передали приказ комполка: подготовить передачу линии обороны «сменщикам». Нас вывели с передовой, дали два дня отдыха, организовали баню, вошебойку, парикмахеров. Мы совершили марш до какой-то станции и загрузились в эшелоны, выделили по три эшелона на полк. Куда нас перебрасывают, никто ничего не знал. Но мы понимали, что нас обязаны пополнить, в строю оставалась треть личного состава, а в моей роте, например, было всего два взводных. Нас повезли в объезд Москвы и только тут объявили: «Едем к Сталинграду!» В Мичуринске была долгая остановка, мы простояли целые сутки, и здесь к нам прибыло пополнение, четверть которого составляли опытные красноармейцы-фронтовики, выписанные из госпиталей после ранений, остальные — узбеки и местные призывники, с домашними торбами за спиной. Среди пополнения было два старых еврея,

обоим лет за пятьдесят, видно было, что оба из «местечковых» или из «западников», как тогда говорили — «из старорежимных».

Один из них был совсем больной, из-за язвы желудка у него постоянно были кровавые рвоты, ну куда такого в стрелковую роту? Я пришел к комбату и попросил перевести этого бойца в тыловое подразделение. Стоим втроем: я, комбат Тувов и комиссар батальона Серебрянников, и комбат мне отвечает: «Мы здесь все трое евреи, и если я этого бойца отправлю в тыловое подразделение, то сразу про нас троих скажут, что мы, евреи, своих прячем подальше от передовой. Я не могу на это пойти». Тогда я пошел к комиссару полка, майору Андрею Андреевичу Драннику, объяснил ситуацию с этим больным красноармейцем, и комиссар, уникальный, добрейшей души человек, приказал перевести его в полковую похоронную команду. А второго пожилого еврея я оставил в роте, он постепенно освоился, притерся к русским бойцам, провоевал в нашем батальоне целый год, до самого Белгорода, и был убит уже летом сорок третьего года.

Выгрузились мы в середине августа возле станции Серафимовичи, прямо в чистом поле, под интенсивной немецкой бомбежкой. Рядом разгружался эшелон с двадцать пятью танками Т-34.

В роте сто один человек, среди них один взвод автоматчиков. Нашей роте были приданы два станковых пулемета «максим» и одна 45-мм пушка — «сорокопятка», один расчет ПТР. Получили приказ, совершить марш до села Ерзовка, занять оборону и стоять насмерть.

Ни шагу назад, умереть, но Ерзовку немцам не отдать.

Мы прошли в колоннах только один километр, как попали под жуткую бомбежку. Пришлось командирам принимать другое решение, как добраться без больших потерь до указанного участка обороны. Шли мы до этой Ерзовки четверо суток, передвигались побатальонно, по оврагам в ночное время. Нас систематически бомбили.

Стояла дикая августовская жара, мы тащили на себе все боеприпасы. Мы вышли к назначенному месту севернее Волги и заняли оборону на высоком, обрывистом берегу у хутора Ерзовка. От нас до сталинградских окраин было всего несколько километров. В этот день внезапно исчез мой ротный, и мне приказали принять роту под свое командование. Позиции для нашего 2-го батальона были выбраны неудачно, половина роты оказалась в овраге. Рыть окопы было трудно, грунт тяжелый, суглинок и мелкие камни. А в четыре часа утра нас стали долбить с земли и с воздуха. Бомбежка длилась круглые сутки, почти без

перерывов, по нам неустанно била артиллерия противника, стоял сплошной гул и грохот. Истребляли нас с немецкой пунктуальностью и педантичностью, «по часам», мы уже знали, что нам сегодня предстоит испытать и пережить начиная с 04.00…

Так начался для нашего полка «Сталинградский ад»…

Первые семь дней мы держались, отбивали атаки и сами контратаковали, хотя в роте осталось всего тридцать человек. А потом, восточнее нас, немцы сбили с позиций соседний полк, и они, соседи, отошли фактически в наш тыл, получилось полуокружение, мы держали круговую оборону. И в этот момент ко мне в роту пришел комиссар полка майор Дранник. Многие бойцы уже вооружились немецкими автоматами, но я продолжал воевать с ППШ. Немцы нас зажали с двух сторон, взводные мне говорят: «Лейтенант, надо отходить, иначе всем тут хана!», на что я ответил: «Нет! Кто отойдет без приказа, застрелю на месте!» Мы приготовились к отражению очередной атаки. С поля боя, с участка соседнего батальона, приволокли «максим» и ленты и поставили пулемет на правом фланге для ведения «фланкирующего огня». Началась очередная бомбежка, потом артобстрел, и немцы снова пошли в атаку. Вдруг пулемет на фланге затих, оказалось, что весь расчет погиб, и тогда комиссар Дранник сам лег за пулемет и повел огонь.

Немцы не могли пустить на нас свои танки, рельеф участка обороны был очень сложным, вся земля изрезана оврагами, там танки не могли пройти. Через неделю боев наш полк был полностью выбит, и когда нас отвели на переформировку, то в моей роте осталось только 14 человек. Здесь нас опять пополнили, прислали среднеазиатских нацменов и солдат после госпиталей. После этого численный состав роты стал 70 красноармейцев и командиров. Мы находились в армейском резерве, и перед началом ноябрьского наступления в роте было уже 145 человек, полный штат, в других ротах людей было меньше.

25 ноября 1942 года нас вывели из резерва 24-й армии к передовой. Мы шли из села Паньшина через балки и распадки в направлении на юго-запад. Метель «разрывала» нашу полковую колонну. Подходили к передовой под звуки канонады. Всегда, когда снова возвращаешься на передовую, была какая-то внутренняя дрожь, непонятный страх. Приказали явиться в штаб батальона, я передал роту своему политруку, младшему лейтенанту Ивлеву, опытному фронтовику, с которым мы воевали вместе еще на СЗФ. Комбат, капитан Тувов, поставил задачу — идти на хутор Вертячий. Здесь же находился наш комиссар

батальона Серебрянников, молодой невысокий интеллигентный человек, носивший очки. Шли всю ночь, а утром, еще затемно, увидели брошенные старые землянки и заняли их для отдыха. В обед появился старшина с термосами и нам еще выдали сухой паек на три дня, а где-то в 16:00 всех батальонных и ротных командиров собрал у себя комполка подполковник Караваченко и отдал приказ: «Затемно захватить овраг в северной части хутора Вертячий». От этого оврага до центра хутора было километра два, и тем самым мы перекрывали немцам единственную возможность прорваться из окружения. 26 ноября в шесть часов утра мы развернулись в цепь повзводно и пошли вперед, за нашей спиной появились Т-34, а в ста метрах впереди уже горели три немецких танка. Мы прошли спокойно первые 150 метров и почти без боя взяли первую немецкую траншею, на снегу валялись еще теплые гильзы. Мы прошли еще только метров сто, как немцы открыли сильный артиллерийский, пулеметный и минометный огонь, на участке наступления 3-го взвода сразу загорелись два наших танка. До балки оставалось метров триста, мы накопились в распадке, а немцы засели на противоположном склоне балки. Немцы отходили, пытаясь контратаковать, нас все время обстреливали из пулеметов и минометов, по всей линии немецкой обороны шел ожесточенный бой. Только в такие минуты человек понимает, какое это великое счастье — залечь в снегу, хоть и под плотным огнем, но не идти в полный рост в атаку на пулеметы. К одиннадцати часам вечера соседние батальоны смогли продвинуться на двести метров впереди нас, а мы по-прежнему лежали на снегу. Стоял тридцапятиградусный мороз. В час тридцать ночи началась артподготовка, ударили залпы «катюш», и под прикрытием артогня мы смогли продвинуться еще на сто метров. Около полудня снова заговорила наша артиллерия, вперед пошли танки, и мы смогли ворваться на хутор, дома в котором были полностью разрушены. Услышал свист снаряда… А очнулся уже в госпитале, с тяжелой контузией, ничего не слышу. Подошел наш санбатовский хирург, мой земляк, киевлянин Исаак Харитонович Степанский, и я поверил, что все обойдется на этот раз. Только 5 января 1943 года я вновь вернулся в свою роту.

В роте семьдесят бойцов, но знакомых лиц было мало. В эти дни наши потери восполнялись любым возможным способом, нередко приказом старшего офицера забирали в тылах отставших от своих частей солдат, не смотрели, кто артиллерист, а кто обозник, и бросали их к нам на пополнение. Погиб мой «старый» взводный, лейтенант Ошивалов, и вместо него взвод принял старший сержант. Восьмого января мы наступали на Ерзовку,

землю которой мы в августе сорок второго года обильно полили своей кровью. Мы шли навстречу частям 62-й армии, но через два дня нас развернули на восток, перед нами была высота 117,5, которую надо было брать. Один из взводных, бывший бригадир из тюменского леспромхоза, первым повел своих бойцов через балку, и они взяли в плен пятнадцать немцев. Но немцы держались за эту высоту «зубами», доходило до рукопашных, за два дня мы выдержали семь контратак. В рукопашной схватке немец уже в падении разбил мне прикладом колено, но я успел застрелить его из пистолета. После этой высоты мы дошли до разъезда 564-й километр и в метель подошли к разъезду Конный. Огнем из бараков немцы положили нас в снег, мы лежали под пулеметным огнем и уже не чаяли оттуда благополучно выбраться, как появились наши танки. Подбежал к бараку и забросал немцев гранатами. Гитлеровцы стали сдаваться, они были все изможденные, голодные, заросшие, на каждом по нескольку комплектов одежды, на ногах боты из соломы. Пленных никто не расстреливал, во-первых, командиры не допускали самосуда, во-вторых, играл свою роль «шкурный вопрос» — взял пленных, тебе за это благодарность от командования, а кому и награда. После разъезда Конный нас развернули на юг в направлении хутора Новая Надежда, где снова пополнили личный состав.

Дальше мы брали Городище, где в районе кладбища немцы организовали опорный пункт. Там все было перепахано снарядами, не земля, а сплошные воронки, только кое-где торчали деревянные кресты. Мы взяли этот опорный пункт, немцы моментально перешли в контратаку, а мы кинулись вперед, к ним навстречу, и немцы побежали, не решившись на рукопашный бой. Роты вышли в район «Стадиона» и там, где находилась школа № 34, получилось настоящее побоище.

За развалинами домов лежали в руинах цеха Тракторного завода, и нам пришлось брать с боем один из цехов. В роте оставалось меньше полста человек, и тут я получаю приказ на атаку сборочного цеха. Только мы пошли цепью вперед, как из каждого окна цехового здания появились по 2–3 автоматчика и стали поливать нас огнем. Мы лежали на снегу два часа, стали замерзать, из тыла приполз офицер из штаба полка и командует: «Вперед!» Я просто чуть поднял на стволе вверх каску, и сразу в каску ударила пуля. Штабной офицер все понял, лежит рядом, помалкивает. Подошли два танка Т-34, помогли огнем, и под прикрытием танков мы ворвались в цех и стали «выкуривать» немцев…

Непрерывные бои продолжались до февраля.

2 февраля вдруг внезапно прекратилась канонада, и на

передовой воцарилась пронзительная тишина. Это было так непривычно и невыносимо, что от этой тишины стали болеть уши. Снега в тот день намело «с головой», день выдался очень морозным. Вдруг звонят по полевому телефону из штаба батальона — «Война кончилась! Выходи из окопов!» Мы сидим в яме, семнадцать человек. Все, что осталось от роты. Грязные, заросшие, вшивые, оборванные…

Я говорю: «Ребята, из штаба передали, что война закончилась, можно выползать» — «Ты, лейтенант, если смелый, то сам вставай!» Я вылез наверх и увидел, как в сторону наших позиций идут колонны пленных немцев… И только тут мы поняли, что вопреки всем законам войны, всякому здравому смыслу, мы остались живы! Уцелели в этой «сталинградской мясорубке»! Кто был постарше, стали плакать от счастья, а я на них кричал: «Прекратить слезы! Отставить!» Я многого тогда еще в жизни не понимал…

Из тех кто принял бой под Ерзовкой в августе 1942 года, в батальоне на тот момент осталось всего человек десять из шестисот с лишним бойцов и командиров.

Позже, когда некоторые вернулись из госпиталей, нас из «летнего состава» насчитывалось примерно человек тридцать… Такой ценой нам досталась победа под Сталинградом…

Когда через сорок лет после этих событий ветераны дивизии собрались на свою встречу, то с нашего батальона кроме меня из «сталинградцев» было всего несколько человек: Герой Советского Союза Вениамин Завертяев, воевавший в Сталинграде лейтенантом, рядовые бойцы Степан Равский и одессит Михаил Шотов, бывший младший лейтенант Михаил Косых, двое из них служили в моей роте… Встретил там еще бывшего комиссара нашего полка полковника в отставке А. А. Дранника и командира роты ДШК бывшего лейтенанта Ойстагера, который в 1942 году под Ерзовкой огнем своих пулеметов спас наш батальон от гибели.

Зуев Александр Михайлович
Радист 23-го гвардейского минометного полка

Из района Старой Руссы мы своим ходом приехали в Москву. В Москве построили весь полк, вручили гвардейское знамя, каждому выдали гвардейские знаки. Полк-то был гвардейский, отборный. Командир полка встал на колени, поцеловал знамя и сказал: «Мы его не посрамим!» Все, и погрузили нас в эшелон, в товарные вагоны, и на юг.

Проехали от Москвы километров двести, приезжаем на станцию, а там техника разбита, станция разбита, трупы валяются. На вторую станцию приехали — такое же положение: немцы все разбомбили вокруг Москвы. После этого командир полка дает приказ спешиться и двигаться своим ходом. Дальше нельзя ехать — разобьют! И мы своим ходом едем на юг. Ночью едем. Под утро где-нибудь в леске остановимся — зарываем установки, окопы себе роем. Днем мы стоим, пережидаем до следующей ночи. В следующую ночь двигаемся дальше, фар не включаем. И так мы добирались несколько суток до Дона. Приехали к Дону около Клетской, немцев еще не было под Сталинградом, но они уже подходили к Дону. Когда они стали подходить, мы дали залп по ним. Я не знаю, где стояли другие дивизионы, а наш первый, в котором я был, дал залп по немцам. Они не стали здесь переправляться, видимо, пока разбирались после этого. Мы получили приказ двигаться к Сталинграду.

Наш дивизион остановился на северо-западной окраине

Сталинграда, заняли оборону, но немцев еще не было. Окопались, установки закопали. Вскоре начались бои. Немцы в день по 6 — 10 атак проводили! Как начнут наступление — мы даем залп. Часа через 2–3 собрались, опять пошли — опять залп. И вот так мы стояли в обороне почти 6 месяцев. Немцы, правда, не подошли к Волге на северо-западе, где мы стояли. Вот на юге Сталинграда они прорвались к Волге, к нам они не подошли.

Днем мы залпы давали, ночью отдохнешь или не отдохнешь — всякое бывало. Установки наши были зарыты в обрывах балок. Мы сидели в окопах с радиостанцией, вырытых метрах в пятидесяти от огневых. Немцы, если засекали радиостанцию, открывали огонь. Когда с наблюдательного пункта давали команду «Огонь!», мы тогда выскакивали и передавали ее голосом на огневую позицию: «Угломер такой-то, прицел такой-то, залпом огонь!» Все. Они поставят направление на установках, прицел. И все, дают залп. И вот так в обороне вплоть до 19 ноября 1942 года.

Такой случай был. Был приказ 227-й Сталина: «Ни шагу назад». А мы, радисты, обычно были то на огневой позиции, то на наблюдательном пункте. Наблюдательный пункт у нас обычно был на восточном склоне балки, в тылу огневых позиций. С него немцев видно было, а западный склон защищал огневые от артиллерии противника. Дело было перед 19 ноября. Командир взвода связи лейтенант Белов дает команду: «Зуев, Гаврилин, с огневой позиции перейти на наблюдательный пункт!». Вот мы идем. Гаврилин постарше, тащит радиостанцию 6-ПК, а я — батареи к ней. Стали подниматься по склону балки — нас останавливают три человека, лейтенант с пистолетом, сержант с автоматом и солдат с карабином: «Вы куда, ребята? Вы знаете приказ 227? Вы же назад идете?» — «Знаем. Так мы же приказ выполняем командира взвода, идем на наблюдательный пункт». — «Нас это не касается, ничего не знаем». Взяли они оружие наизготовку и повели нас в сторону. Но мы-то уже знали куда ведут: отведут метров на пятьдесят в сторону, хлопнут — и все, скажут, что дезертировать хотели. У меня только одна мысль была: я пережил все, под огнем бывал не раз, под бомбежкой, обстрелом. Что, думаю, в деревне скажут родные? Ушел добровольно комсомолец на фронт, а стал дезертиром. Вот что меня беспокоило, а что убьют? Я думал, что не я первый, не я последний. Вот такое было мнение. А Белов, который отдал приказ, наблюдал за нами. И когда увидел, что нас повели в сторону — он бегом к ним, к заградотряду.

— Вы куда их?

— Известно куда. Дезертиры, так куда их водят?

— Нет, это мои ребята. Я им отдал приказ перейти на наблюдательный пункт с огневой позиции.

Ну, тогда они нас отпустили, и он нас увел на наблюдательный пункт. Вот так мы и спаслись. Потом в дальнейшем я всю войну прошел, в Берлине был, думал: если отдашь приказ, надо его контролировать. А что бы было, если бы он не наблюдал? Все, вот ведь как было бы. Ладно, убит, но позор-то, зачем он нужен? Кому? Что скажут?

А потом 19 ноября 1942 года началось наступление под Сталинградом по всему фронту. Сталинград-то, вы знаете, какой он был, по Волге тянулся километров на 70–80 по берегу все, а в глубину километра 4–5. Где-то меньше, где-то больше. Мы на наблюдательный пункт пришли с Гаврилиным, там у нас остался Антонов, еще другие остались связисты.

Ранним утром, начало чуть светать, наш полк, да и не только наш полк — а там было 6 полков, начиная с северо-западной стороны, и дальше к югу, разместились. И все они дали залп. Я сидел в окопе, земля качалась, думаю, ну как в зыбке качают. Ничего не было слышно. Вот как я сейчас сижу с вами рядом, вы бы как Гаврилин сидели: надо что-то ему сказать, так я губы к уху приложу, тогда он услышит. А так не услышит, сплошной шум-гам. После этих залпов не все же уничтожили, некоторые огневые точки остались, орудия, да что у немцев. Их тоже надо было уничтожить — тогда начала бить наша ствольная артиллерия по целям. Мы же залп дадим — что попало, то уничтожили, а где-то что-то осталось. Ствольная артиллерия подчищает. После этого начинает авиация штурмовать. Дальше, что было на подходе, в тылу — это все начинает уничтожать наша авиация. После этого танки с пехотой пошли в атаку, и так началось наступление.

Я был на наблюдательном пункте, все это я видел прекрасно, команды передавали на огневую позицию. Проводная связь, где была, ее немцы перебьют под обстрелом, тогда мы вступали сами в связь по радио.

Я был на наблюдательном пункте, рядом в стороне немного командир полка стоял. Он уже тогда был подполковник. Осетин Кирсанов, ему, наверное, было лет 25–27. Ходил с большой черной бородой. Симпатичный мужик был, а нам что? По 17 лет еще, пацаны были. Мы его звали Батя. Но он за людей беспокоился как! — ой, берег! Никогда под огонь не сунет. Приходит ординарец к нему, предлагает перекусить немножко, как танкисты с пехотой в атаку пошли. Махнул рукой: «Потом»! Наблюдает все, с начала до конца наблюдает. Тот к себе отошел, а командир наблюдает. Ну, мы сидим, свое дело делаем.

Буквально дня через четыре — это началось 19-го, где-то 23-

го — наши войска окружили Сталинград-то. Мы с севера зашли, а с юга кто был, зашли к северу и окружили группировку немцев. Потом целые части остались ее уничтожать — вы знаете, там до февраля бои были, потом уже Паулюс сдался.

А наш полк стал наступать дальше на юг, на Ростов и потом он дошел до Крыма, до Севастополя. Я, правда, там уже не был. Как окружили немцев, стал полк дальше наступать, а меня вызывает командир дивизиона и говорит, что мне надо ехать в училище, учиться на офицера. Я отказался, так как некому было на радиостанции работать. А действительно, Гаврилин погиб. Он был ранен сильно, его повезли в госпиталь — он по дороге умер. Антонов, командир отделения, — его ранили в живот. У него кишки и все вылезло, он просит нас его пристрелить: «Ребята, сколько можно мучиться!» Мы ему говорили: «Ничего! Подлечат, еще повоюешь!» Через два часа умер. Я один остался. Командир сказал, что новых радистов пришлют, а если ты не поедешь, то пойдешь под трибунал, и все. Разговор короткий! Пришлось ехать.

Иванов Александр Николаевич
Житель Сталинграда

Мать — домохозяйка. Я один в семье был. Время идет. Наступает лето, и вот мы слышим информацию по радио и в газетах, что на Украине, под Изюмом и Барвенково, произошло сражение, в котором 70 000 наших бойцов пропали без вести, так описали! Ну как это 70 000? А слово «пропали без вести» означало: попали в плен. Такая формулировка. Ну и ясное дело, как мы потом узнали, несколько армий там немцы окружили, из-за неосторожности и просчетов наших командующих, и хлынули они двумя потоками: один — на Кавказ, за нефтью, а второй — сюда, на Сталинград, чтоб отрезать Центральную Россию от юга и ее экономически задушить. Вот две немецкие группировки начали быстрое наступление. Смотрим, по сводкам — заняли Ростов, пошли на Кавказ, заняли Краснодар. А тут, меж Украиной и Доном, много городов-то нет, станицы в основном. Обстановка тревожная. В городе войска, солдат много, зенитных батарей много — постреливали они, хотя никаких налетов не было. В начале августа первый налет небольшой — на аэродром несколько бомб сбросили, короткий налет и на электростанцию, но ничего особенного, причем об этом мы узнали только по слухам. Официально ничего не сообщалось о налетах, сарафанное радио работало, иногда правдивые слухи, иногда неправдивые…

Начинается вся страшная эпопея 23 августа 1942 года. Мы удивлялись: немцы уже на Дону — а тут у нас тишина, театры, кинотеатры работают, магазины функционируют. 23 августа в обед мы сидели ели и слышим гул сильный, нарастающий.

Вышли на улицу — а там, на западе от одного края до другого, весь горизонт — черная туча! Это самолеты, несколько сот их было, в сопровождении истребителей. И в проекции получалось, они шли как что-то сплошное! Ну, понятно — идут бомбить. А до этого было распоряжение — по улицам и во дворах все рыли так называемые щели. И мы во дворе такую щель вырыли — глубокий такой окоп, метра два, накрыли его хорошо. В общем прятаться есть куда, в случае чего. На каждой улице были щели, вырытые зигзагом, и посередине улиц — прикрытые досками. Ну и началось. Начали бомбить и бомбили день и ночь целую неделю! Иногда вечером на час-другой перерыв — выходим мы — горит все! Город полосой идет, а они основной удар по центру делали. Не прицельно, а просто бомбят по всей площади. Где мы жили, там бомб не падало, а вот слышим, что в центре — там в основном взрывы и земля трясется. Это где площадь Павших борцов, дома вокруг площади, вокзал и туда дальше, севернее, были в основном высотные здания — 4–5 этажей — это уже высотка тогда считалась. Потом еще неделю бомбили, и мы по инициативе матери вынуждены были уйти. Там у нас река Царица течет с запада на восток. Берега у нее пологие и все были усеяны деревянными частными подворьями. В берегах были прорыты тоннели метра три диаметром. Народ там укрывался от бомбежки, мы там побыли день или два. Ни воды, ни еды — долго не просидишь, опять вернулись! Дом пока целый был. Так продолжалось с 23 августа примерно по 14 сентября. Мы и не знали, что там в городе творится. Это потом всю эту историю мы прочитали да нам рассказывали и немцы, и наши. А так знали лишь, что бомбили там. Потом обстреливать начали. Чуем, что это уже не бомбы, а снаряды летят и мины. Мы в щели укрывались и сидели. А 14 сентября утром мать меня будит: «Сын, вставай». Отец работал в областной больнице разнорабочим. И когда бомбежки начались, он почему-то там остался. Мы с матерью вдвоем были, она говорит: «Вставай, давай уходить, пожар начался!» Мы жили в начале склона Царицы. И пожар, раздуваемый южным ветром, шел с низов. Все ж деревянное, сухое, а дождей не было, сушь… Надо уходить. И мы ушли в центр. Обстрел. Бежим, люди вокруг тоже бегут, убитые валяются… Что в глаза бросилось — на улице стоит рояль черный. Как он там оказался? Некоторые дома разрушены, а подъезды в них еще целые — можно как-то укрыться от снаряда. Потом нам кто-то сказал: «Вот тут подвал есть и там есть места — идите!» Спустились — и в подвал. Там люди по углам, он такой полутемный, свет откуда-то идет, мы там притулились в уголочке. Два бойца наших: сержант, раненный в ногу, и с ним

боец.

Из подвала иногда выходили, ночью, когда прекращались бои, немцы ночью не воевали, только постреливали, но никаких наступательных действий не было. И вот мы вылазили — за водой ходили на Царицу, мать ходила. Что мы ели? — даже сейчас не помню! Просто удивляешься, не могу вспомнить! Слышим — стрельба идет за Царицей, потом прекратилась. Потом прям на берегу была — прекратилась — значит, наших они выдавили и оттуда. Мы глубоко в подвале, а там, кто ближе к выходу, говорят, что немцы во дворе уже. И рассказали, что один немецкий солдат начал спускаться в подвал, и его рассмотрели: рослый такой, шифоновый шарф у него белый, с автоматом. Ну, он, наверное, посмотрел, что здесь никакого сопротивления нет, опасности, и ушел.

Потом они начали проверять все подвалы! И эти два бойца, что с нами были, решили сдаться. Оружия у них не было. У них отдельное место, ниша была. А мать меня все время ругала: «Не высовывайся!» Потому что слышали, что они забирают подростков и мужчин в лагерь, считают, что гражданские мужчины — это переодетые красноармейцы или будущие потенциально опасные люди. И вот мы выстроились и спустились двое: впереди один невысокого роста, лет сорока, в пилотке, в руках винтовка, а за ним идет — в каске и с ручным пулеметом на перевес. Входят — спросили про солдат при входе — им сказали, что есть. Они проходят мимо — и тут я впервые увидел этих немцев! Дошли они — слышим крик: «Вставай!» Немецкие крики. И потом выходят наших двое. И в конце, когда бойцов забрали, он еще двоих или троих мужиков присоединил — и повели их.

На улице тишина! Они же весь центр уже заняли. Ни обстрелов, ничего нет, тихо. Мать говорит: «Пойдем домой, на пепелище! Что тут сидеть». И мы пошли. Солдаты стоят. Удивило меня: вот тут, где сейчас троллейбусная остановка, человек пять стоят, как линейные солдатики, молоденькие-молоденькие, и мундиры на них как с иголочки. Боже мой, думаю, как же так, у солдат мундиры ж потрепанные, а эти как с иголочки. Видимо, пополнение. «Пройти можно?» — «Давай проходи». Пришли мы: улица вся как есть сгорела — стоят только печи и трубы! И наш дом. У нас внутри дома, под ним, был погреб, вот туда мы стащили все ценные вещи: машинку швейную и прочее. Ценностей особых и не было, может, посуду или одежду какую. Вот это там осталось, сохранилось, потом, когда камни мы все разгребли и погреб открыли, там все эти вещи сохранились. Когда уходили, все было загорожено, были постройки, а это все видно

вокруг — поле такое и одни печки стоят только! И люди возвращаются и начинают на этих печках готовить себе еду. Жизнь продолжается…

Когда мы в своем доме в щели еще сидели, заглянул один немецкий солдат, а у нас была знакомая немка, она как-то с нами оказалась в щели, соседка еще по Дубовке, замужем за русским была, но немецкий знает. Вот он заглянул, сел на приступки и стали разговаривать с этой немкой. А в это время мы видим, что над Мамаевым курганом без конца самолеты летают-бомбят, бои, грохот там стоит все время… А немец говорит: «Да это 2–3 дня, и все тут закончится».

Наружу в основном мне мать запрещала показываться: «Сиди здесь!» Слышим: «Raus! Raus!» Идут двое. «Raus» — значит «наружу, выходи». Один здоровый рыжий немец, у него пистолет, у второго тоже. Мародеры, короче говоря. У матери сумочку взяли, а там ничего нет. Да чего там может быть! Посмотрели и ушли. Потом прибежал румын один, кричит: «Тряпка, тряпка, пушка!» Пушку чистить. Какие-то у нас тряпки были. Он убежал.

У матери два брата жили в Ельшанке. Мы до войны дружили, в гости ходили друг к другу. В общем, перебрались к ним туда. У них дом целый. Отец, мать и трое детей. Место было, мы разместились.

На заборах висели немецкие объявления: «За грабеж — расстрел!» Для своих. Это я лично видел такие бумажки. Хотя там же в соседях жила семья, старики. Два немца взяли и корову угнали у них. Она: «Ой, ограбили!» Один ведет, второй погоняет, и ушли — корову забрали. Вот тебе и расстрел!

Иногда заходили немцы в дом: один вошел, а я уже осмелел, немецкий немножко знал, а он объявляет: «Я — австриец, ищу лампу». Лампы у нас не было — он ушел. Потом двое пришло каких-то, а мы с братом двоюродным сидели. Они нас куда-то забирать хотят, а мы сидим и не идем никуда, без оружия и просто говорят: «Давай, пошли!» Они нас, видимо, на работу хотели взять, а я ему по-немецки говорю: «Мы еще малы, чтоб работать. Никуда ходить нельзя». Они удивились, начали кричать, но потом ушли.

И вот еще впечатление.

А однажды было тихо-тихо, осень теплая такая была, солнечная, сухая, погода хорошая. Тишина и по улице, где мы жили, там рядом был такой Кулыгин взвоз — там мост был, идут два солдата, кричат, смеются. Я слышу, что речь не немецкая, а славянская, слушаю, это поляки были, винтовки у них где-то сзади. Думаю: «Боже мой, какой кошмар, идет война, а эти идут смеются». И потом я поляков много видел в их армии. И как я

потом узнал, в немецкой армии было поляков больше, чем в польских армиях Краева и Людова.

В городе жить было невозможно, еды нет, никаких магазинов нет, даже воды нет. Ходить на Волгу каждый раз — это далеко. Народ двинулся с города на запад, на Дон, в донские станицы. Поклажу на тележки, впрягались в них и начали покидать город. Мы тоже решили, но другим способом.

Жена двоюродного брата где-то там ходила и познакомилась с немецкими шоферами и договорилась, чтоб они нас вывезли за город. Что-то им за это надо дать. У нас был патефон — за него они нас на машине немецкой, грузовике, согласились вывезти.

Первый раз мы вышли из этого дома прямо с вещами на дорогу, не только мы одни, там еще были люди, и ждем этого немца, был договор, немцы к нам в этот дом приходили, договаривались, я переводил немножко, что они завтра подъедут, увидят нас и заберут, а мы должны выйти на дорогу. Вот мы вышли с вещами, а рядом была зенитка немецкая, расчет, блиндаж, прямо рядом с дорогой, и идут жандармы немецкие. У них была служба — фельджандармерия, фельдполицай, на цепи бляха висела, их задача заключалась в том, чтоб на территории, которая примыкает к фронту, порядок был. Подозрительных в лагерь забирают. И отца с моим дядей они забрали, а нас одеялом накрыли женщины, мы спрятались среди вещей и нас не тронули, а их забрали. Мы вернулись, потом еще с какими-то договаривались.

Наконец-то нас погрузили, уже без отца, мы с матерью и вот эта семья: тетя с детьми и ее сестра тоже. Поехали на запад, проехали Калач, через Дон переехали по мосту и поехали на юг, на Суровикино.

На одной из остановок мы вышли… И тут немецкие машины, наши русские грузчики в немецкой форме, и вот мы окружили одного, а он говорит: «Я, попадал к ним в плен в 1941 году и бежал из плена, меня несколько раз на расстрел водили, сейчас опять попал и могу перебраться, тут недалеко, но меня сейчас немцы кормят, я живу, не знаю, что там дальше, но пока живу, а там я не знаю, что со мной будет!» И настроение было ужасное! Когда немцы наступали, занимали тут, настроение у населения было ужасное, в победу не верили. Немцы дошли до Волги, ходят уже по берегу!

Остановились мы на станции Обливской, переехали через железную дорогу, и тут хутора Терновые, в каком-то мы и остановились. Это уже октябрь был. Цель была — где-то найти пропитание, вода чтоб была, где-то кров какой-то и подальше от бомбежек этих. От чего бежать еще — от опасности! Чего-то мы

разбираем. Вдруг меня за руку кто-то берет. Мать кричит: «Куда ты?» Я смотрю, солдат румынский берет меня за руку и ведет. Она кричит, мол, что такое? Он машет рукой и ведет. Тут недалеко дорога. Стоит легковая машина, в ней сидит румынский генерал, который меня спрашивает по-русски как проехать на Сталинград. Он мне — по-русски, а я ему — по-немецки, я еще не сориентировался. Дорога, говорю, хорошая, ну он и отпустил меня — больше ему ничего не надо.

Как принимали нас местные жители? Хорошо. Тогда люди были совсем другие. Если есть хоть малейшая возможность — всегда помогают! Мы несколько раз меняли место жительства. Если уголочек какой где есть, пускают — люди были добрее! Прожили мы там до начала декабря. Возник конфликт меж моей матерью и теткой, и нам надо было уходить. А куда? В Ростовской области есть Селивановский район, станция Морозовская, от нее 70 км на север — там эта Селивановка, такое село. В этом селе жила тетка моя, родная сестра моего отца. И оказывается, отца с дядей забрали, они ночью сбежали и вернулись в дом, а нас уже нет, мы уехали. А мы думали, куда и насколько забрали, чего ж мы будем тут голодные? И вот мы без них уехали. А они пробрались вдвоем в эту Селивановку. Вышли мы с матерью на дорогу под вечер, зима была, начало декабря. Но зима такая нехолодная, снег, но терпимо. Машину надо ловить, чтоб ехать туда на Морозовскую, а потом в Селивановку. А машины идут с солдатами на фронт — автобусы везут немцев, и в грузовых машинах едут, пополнение, видимо, по этой дороге. И вот мать махнула, а ей шофер показывает: на обратном пути я вас захвачу. А я куда-то отлучился, а мать рассказала потом. Подошел немецкий солдат, увидел, что я где-то в стороне, и достает колбасы кусок и хлеб, матери дает и говорит, показывая на меня: «У меня тоже в Германии такой сын». Не все были в войну плохие.

Возвращается автобус, открывает дверь, у нас саночки были, их погрузили, залезли и поехали. Приезжаем в Морозовскую, выгрузил он нас. Мать пошла искать место, нашла, день-два побыли и потом еще одно место нашла, один дом. В этом доме две половины. В передней квартируют немцы, а в этой половине ютятся хозяйка с грудным младенцем, парень моего возраста и две дочери взрослые, и нас пустили. Муж этой хозяйки полицай был и уже отступил с немцами. Когда немцы двинулись, некоторые тоже побежали. Но она пустила нас — мы заняли уголок. Тут так. Живем — 2–3 дня одни немцы, потом эти уходят — другие поселяются, меняются, на нас никакого внимания не обращают абсолютно. А эти дочери работали у немцев в столовой, там у них аэродром в Морозовской был, и они приносили из

столовой еду, иногда и нам что-то перепадало. И заходили в гости к ним, к этим девкам летчики-немецкие и солдаты. Вечерами просто поболтать — делать нечего было…

Как-то сидим мы, а поселилось двое, выходят из этой передней, здоровый такой солдат садится на приступок и говорит: «Я поляк». А я так удивляюсь: «Как же так, ты — поляк и у немцев?» А он и рассказывает. Мы — на смешанном: частично на немецком, частично на русском. Он, видимо, из богатой семьи был. «Немцы Польшу захватили, я в лагерь попал, сижу, все поместье разграбили, все забрали, я сижу… и что делать? Погибать? Ну, я решил, что уж лучше сюда в армию пойти к немцам». А сам спрашивает: «А у Советов есть польские формирования в армии, чтоб воевали против немцев?» Видимо, на уме держит — перемахнуть. А как раз в это время, и нам это было известно, у нас была сформирована польская дивизия под командованием генерала Андерса, их одели в польскую форму, но это из задержанных интернированных после польской компании. Но они не захотели воевать с русскими против немцев. И их переправили через Иран в Италию и вот они там воевали вместе с американцами и англичанами против немцев в Италии. Он рассказывает: «Сейчас которые здесь немцы — это из Франции приехали». А у них так, я потом узнал, что здесь дивизия воюет-воюет на Восточном фронте, потрепят ее у нас, они ее на отдых во Францию, они там пополняются, отдыхают и сюда возвращаются. И немцы, которые тут были, тоже показывали фото, как они гуляют по Парижу, улыбаются. Выдал тайну, что они из Франции приехали. Ну, мы и сами догадывались. Так вот после этого поляка поселились двое, он ушел, больше я его не видел. Одного звали Конрад, а другого — Готфрид. Конраду — под 40 лет, а Готфрид помоложе. Конрад был помощником машиниста на железной дороге, а Готфрид — сельский, бауэр, из фермерской семьи. Начали общаться с Конрадом на немецком. Он расспросил: где, чего. Я тоже что-то спрашивал. К ним приходили вечером друзья время от времени, садятся, выпивают, песни поют. Я вышел к ним, сел и спрашиваю: «А Интернационал знаете?» Он: «Да! И мы сейчас его споем». И вот человек двенадцать во все горло спели Интернационал, я его тоже немного знал и я им подпевал на немецком. Поют, значит, а я спрашиваю: «А если какой офицер?» Он махнул рукой: «Какой там офицер!» И между прочим, в то время это был гимн СССР. Но они-то рабочие все в основном.

Я рассказывал эту историю французским туристам, они спрашивают: «Почему немцы пели тогда Интернационал?» — А я так думаю, что это был скрытый протест против войны. Они-то

знали, что в Сталинграде окружены, мы еще пока этого не знали.

А у меня тогда на ногах уже были изношенные ботинки, Конрад как-то приходит и ставит на стол пару сапог и пару ботинок, немецких, солдатских, и говорит: «Александр, тебе!» Я спрашиваю: «Где же ты их?» — Он говорит: «В госпитале». Мне подарок сделал.

Потом они ушли, а тут уже так, безвластие началось. Немцы уходят. Видимо, этот полицейский хозяин дома, когда-то кому-то насолил. Мстить ему начали. Когда немцы ушли, кто-то взял и поджег дом. Мы ушли из этого дома. Ушли ближе к дороге, на Селивановку, поселились еще в одном доме, и вот там немцы еще были. Один пожилой немец собирает вещи: «Zuruck! Отступаем! Назад! Все». Мы все уже догадывались, что они отступают.

Хорошо помню, что 4 января 1943 года мы утром проснулись, а наши солдаты уже идут по улице! Освободили уже нас. Через несколько дней мы на нашей уже машине доехали до Селивановки. Вот в этой Селивановке я пробыл до ноября 1944 года.

Пимкин Иван Федорович
Красноармеец 21-го отдельного лыжного истребительного батальона 21-й армии

У меня знакомые были в нашем почтовом отделении, они предложили: «Вань, приходи к нам работать в связь, телефонистом или монтером». А я говорю: «Разве сумею?» — «Да ребята тут есть, они тебя подучат, а потом будешь работать». Стал я в связи работать в 1941 году, зимой. В июле 1942-го немец сюда уже подошел к Дону. Тут все стали эвакуировать или ликвидировать, и в колхозе у нас всю аппаратуру связи ликвидировали, остался только простой полевой коммутатор, а трансляции, усилители — все поснимали и позабрали. Как раз и воинские части подошли.

Здесь в Камышах был командный пункт 62-й армии. Когда они пришли, там уже гражданских никого не было, мы только втроем ребята остались, они нас оставили. А потом, уже когда немец стал прорываться, они собрались и воинская часть ушла, а нам и говорят: «Ну, идите по домам».

В августе к нам пришел немец и пробыл у нас два месяца и двадцать два дня. Тут уже нас, пацанов, заставляли работать кого где. То на железной дороге отправляли в Сталинград снаряжение и боеприпасы. Ночью наши «кукурузники» прилетали — У-2. Он подлетает, мотор выключает, потом бросит ракету, и, пока она светится, сбрасывает бомбы. Только две или три — мало,

конечно. Так наши бомбили эшелоны, а немцы говорили так: «Иван русский — хитрый! Прилетит, встанет, молчит, поглядит, а потом бомбить начинает».

В ноябре нас человек пятнадцать ребят немцы забрали, выдали нам косы. Мы косили в семи километрах от своего села под Тихоновкой неубранные посевы. А у немцев лошадей много, а кормить нечем. Вот нас утром отправили по два человека на телегу. А ездовыми на телегах — военнопленные из Средней Азии в основном. Мы садимся и поехали, накосим, наложим ему, он поедет, выгрузит и возвращается, а пока ездит, второй раз накосим и к вечеру домой.

Как раз это было 22 ноября, воскресенье, уже холодновато было. День такой солнечный, хороший. Слышим со стороны Бузиновки, с юга, артиллерийская стрельба какая-то. Подумали, немцы там занимаются, а вечером смотрим — наш узбек из военнопленных, молодой парень, с двумя монголками, прискакал к нам, аж лошади в мыле! Что такое? — «Русские наступают» — «Как так?» — «Да, это стреляли танки, шли сюда!» Они врасплох там немцев захватили. Хиви не знают куда деваться. Нам куда идти, тоже не знаем, стреляют кругом, мало ли… Да и холодно, а у них была там будка, соломой обложенная и печурка там. Хиви там сидели, а нам некуда спрятаться. Недалеко было две скирды соломы. Я говорю: «Давайте, ребята, норы выкапывать и туда залезем и забивайте снаружи, чтоб тепло сохранить». Одеты были — в сапогах, в ботинках и фуфайках.

Вот так и переночевали, а наутро военнопленные на повозке поехали в сторону Ляпичева. А мы там остались. У нас ни пить, ни есть, ничего нету. Еще одну ночь там переночевали. Ну что делать? Пошли домой, а тут стрельба как раз. Я говорю: «Кто его знает, ребят, сейчас пойдем домой и попадем на нейтральную, а там, кто знает, где немцы, где наши. Эти оттуда, а те отсюда — и побьют нас». Еще ночь переночевали. Пленные же уехали, и у нас будка осталась. В этой будке затопили печку и уснули, а будка возьми и загорись. Труба накалилась и солома схватилась. Кто-то проснулся, и спасибо выскочить успели — ни ожогов, ничего. Будка наша сгорела. Делать нечего, пойдем домой, что будет, то и будет.

Идем с косами же, нас пятнадцать человек. Недалеко была грейдерная дорога на Сталинград и на Ляпичево. Смотрим, машина едет, а там солдаты наши. Все! Наши! Лейтенант нам кричит: «Стой! Вы откуда такие вояки?» Кто в слезы… Мы три дня же ничего не ели. Он нам говорит: «Идите сюда, ребята, вот видите повозок много, давайте по трофеям, там и хлеб, и колбаса попадется». Они же все побросали, и немцы, и румыны — все свои

телеги, лишь бы ноги унести. Мы пошли, кто чего нашел. Перекусили. Добирались до дому. Матери в слезы — три дня детей нету.

В село только зашли, нас сразу цап — и в особый отдел. Откуда, чего, где были? Рассказали все — «Ну идите по домам!» 22 ноября нас освободили, а 3 декабря меня забрали в армию. Забрали всех, кто 1925 года — в военкомат и в армию. Нам было по 17 лет. Тут в Калаче собрали всех с ближних районов, которые освободили, 25-й год: Калачевский, Суровикинский, Нижнечирский, Клетский, Серафимовичевский. Нас сколько набралось 1925 года, всех позабрали. Я попал в 21-й отдельный лыжный истребительный батальон 21-й армии — Чистяков командующий был.

Зима, январь наступил, холодно, землянки вырыли вдоль речки, в балках, утеплили их как-то. Там нас учить стали. Кто успел из винтовки стрельнуть, а кто и нет. Собрали нас, и в наступление. Правда, обмундировали хорошо. Нам выдали валенки новые, теплое белье, ватные брюки, гимнастерку, фуфайку. Тогда не шинели выдали, а бушлаты. Подшлемник, шапка-ушанка, рукавицы меховые, в общем, одели нас хорошо.

Выдали винтовки. Длинные, хорошие, потому что сделаны были в мирное время. А в военное время — пальцем об затвор можно было поцарапаться. Неважно делали, но все равно стреляли же. Автоматов тогда было очень мало. Были ППШ. Были 10-зарядные винтовки СВТ, но это не каждому давали, и потом они капризные: как чуть песок попадет — наперекос патроны.

После того как танки замкнули кольцо, немец был в Мариновке, это от нас семь километров, так он рванул аж до Карповки, обратно к Сталинграду. Мы пока на радостях, туда-сюда, немец вернулся и опять закрепился в Мариновке, и тут его выбивали с ноября по январь, числа только 10-го его сбили. Сколько тут народу положили! Место было такое… Это сейчас уже лесополос насажали, а тогда ведь ни кустика, ничего, голая степь. Тем более с Мариновки оттуда возвышенность, и ему оттуда все видно, весь передний край, а отсюда попробуй наступать, по снегу тем более. Снег в 1942 году был большой, морозы крепкие. Вот и попробуй наступать. Пошли мы и стали освобождать: Мариновка, Прудбой, Карповка, а недалеко от Карповки был питомник (выращивали саженцы для лесополос).

Пошли мы наступать, нас рота была таких молокососов, 100 человек — 17-летних пацанов. В ночь в наступление выдали нам сухой паек, наркомовскую водку по 100 граммов, а нам 17 лет, мы еще не знали вкуса этой водки, это сейчас и курить умеем.

Я командир отделения был. Ребята все собрались: «Что будем

делать?» А старослужащие все кричат: «Давай, водку на сахар меняем или на табак!» Не, я говорю, ни на что менять мы не будем. Валентин (мы вместе учились) говорит: «Складывай все в мешок, в ночь в наступление идти, черт его знает, что будет! А то ранят, замерзать будешь, может, и придется насильно глоток выпить». Так и сделали.

В общем, пошли мы в наступление — это примерно, где станция Воропоново. Когда в Волгоград едешь, не доезжая Максима Горького, есть переезд, а от него влево железная дорога идет на Гумрак. Мы вот на нее и наступали. Вышли, а что ж — пацаны, кто знает как вперед? Книжки-то читали: Чапаев вперед, и мы вперед! Прошли мы, а немец оттуда как нас встретил, и мы залегли. Снег же, больше некуда ложиться, ни окопов, ничего же не было, хорошо, хоть снег глубокий.

Лежим, и я услышал, что кто-то вскрикнул. Я комвзвода говорю: «Это Сашка закричал». Он: «Ну, подожди, видишь какая стрельба, куда ты пойдешь сейчас? Тебя еще ранят! Подожди, немножко притихнет». Притихло, я полез. Взводный говорит: «Возвращаться будешь, захвати лотка два мин (для ротных минометов 50-миллиметровых). — «Ну, ладно». Я полез туда, а ведь это же не пешком идти, снег по колено. Пока долез, час или два прошло, как его ранило. «Ну как ты?» — спрашиваю. Сашка говорит: «Да, чую, ранило несильно, но полежал немного и чувствую, что замерзаю». Ну что делать… Давай! Я маленький был ростом, а он высокий и тонкий такой. — «Давай, цепляйся мне за шею сзади и полезем». Я проваливаюсь, а он коленями тянется по снегу. Вдруг началась такая стрельба! Ночь, трассирующие пули, кругом все сверкает. Он мне говорит: «Вань, давай полежим, а то, не дай бог, тебя ранит, и что мы тогда… вообще замерзнем!»

Полежали немного, притихло вроде. Еще немного прошли, он сам попробовал ползти, он же разогрелся. Он идет, на винтовку упирается и меня за шею держит, а мне уже легче, и так потихоньку дошли. В первой же землянке открываем — там хорошо, печка. И там сидит тоже наш, вместе учились. — «Ой, да вы откуда?» — «Да вот так и так…» Там сделаны были нары — кругляк деревянный, ни соломы, ни матрасов никаких нет, времянка — ну хоть так, хоть в тепле. Говорит: «Вот у меня кипяток есть, а сахару нету». — «Да хоть кипятку давай!»

Побыли там, я говорю: «Я с вами погрелся, а теперь надо мне идти за минами, да идти воевать!» Нашел мины, взял и иду назад. Опять поднялась стрельба впереди. Я смотрю, машина стоит. В степи их много было брошенных, горючего у немцев не было. Смотрю, за машиной народ там крутится — я туда, а там

мужчины все пожилые: «Куда тебя черти несут? Ты видишь, какая стрельба! Давай сюда за машину — перестанет немножко — пойдем!» Немного стихло, я говорю: «Пошел я, а вы как хотите». — «Ну подожди и мы с тобой пойдем». Пошли, нас человек восемь собралось. Смотрим, кто-то на лошади скачет оттуда: «Стой ребята, вы откуда?» Я говорю: «Из 21-го истребительного». — «Ребята, до землянки идите и ложитесь, дальше не ходите! Батальон наш погиб весь, а меня конь вынес!» Комбат это, оказывается, наш был. Мы за землянкой залегли, а ни справа, ни слева никого не видно. Вот мы ввосьмером так и воюем, смотрим, немцы сюда идут. Снег, луна взошла и видно. — «Что будем делать?» Я говорю: «Будем стрелять!» — «Куда ж?»

Вот сейчас я думаю: смотри что значит страх! Они взрослые солдаты вроде. Вроде бы им подсказывать, что надо делать, а они у меня спрашивают, у семнадцатилетнего пацана. Я говорю: «Стреляйте! Давайте цельтесь вдвоем в одного, кто-то да попадет!» Лишь бы стрельба была. Они залягут — их там немного немцев-то!» На самом деле так и получилось. До утра мы долежали, холод же, а кухни нет, сухой паек только — сухари. Я говорю товарищу одному (он 1916 года, сталинградский): «Знаешь чего, полезем где ребята наши, если немцы их не покурочили, то у Валентина есть вещмешок, а в нем и хлеб, и колбаса, и водка есть». Полезли. Танк недалеко прошел, и колея от него, и вот мы по ней поползли, и не долезли всего метров семьдесят. Они как лежали лицом к железной дороге, так и лежат. Как рассыпанные вдоль были. Только мы высунулись, а немец как с крупнокалиберного пулемета дал. Товарищ мой говорит: «Давай-ка на-зад, а то немец нам тут и выпить, и закусить даст». Мы задом-задом и уползли обратно, ничего у нас не получилось. Но факт, что мы видели их — нашу роту.

Получилось так, рассказывали потом. Мы же, пацаны, — вперед и вперед, а он правей, немец нажал, а там дивизия, получили пополнение из Средней Азии. Мороз, а они к холоду же не привыкли, и они отошли. Немцы по тылу прошли сюда, и спереди немцы, и те сзади, а наши ничего и не знали, кто их побил…

Дальше пошли по балкам за немцем. Вошли в Сталинград в январе, и нас уже осталось от этой роты человек девять и командир взвода. Привели нас — вот передний край, и все. Как раз метель поднялась, не знаем кто справа, кто слева. Мне он говорит: «Иван, сходи хоть узнай, кто там у нас слева?» Я пошел и нашел блиндаж, зашел: «Кто?» — «Да вот такой полк» — «Сколько вас тут?» — «Нас тут 11 человек!» — «А вы кто?» — «А мы вот кто!» — «А вас сколько?» — «А нас девять». Вот и весь передний

край.

Рассвело. А в Сталинграде какая война была — немец через 100–150 метров, а если в домах, то на первом этаже мы, а на втором они, или наоборот. Утром метель прекратилась. В блиндаже ступенек пятнадцать вниз было. Немцы близко, интересно же, воюют пацаны, интересно, кто попадет, кто нет. У меня как-то хорошо стало получаться. Вход в блиндаж был из досок сделан, я доску выбил одну, как раз лицом к фронту, напротив как раз дзот немецкий — метров двести или поменьше. Немцев, похоже, никто не трогал до этого, что ли — утром прямо бегом бегут, не ползут даже.

Как-то ловко у меня стало получаться: я прицелюсь, и он брык — и все. Ребята больше никто не стали стрелять: «Давай! У тебя хорошо получается!» Я замерзну, спущусь погреться, а они уже кричат: «Иди скорей, вылез!» Я за одно утро по 11 немцам попал. Один вылез, артиллерийский наблюдательный пункт был, со стереотрубой вылез в амбразуру, а я раз стрельнул — ничего не получается, второй раз — ничего. Говорю, немецкая винтовка у кого есть? Смотрю, один узбек лезет, вперед винтовкой, а самого не видно. Я цоп у него винтовку, он аж испугался. Я: «Подожди!» Из винтовки этой немецкой, а они хорошие были, пристрелянные. Я приложился — раз — и в стереотрубу: он брык головой на амбразуру, а стереотруба вниз кувырком покатилась. Есть! Наблюдателя сбили.

Слышу через некоторое время (мы там сидим, разговариваем) — выстрелы из пушки и снаряд идет, а мы уже вроде как и привыкли, говорим: «Да это не наш, это пролетел». Он на самом деле пролетел метров тридцать и разорвался. Оттуда осколок пробил с той стороны доску и мне в плечо правое, я кубарем вниз скатился. Глянули, а у меня бушлат разорван. Бушлат сняли, фуфайка смотрю, а там поменьше. Потом гимнастерку сняли, а там совсем меньше. Хорошо, что осколок сначала пробил доску, уже ослаб и потом уже только вдарил меня — не прямо в плечевой сустав, а косо и только вырвал мне немного, а кость не задел. А если б прямо — то он мог и руку мне вырвать. Меня перевязали. Это было 21 января 1943 года. Меня на командный пункт. Ожидай, вот кухня придет, тогда с ней уедешь в медсанбат.

Я там жду и смотрю, мой друг, которого я вытягивал, приехал с этой кухней. Да все, говорит, выздоровел. — «А ты че?» — «А меня сегодня ранило». Переночевали с ним, а наутро с кухней я уехал, а он пошел в часть. Как раз 2 февраля кончилось все — немцы сдались.

Из медсанбата дивизии я в свою часть уже не вернулся. Меня

направили в полковую разведку.

Первое время жили на вокзале Сталинградском. Там грузовые склады сбоку, а они остались целы, только без окон. Мы там печку поставили, трубу вывели. Дров было много — развалин до черта. Сюда как раз к универмагу центральному, где Сталин-то стоял, тут раньше гвоздильный завод был, а напротив через улицу кафе было тогда 3 — 4-этажное до войны. И немцы от завода до развалин выложили стену примерно в метр толщиной кирпичом и оставили проход, может, метра полтора в сторону вокзала, а остальная стена универмаг отсюда загородила, тут же Паулюс был.

Через некоторое время нас перевели к Красным казармам, там частный сектор раньше был, и там кое-какие домишки еще уцелели, без окон, без дверей. Окна позабили досками, бочку тоже поставили, и вся дивизия там располагалась. А улица была перед Красными казармами, если со стороны железной дороги идти, асфальтированная широкая улица, так она была перегорожена вся немецкими могилами. Как они этот асфальт долбили, не знаю… Крест деревянный из кругляка и каска на каждой могилке. А так навалено этих трупов немецких было кучами! Куда в развалины не зайдешь, там лежат, трупов тьма!

Потом нас перевели в поселок у Разгуляевки. Там по трофеям лазили, и занятия были. Вот на занятия пойдем, где сейчас Ангарский (там же ничего почти построек-то не было, это после войны полностью застроили). Немецкие пленные стягивали трупы и в котлованы по 300–400 человек закапывали. Немцев, может, человек сто, а охранников 2–3 человека, куда им бежать?

Это только немцев так хоронили. Сейчас ведь никто не знает где это, а сейчас разве сориентируешься, там же все позастроено. И тут перед Казармами эти немецкие могилки — их просто, наверное, сравняли и заасфальтировали, там они так под асфальтом и остались.

В марте как раз нашей дивизии присвоили гвардейское звание. Приезжали принимать представители, вручали знамя, гвардейскую присягу принимали на коленях вся дивизия во главе с командиром. Текст специальный тоже был… Я — гражданин Советского Союза… После знаки гвардейские вручили и потом через некоторое время нас в Гумраке погрузили в вагоны — и в Тульскую область, под Москву. Там есть крупная станция узловая, мы выгрузились, и нас по селам распределили, и мы формироваться стали. Пополнение получили, зимнее обмундирование.

Багмет(Харенко) Анна Петровна
Медсестра эвакогоспиталя

Я попала на Сталинградский фронт, в полевой госпиталь. У нас был полевой госпиталь ну как бы быстрого реагирования. То есть какая задача-то была у нас? Мы палатки ставим, обрабатываем раненых, увозим, а сами дальше двигаемся. Так и делали. Номера госпиталя нашего я не помню. Знаю, что начальником нашего госпиталя был Федулов, что придавался госпиталь 2-й танковой армии. Еще знаю номер нашей полевой почты: 16816. Вот и все, что знаю.

Привезли нас, как сейчас помню, на такую станцию Кобрале. Туда, на станцию, свозили раненых. И мы там помогали разгружать-загружать и отправлять раненых.

Раненых было очень много! Об этом нельзя просто так рассказать. Это видеть надо! Мне было очень страшно. Раненые кричали и плакали. Что там творилось! Подходил эшелон за эшелоном. Раненых все время нужно было снимать, расфасовывать. Больница, где располагался наш госпиталь, была вся заполненная. И тогда раненых к людям отдавали: по квартирам или по хуторским домам распределяли-развозили. Тогда уже были колхозы. Так вот, в колхозах брали лошадей, брали подводы и на этих подводах развозили раненых по домам. Такое было тогда положение, что распределять раненых было абсолютно некуда, их очень было много. Потом мы ближе к Сталинграду пододвинулись и в итоге вышли на окраину города Сталинграда, там, где был Тракторный завод, большое такое

здание. Вот там, где был край Сталинграда, мы и обосновались. Сначала мы размещались с ранеными в подвалах. Но эти подвалы не так-то просто было найти, все же было разбито-разрушено. Но разместились. У нас вход был широкий такой, большой. Во время бомбежек под лестницей прятались. Но если, конечно, снаряд попадет, то никуда не денешься. Раненых привозила такая грузовая машина с деревянным кузовом, она была у нас при госпитале. Я не знаю, как она называется, но мы ее называли «полуторка». Вот мы на ней от нашего полевого госпиталя ездили, собирали раненых, потом в госпиталь привозили. А когда оказывали первую помощь, то отправляли через реку Волгу, и это тоже мы делали. Через Волгу отвозили сначала на пароходах. Но пароходы были маленькие, и их не хватало. И тогда у нас раненых стали на плотах переправлять. Раненых свозили, грузили. Раненые находились в самых разных состояниях, были и те, которые в очень тяжелом были состоянии, они еще живы были, но почти не говорили. Что там с ними было потом, выжили они или не выжили, — я этого не знаю. А с легкими ранениями на ту сторону не отправляли. Те, кто мог ходить, не считались тяжелоранеными. Складывали раненых на каждом плоту помногу, их было, как селедки в ящиках. Когда я их переправляла, то записывала имена всех их на бумагу, что, допустим, Иванов, Сидоров, Петров переправились на плоту. Потом плот притягивали к берегу, а это нелегко было сделать — он же тяжелый был. Но немцы в иной раз бомбили по нам, образовывались волны, и тогда нам, медикам, приходилось раненых за шинели вытаскивать из воды. Некоторые погибали, тонули. Ведь сил у нас не хватало. И поэтому часто бывало такое: уронили раненого — и он пошел в воду. Я сама несколько раз в воде так искупалась, из-за этого сейчас и ноги болят. А представь себе, каково мне с моим маленьким весом было вытаскивать тонущих солдат.

Потом в Сталинграде началась зима, выпал снег. Тогда мы сгруппировались и немножко дальше передвинулись. Передвинулись или туда, или сюда (показывает), в какую сторону, я точно не могу сказать, знаю только, что в другое место. И там палатки установили, в них мы и разместились. Принесли стол, медикаменты — это было все наше богатство. Но нужно было за лекарствами ходить, потому что через некоторое время у нас эти медикаменты закончились. А ведь это было опасно: там били, сям били немцы. А мы знали, где в подвале одного дома были у нас медикаменты, их туда загружали. И вот нужно было под домами перебежать за ними под обстрелом немцев. В тебя стреляли, было страшно. Но в сам подвал идти было нельзя: там

стреляли, и тебя бы сразу же бы убили. И поэтому влезали в окно. Но хоть это окно было на первом этаже, влезть мне было трудно. Нужно было для этого хоть скамейку достать. А где мне ее было достать? Так выручали раненые, которые подставляли свои спины. Вот два солдата один на одного становились, я становилась на спину последнего и влезала в окно. Они меня впихивали туда в окно. И я сколько могла, этих ящиков вытаскивала, скидывала. А солдаты, бедные, все терпели до последнего, потом складывали ящики. И так я сколько могла, столько ящиков и выносила. Но вообще размещали раненых не только в палатках. Там, в палатках, мы людям оказывали только первую медицинскую помощь. Наша задача была в основном только одна: помочь нашим раненым непосредственно на передовой. Вот мы это и делали.

Был один случай, когда я чуть было не погибла по неосторожности, и я его до сих пор хорошо помню. Ну, ситуация на Волге сами, наверное, знаете, какая у нас тогда была… Я пошла за ранеными. Надо хотя бы немного представить, как я тогда выглядела. На фронте мне дали штаны-галифе, дали гимнастерку, дали портянки, дали сапоги. Но сапоги мне дали самого маленького размера — 42-го, и из-за этого ноги из них прямо так и лезли, как говорят. Штаны были такими большущими. Так их, бывало, вожмешь, пуговицы застегнешь, ремнем затянешь и получалась такая большая шишка на животе. Вот такие мы были девушки-красавицы. На нас страшно было посмотреть. Косы сначала были. Но потом завелись вши от этого. И как нам было с этим бороться? Ведь мы не могли ни помыться, ни побриться, сам понимаешь. Делали так: разжигали костер и над этим костром встряхивали вшей как бы.

Ну а случай был, значит, такой. На машине мы поехали за ранеными. Дороги были все плохие. Я в такой большущей шинели ехала. Ну и заодно я тогда пенициллин раненым с шофером повезла. У нас тогда пенициллин только-только появился, и это, хочу сказать, было очень хорошее средство для раненых. Это был такой порошок. Как только мы этим порошком раны солдатам посыпали, они быстро заживали, и у них из-за этого все шло хорошо. Меня на всякий случай тогда взяли, потому что знали, что я хорошо по-немецки говорю, и если где какой немец оказался бы — я была на подхвате. Приезжаем мы на место, ходим по полю — кругом слышны крики и стоны раненых. Шофер мне говорит: «Подожди, сейчас мы сгрузим ящики с лекарством и заберем этих больных». Ну мы сгрузили ящики, и я пошла за ранеными. Уже в темноте я пошла к раненым. К одному подошла и сказала: «Сейчас мы тебя заберем!» Ко второму подошла, тоже

это же самое сказала. А была полная тьма, ничего было не видать. Я подошла к еще одному раненому. А нам, когда нас до этого полгода обучали медицине, показывали, как нужно правильно обращаться с ранеными: подползаешь, становишься на коленки, начинаешь его цапать по телу, показывать и спрашивать, где у тебя там и что болит, это чтобы знать, где что нужно перевязывать, а потом перевязываешь его. В темноте я подползла к одному раненому, стала его трогать и спрашивать: где у тебя там и что? И вдруг тот как закричит по-немецки: «Рауш швайне райс!» Я аж присела на колени от этого. «То би швайн! — кричит он. — Рауф!» Я знала немецкий язык, поняла, что этот немец сказал, и очень испугалась. Представьте себе, мне было 20 лет, я была почти что девочка, хотя и взрослая. Я оторопела, мне было очень страшно. Но я встала и пошла. От страха я запуталась и не знала, куда мне и идти. Вдруг этот немец вытягивает пистолет, я поворачиваюсь, и он стреляет в мою сторону. Пуля пролетела у меня над головой, сбила мне шапку, и я упала от страха. Сколько я так пролежала, не помню. А меня в машине уже ждали. Но потом шофер, который ждал меня с солдатами, услышал звук выстрела, сказал: «Я слышал где-то выстрел! Значит, что-то случилось». Они пришли на выстрел, нашли меня в поле и забрали. А тогда я и не заметила, что это лежал не русский, а немец. В темноте-то ничего было не видно! А ведь я, дурочка, хотела наклониться и собиралась ноги ему перевязать. И так от того выстрела в 20 лет стала глухая, с тех пор плохо слышу.

Тяжело об этом вспоминать… У меня этих воспоминаний прямо сердце не выдерживает. Немцы во время этих боев, наверное, сто раз нас бомбили. Это трудно себе представить, если ты там не был! Вот идет, например, такая передислокация войск. Войска идут, туда-сюда, встречаются, дороги очень узкие. И вдруг летят-летят-летят самолеты немецкие. Остановиться никак, кругом тесно. Если остановишься, то там на месте так и останешься. А немец бомбит то вправо, то влево, вся дорога разбита из-за этого. Так и было. В общем, там всяко приходилось: и через окна лазили, и в подвалах сидели. Даже на заводе каком-то большом за печкой я однажды сидела и пряталась. Там, на этом заводе, кругом все было разбито, и была круглая печь. И там был ящик какой-то. А мне из-за бессонных ночей до того спать захотелось, что я шла и шла, сил не было, и там так за ящик запряталась и уснула. Я была в шинели, у меня было две фляжки: одна — со спиртом, другая — с водой, это все нужно было для раненых. И в это время немец так усиленно начал бомбить, что дышать стало нечем. А я только благодаря тому, что залезла за ящик, спаслась. Потом кругом все вдруг посыпалось. В здании

тогда уже не было ни окон, ни дверей. Я поспала немного, потом проснулась и в окно вылезла. Вернее, не вылезла, а со второго этажа выпрыгнула. Вот же дурочка была! Не было никакой еды. И страх все время меня преследовал. Кругом была пыль. Никто не знал, где нахожусь я и где находятся все остальные. Когда опомнилась немного, пошла в подъезд, где все было завалено. Там привалило наших солдат, ну тех, которые при госпитале санитарами были. Их мы вытянули и свезли в госпиталь к себе. Вот такая ужасная там была обстановка.

А мы, медики, все время таскали раненых. Волокуш тогда не было, приходилось на себе их вытаскивать. А у меня была только полевая сумка да две руки, больше ничего. Солдат плачет, кричит. Иной солдат просит: «Сестричка, пить, пить!» У меня, конечно, была фляжка с водой. Но у меня было пять человек таких, которые просили пить. Одному дашь попить, второму, третьему. Нужно было на всех этой воды вытянуть. Вот как тяжело приходилось! Но как-то хватало силы, воли, здоровья. Наверное, это было потому, что я до войны была хорошая спортсменка. Помню, когда училась в институте, была там первая бегунья: за 15 секунд стометровку сдавала, на канате три метра лазила. Другими видами спорта не занималась, а этими — да. В институте говорили: «А кто Харенко? А первая бегунья у нас». Благодаря этому я легко вытаскивала раненых с поля боя. Кстати, под Сталинградом я и сама пострадала. Как дало взрывной волной, так мне ключицу поломало: я не могли ни туда, ни сюда повернуть. Раненые кричат мне: «Доктор, доктор! Помогите!» А доктор, я то есть, и сама руки не может поднять.

Так что были у нас бомбежки, мы все время в подвалах сидели, потому что сами дома были разрушены. А еще, бывало, как пойдет дождь, так подвалы все мокрыми становились. А нам, девчатам, негде было помыться, вот что для нас самое страшное было. Однажды, помню, выхожу на улицу, бомба как даст, — так хочешь не хочешь, — а вся мокрая будешь. Так со мной и случилось, тогда у меня колени все вымокли. Смотрю, рядом лежит старшина и стонет. Спрашиваю его: «Что такое?» «Ой, — говорит старшина, доктор, ой доктор, помоги мне». «Что?» — не понимаю его. «Мокрый, тут, и туда». Оказывается, он, раненый, опорожнился. И нужно как-то было помочь ему. Ведь он ранен, сам этого сделать не может. А как вытереть у него? Нигде нет ни бумаги, ни тряпки, чтобы вытрусить все у него, выгрузить, подтереть, а потом штаны обратно надеть. А ведь он, кроме того, еще такой взрослый, большой. А мне было 22 года всего! И как мне было с этим справляться? Но справилась… Одно могу

сказать: страх только был. Я не знаю, кто что говорил и что думал, а я дурочка была: боялась, да и все. Думала, не знаю, что дальше и будет.

Голод был. Это была такая страсть, что был ужас один. Единственное, что если в солдатской большой кухне что-нибудь наварят и привезут, то, конечно, давали котелок каши. А так что еще мы могли поесть? Больше ничего. Я, например, даже перекрещусь, что это правда была, ходила к немецким убитым солдатам. У них у каждого обязательно была шоколадка. Так я, бывало, залезу ему в карман, вытяну шоколадку и своим друзьям по маленьким таким вот кусочкам все это разделю. Я тогда была из таких девочек, которые не боялись убитых. И поэтому меня все время за шоколадом посылали. Я была такая бесстрашная, быстрая, послушная. Да и немецкий язык еще знала, так что в случае чего могла выкрутиться. Мне говорили: «Сходи! Ты так быстренько ходишь». А у меня это хорошо получалось: прыг-скок, я перелезаю и уже у немца в карманах шарюсь. Но ничего, кроме шоколада, я тогда не брала. Помню, когда я уходила на фронт, бабушка сказала: «Чужого не бери, чужое брать грешно!» И я никогда не брала чужого. У немцев были часы, были кольца, наши солдаты всегда часы их брали. А я — нет. Чаще всего брали солдаты часы, шоколад, папиросы. Тогда много солдат курило, а табака часто не хватало. Ведь как получалось? Шофер везет на машине табак. Начинается бомбежка. Потом машина оказывалась разбомбленной. Шофер оставлял машину, приходил и говорил: «Я пришел. Что хотите — то и делайте со мной».

Когда немцев разбили, мы уже думали, что, наверное, скоро кончится война, что все домой поедем. Но война вон как надолго затянулась.

Отрощенков Сергей Андреевич
Командир танка 170-й танковой бригады

К нам в запасной полк приехал представитель Сталинградского танкового училища капитан Огородников. Всех, имеющих среднее образование, вызвали для беседы с ним. Я зашел, он видит — медаль. Спрашивает: «За что получил?» Я рассказал. Он говорит: «Мы вас приглашаем в Сталинградское танковое училище». Так и сказал «приглашаем».

Я отвечаю:

— Не хочу я в ваше училище. Я и так танкист, скоро танк получим, и вперед, на фронт.

— Есть приказ Сталина, всех, таких, как вы, отправлять учиться.

Тут не поспоришь. Набрал он нас полсотни человек. Учили денно и нощно. Но и мы ведь не с азов начинали, успели на танках послужить. Кормили в училище хорошо. Главное, была железная дисциплина. Командир отделения, помкомвзвода, старшина для нас были большие начальники, авторитеты. Да и сами мы учились на совесть. Понимали, что от этого жизнь зависит. Наконец-то «пощупали» танки. Были вождение, стрельба. Изучали танк Т-34, его пушку Ф-34, потом на них зисовскую стали устанавливать. Прицел ТМФД, не очень удобный был. С ним работать сложно. До войны ведь у нас на легких танках прицелы стояли классные, они опережали свое время. Его можно было контролировать и прибором наведения. ПТ-4—7 стоял у

командира, и ТМФД у него же — как наводчика. Он мог и тем и другим работать синхронно. Расстояние до цели можно замечательно считывать. Потом их упростили и на Т-34 уже не ставили. Во всяком случае, готовили нас хорошо. Я по одной цели два раза редко стрелял. Меня называли снайпером. Мы, курсанты, нередко участвовали в сборке танков на СТЗ. Мастера-рабочие говорили, что нужно сделать, мы выполняли. Работа на конвейере тоже здорово помогала в изучении материальной части танка.

За учебой и работой прошла зима. Наступило лето 1942-го. Училище перевели в летние лагеря, за город, поближе к полигону. Когда стало известно, что немцы форсировали Дон и перешли в наступление, училище срочно погрузили в эшелоны и эвакуировали в Курган. Здесь отобрали пятьдесят лучших курсантов, я тоже вошел в это число. Нас освободили от любых работ и нарядов и в спешном порядке, без выходных стали готовить к выпуску.

Скажу без преувеличения, после всех этих занятий танк Т-34 я знал до болтика. Для примера расскажу про один случай на практических занятиях. Мой танк остановился. Механик-водитель кричит:

— Стоим, командир, давления нет, манометр показывает, что масло не идет. Можем двигатель запороть.

Я курсант, но механик у меня штатный, опытный. Говорю ему:

— Отворачивай этот колоколообразный колпак, там нажми клапан, если масло брызнет, все нормально, поедем.

— Откуда ты знаешь?

— Делай, что говорю, я же командир танка.

Он отвернул, нажал, ему как брызнуло маслом прямо в лицо.

— Видишь, говорю, — давление есть, система работает, просто манометр из строя вышел.

Начальнику потом доложили об этом случае, он мое решение одобрил:

— Командир поступил правильно, танк исправен, чего стоять?

Это — опыт, который стоит дорого.

В августе нас построили и зачитали приказ о присвоении званий. В зависимости от успехов в училище, давали звания младшего лейтенанта и лейтенанта. Я получил лейтенанта и за отличную подготовку 500 рублей премии. Тут же перед строем вручили погоны и деньги. Затем поехали в Нижний Тагил за танками. Там был запасной полк. Сентябрь и начало октября провели в Тагиле, помогали собирать танки, сколачивали экипажи. Мне тоже назначили экипаж. Механик-водитель Леша

Орлов, отличный механик. Радист-пулеметчик Скудный Степан Петрович, кузнец с Кузбасса, пожилой уже человек, но исключительно шустрый и пронырливый. Заряжающий Федоров Иван Федотович, белгородский парень. С экипажем мне повезло, ребята потом дрались хорошо.

14 октября нас погрузили в эшелон и привезли в Татищевские лагеря под Саратовом. Вот где душа пела, когда мы туда приехали. Формировались 17-й и 18-й танковые корпуса. 18-м корпусом в свое время командовал Черняховский, а тут, к нашему приезду уже был Бахарев. 18-й корпус и наша 170-я танковая бригада к тому времени хорошо повоевали, остановили немцев под Воронежем. Многих ребят я встречал и после войны — хорошие, умные, толковые боевые офицеры и солдаты. Так вот, когда глянули, какое количество техники в этом лагере, сразу почувствовали, что готовится какая-то серьезная, хорошая работа. Только в конце ноября нас погрузили и перебросили в Урюпинск.

Нас с экипажем поставили на квартиру к местным жителям. Соседские пацаны часто вертелись около танкистов, интересовались танками, оружием. Мы их не гнали, наоборот, рассказывали, что могли. Среди них был такой Сашка Бурцев. Ходил за мной по пятам: «Дяденька, возьмите на фронт». А в 44-ом, когда я уже был комбатом, ко мне в батальон с пополнением прибыл из танкового училища младший лейтенант Александр Бурцев. Он же. Такое интересное совпадение. Сейчас Александр жив, мы дружим, подполковником он закончил службу.

Из Урюпинска вышли мы к Нижнему Мамону, в излучину среднего Дона. Холода стояли жуткие. Зимой в танке холодней, чем на улице. Броня ведь. А у нас одеяние не меховое, шинель. Позже, в боях уже стали формой пренебрегать. Найдешь шубу, в ней и греешься. Водку давали, но я пил очень редко. После боя, только если стресс нужно снять, выпьешь рюмку. А в бой нужно трезвому идти. Пьяный пошел — считай, покойник. Когда на отдыхе были, я свою водку экипажу отдавал. У отца нас пять сыновей было, я самый младший. И никто дома не смел ни выпить, ни закурить, ни сквернословить. Это было исключено.

Бригада без боя переправилась через Дон и вошла в прорыв. На том берегу уже наши дрались с румынами на высотках. Потом мы вышли на равнину. Такого зрелища, такого количества танков я никогда не видел. Куда ни посмотришь, сколько глаз хватает — все поле в «тридцатьчетверках»! Первая, освобожденная нашей бригадой, деревня была Вербяковка. Перед атакой ко мне в танк прыгнул ротный комиссар, лейтенант.

— Давай, я у тебя заряжающим поеду?!

— Ну, умеешь, так заряжай.

Хорошо заряжал. Наш взвод атаковал высотку, на которой располагалась половина села, остальные танки побежали дальше, мимо высоты, по долине. Там, за небольшой речушкой, стояла церковь и другая часть села. Я говорю комиссару: «Надо десант ссадить, чтоб за танком шел». Он: «Да нет, вперед!» Начали по нам стрелять, кого-то из десанта побили. Я высунулся, крикнул: «Прыгайте сейчас же с танка, долой!» А они сидят, в башню вцепились. В деревню влетаем, там румынская пехота. Не побежали румыны, отстреливались из-за домов. Нашему десанту пришлось тяжело, румыны били из винтовок по ним в упор, с расстояния 10–15 метров. Слышу крики, мат — наша пехота подошла. Перестреляли румынов, гусеницами передавили, но и наш десант понес потери. Я сам успел подбить Т-3 и раздавить противотанковую пушку. Мой танк тоже подбили. Снаряд попал выше бортовой передачи, разбило левый тормозной барабан и тормозную ленту. Мы сначала не почувствовали, уже потом механику говорю влево поворачивать, а танк не слушается.

Танки, что атаковали через реку, тоже освободили другую часть села сходу, но речушка оказалась коварная и глубокая. Пять или шесть танков въехали в нее неудачно и потонули.

Было потом комсомольское собрание. Разбирали бой. Я тоже выступил, сказал, что танк имеет огневую мощь, которую нужно использовать. Сблизился с противником, подавил огневые точки и двигай дальше. Там надо мной посмеялись некоторые, мол, знаток выискался.

— Чего вы туда сразу помчались? — говорю им. — Есть пушка, пулеметы, используйте. Десант тоже беречь надо.

Бригада пошла вперед, а мы дня на три застряли в Вербековке, пока ремонтники ковырялись. Какой-то генерал появился, приказал мне танк на окраину перегнать, чтобы, говорит, ни одна собака не сунулась. Танк-то подбитый, но как огневая точка вполне действующий.

Когда починились, догнали наших. Пришли в район, никогда не забуду казачьего хутора Хлебный. В трех километрах другой хутор — Петровский. Его тоже заняли советские танки, но не нашей бригады. Между хуторами, расположенными на холмах, пролегала низина. Рано утром по ней огромной сплошной толпой пошла, спасаясь из окружения, 8-я итальянская армия. Когда передовые части итальянцев поравнялись с нами, по колоннам пошла команда: «Вперед! Давить!» Вот тогда мы им с двух флангов дали! Я такого месива никогда больше не видел. Итальянскую армию буквально втерли в землю. Это надо было в глаза нам смотреть, чтоб понять, сколько злости, ненависти тогда у нас было! И давили этих итальянцев, как клопов. Зима, наши

танки известью выкрашены в белый цвет. А когда из боя вышли, танки стали ниже башни красные. Будто плавали в крови. Я на гусеницы глянул — где рука прилипла, где кусок черепа. Зрелище было страшное. Взяли толпы пленных в этот день. После этого разгрома 8-я итальянская армия фактически прекратила свое существование, во всяком случае, я ни одного итальянца на фронте больше не видел.

Дальше пошли на Богучар, взяли его, затем на Миллерово. Там топтались около двух недель. Слева от Миллерова стояла небольшая деревенька, занятая немцами. Перед деревней, с нашей стороны высотка, которую немцы почему-то оставили. На эту высотку выскочил Т-70 из нашей бригады и почти сутки обстреливал деревеньку, пока его самого не подбили. Вечером Т-70 успел поджечь машину, груженную какими-то ракетами, ночью мы наблюдали фейерверк. Я занял позицию неподалеку, возле переезда. Эта позиция была более удобная для стрельбы, и обнаружить меня было не так просто. Немцы через какое-то время ушли и из этой деревни. Подъехал танк ротного командира, капитана Мухина, я доложил обстановку.

Спрашивает: «Мы пройдем здесь за Миллеровом?» Я говорю: «Пролетим».

Шесть танков с десантом нас пошло по проселку в тыл к немцам. Десантников, автоматчиков наших, всегда вспоминаю с благодарностью. Храбрые ребята. Такого, как в кино, что они с танками в атаку бегут или на танке под огнем едут, не было, конечно. Это ведь живые люди. Здесь они где-то спрячутся, где-то постреляют. Но ночью мы без них — слепые. Ночью они нас охраняли.

Немецкий полк, из миллеровского гарнизона, отходил из города. Организованно шли, колоннами. По дороге двигалась пехота и артиллерия. Мы устроили засаду на дороге. Подпустили немцев очень близко, пулеметами можно было достать их, и открыли огонь. Первыми выстрелами смели голову колонны. В первых машинах ехал немецкий военный оркестр, и везли знамя. Все, кто там был, около тридцати человек, погибли сразу. Ну и с остальными хорошо поработали. Разгромили колонну полностью, никто не ушел. Кого-то потом взяли в плен, захватившие к этому времени Миллерово, стрелки. В бою немцы успели мне влепить снаряд в моторное отделение. Танк подбили, но экипаж весь успел выскочить. Посадка-высадка экипажа занимала восемь секунд по нормативам.

Мы остались ремонтироваться, а бригада пошла вперед и попала в засаду на станции Чеботовка. Сунулись ночью, без разведки. Погибли комбриг Дурнев, полковой комиссар

полковник Лысенко, брат известного советского селекционера, командир нашего батальона тоже погиб. Потеряли хороших ребят и семь танков.

После трагедии в Чеботовке к нам на помощь подошла мотострелковая бригада. Они перебили всех немцев, что засели в деревне. В этом бою я не участвовал, когда мы догнали часть, там уже все было кончено, но груды немецких тел, лежащие на улицах, видел. Мы с экипажем участвовали в похоронах наших товарищей, дали залп из танкового орудия.

После прошли километров пятнадцать, там речушка, украинское село, немцы уже почти не сопротивлялись, село взяли быстро, но мой танк, последний в батальоне, сожгли. Доложил комбату Исаеву, мол, танк сгорел, экипаж жив. Он обрадовался, с облегчением говорит: «Ну, война закончилась, теперь едем домой.

Долго отдыхать не пришлось. Более полугода уже продолжались бои на Изюм-Барвенковском направлении. Где-то в конце февраля нам пришлось поучаствовать в них. Бригаду, далеко не укомплектованную, отправили под Барвенково. Немцы нам листовки бросали: «Мы в кольце и вы в кольце, а кому купаться в Донце?» И знак вопроса большой. Ну, купаться не купались, но за Донец они нас потом вытеснили.

В городе шли бои. Половину города заняли немцы, а другую половину мы пару дней удерживали, затем получили приказ оставить Барвенково и отойти на Банное, Святогорск. Отходили ночью. Ко мне на танк насели двадцать один человек пехоты! Я специально посчитал. И комбат ко мне сел. Москвич, капитан Александр Иванович Исаев, был новым командиром моего батальона. Мой танк шел первым, а за нами ехали несколько автомобилей с пехотой и обозом. Дорога шла через деревню Семеновку, но мы знали, что там были немцы. Исаев говорит:

— Поехали, Сережа, через деревню, объезжать замучаемся.

— Там же немцы!

— Ну и что, ночь ведь, включай фары — и вперед, проскочим.

Мы и поехали. Действительно, заезжаем в Семеновку, навстречу идет немец с ведром. Нас увидел, рот открыл, и ведро упало. Стоит, не знает что делать. Так мы эту деревню проскочили, ни один немец по нам не выстрелил. Вышли на Банное, Святогорский монастырь и поехали к Донцу. По пути еще несколько танков из нашей бригады подошли.

У Донца заняли оборону. Потом добыли два мотоцикла. Немецкий дозор, два мотоцикла и бронетранспортер, напоролся на наше охранение. Бронетранспортер наши ребята подбили, а мотоциклисты проскочили дальше и приехали прямо к нам в

деревню, где мы их и поймали. Мы же все молодые, давай на этих мотоциклах по деревне гонять! С этой стороны Донца местность для обороны была не очень подходящая. Пришел приказ переправиться и занять оборону на нашем берегу. Зима в тех местах довольно теплая, да и март уже наступил, но ночью маленько подморозило. И все-таки лед на реке был слишком тонкий. Чтобы давление на лед было поменьше, мы всю ночь рубили лозу, другой растительности поблизости не было, и настилали из нее дорожку. Я вызвался переправляться первым, на свой страх и риск. Экипаж остался на берегу, в танк сел один механик. На первой передаче, с постоянным газом танк медленно двинулся по тонкому льду. Водитель вел машину плавно, без рывков, и через несколько минут 36-тонный Т-34 оказался на том берегу. До сих пор не могу понять, как мой танк прошел, ведь грузовая машина, пытавшаяся проехать следом, сразу провалилась в воду. Потом в обороне постояли, у меня танк забрали, передали в другой батальон, а наш батальон вывели из боя. Комбат меня забрал с собой. При передаче танков комбаты всегда старались свои старые экипажи оставлять при себе. Если было кем заменить, начальство не возражало. У меня в последнее время сильно болел глаз, я ходил забинтованный. То ли соринка, то ли окалина с брони попала, глаз сильно распух. Врач эту дрянь из глаза удалил, опухоль спала, но видит глаз до сих пор неважно.

Бригаду вывели на отдых и пополнение под Воронеж, в райцентр Ольховатка. Пришли танки, я получил взвод, три танка. Первым делом мы собрались в баню. Посадил свой взвод на танк, и поехали. Подходим к бане, там уже наши офицеры, танкисты сидят у крыльца. Разводят шашни с местными девицами.

— Ну что, — говорю, — работает баня?

— Работает, только воды нет.

Послал старшину разузнать, как и что. Тот возвращается:

— Товарищ лейтенант, воды нет, дров нет, когда будут, неясно.

Посадил взвод обратно на танк, повез к речке, говорю:

— Будем купаться здесь. А вода холодная! Но ничего, вымылись в холодной воде и поехали в лагерь, в лес.

Новым комбригом назначили подполковника по фамилии Секунда. Мы смеялись, что и командовал он нами секунду. Всего через пару недель его заменили на Казакова. Секунда успел отправить нас, человек семь, по местам прошлых боев, зафиксировать и документально оформить подбитые танки нашей бригады. Технарь с нами поехал, остальные боевые офицеры — временно безлошадные. Остановились в Петровском, где давили

итальянцев. Вздохнуть нельзя, вонища стоит ужасная! Все же тает, гниет. Машины выделены, местные жители помогают вывозить трупы. Казачки говорят:

— Увозим по пятьсот человек в день хоронить, и все равно, конца не видно. Столько мы их там набили.

Становская Нина Владимировна
6-й отдельный дивизион аэростатов заграждения

Собрали 30 человек со всего Владимирского района, и в апреле 1942 года мы поехали. Тогда, в 1941–1942 годах связи со Сталинградом и Астраханью через Владимировку не было, дорогу только строили солдаты. Мы доехали по железной дороге до Ленинска, а дальше дороги не было, пошли пешком до переправы. Там нас военные встречали как пополнение к части, которая шла из Одессы, отступала с боями. Дивизион, в котором я служила, был не обычным, а отдельным дивизионом аэростатов заграждения. Немец же летал везде, а здесь все-таки связь юга с Россией, и эвакуация, и все прочее.

Есть фото, где все мы после курса молодого бойца. Приехали сюда, и нас пополнением в 6-й отдельный дивизион аэростатов заграждения. Такие были еще в Ленинграде, Москве и в Одессе. И вот оттуда их сюда прислали, конечно, многие по дороге погибли. Мы приехали на второй Сталинград, там есть здание до сих пор, в котором мы тогда расположились, и нас там готовили к присяге. Вечером военную форму надели. Юбка была обычная, гимнастерка, у кого ботинки, а у кого — сапоги. В мае 1942 года это было. Прошли тут курс молодого бойца. А мы ж девчонки… Хочется нам и пошутить. Старшина был у нас одессит. Нам дали бутсы американские. Мы идем по улице, в ногу стараемся, идем болтаем, а он нам: «Прекратить разговоры! Запевай!» В общем, прошли курс. Здесь в Сталинграде еще спокойно все было.

Все началось 23 августа. Подъем прошел нормально. Это было в воскресенье. Что-то сделали и спрашиваем командира: «Пойдем мы за газом или нет?» Для подпитки аэростата мы носили тогда газ с химзавода. Все девчонки с одной стороны четверо, с другой тоже, и в руках несешь. Такое, знаете, удовольствие — придешь — руки красные аж. Газ был в длинных баллонах — газгользеры назывались. Он говорит: «Подождем указаний». Ну и все, ну и ладно.

Своими делами занялись… не помню… и вдруг — невозможные сирены без конца одна за другой. Когда летят самолеты, звучит сирена — воздушная тревога! Уже знаешь — надо быть на месте. Одна, вторая, третья, и так без конца. А потом пошло… Господи! И уши закрывали, и на землю легли, молодые же, думаем, ну что же это такое? А они так: один заход прошел, потом второй — загорелись дома, а тут эвакогоспиталь в садике был фронтовой. Отправлять надо раненых на ту сторону, а немец бомбит.

Город встал: трамваи перестали ходить, дома загорелись, падали стены, люди гибли. Одна бомба упала на станцию Сталинград-2, а там как раз стоял эшелон с лошадьми. Это ужас что было… Трудно было слушать душераздирающие крики животных!

Но нас никуда командир не отпустил! Мы только на третий день получили указание, чтоб мы собирались на СталГРЭСе. Во-первых, нет газа, а во-вторых, все разгромлено. Волга даже горела. Я сама лично не видела, видела дым только. На СталГРЭС ехали по Социалистической улице, а там завод был, где из сахара патоку делали, она вся была на улице разлита. Мы едем, а народ кричит. Мы сели на свою машину, а народ же видит, что уезжаем из города, и давай кричать: «Предатели! Уезжают, нас оставляют!» Так неприятно было слышать. Всех собрали на СталГРЭСе, мы там неделю простояли, и нас должны были отправлять за Волгу для решения вопроса, что делать с частью. Обратно поехали на центральную переправу.

Недавно приезжали наши на 100-летие Качинского училища — вот представляете, я не могла там находиться — этот звук, как от бомбежки. Самолеты летали, а мы только смотрели и все радовались тому, что они летают. А тогда бомбы сыпались.

У нас двое попали под бомбу на переправе. Не осколками, а прямо рядом взрыв был. Половина уже была погружена на баржу, там же и наша техника была. Они два круга сделали, и потом уже тише стало, и нас отправили в Красную Слободу. Там стояли с сентября до конца октября. Тогда пришел приказ нас отправить на формирование. Мы сели, погрузили нас в поезд, и поехали мы

через Владимировку. Наши родители уже знали и хотели встретить, увидеться. Там поезд постоял часов пять. Все приехали. Потом мы поехали через Баскунчак. Утром мы стали выезжать. Солнце поднялось, все такие радостные. К нашему составу с какого-то завода оборудование прицепили и людей, которые за него отвечают, и тут летят самолеты. Мы радуемся — нас сопровождает охрана. Они как начали бросать бомбы. Попали не в начало эшелона, а как раз в конец, и последний вагон совсем разбило. Побежали в поле метров на двести, успели отбежать только, и они начали бросать бомбы. После налета наше руководство приняло такое решение — весь личный состав идет ночью, а днем в кошарах спим, чтоб сохранить человеческие жизни.

Бойко Василий Демьянович
Связист канонерской лодки «Щорс»

Война для нас началась неожиданно. Мы, конечно, знали, что немец по Европе шурует, но не думали, что на нас нападет. Собирались в увольнение, я тогда занимался в секции гимнастики и должен был идти на тренировку, но утром сыграли тревогу, приказали получить боезапас, мы не понимали зачем, а потом приехало начальство и объявило — началась война. Нас сразу направили на оборонные работы, копали траншеи, тогда же начали готовить штольни для подводных лодок — их было мало, лодки укрывать некуда было. Отбойный молоток я тогда здорово освоил. Мы делали над уровнем воды вход в тоннель, потом прорубали тоннель с выходом, а саперы потом бортики взрывали, и вода штольни заполняла. Кормили неплохо, всегда в целом, кроме Сталинграда, пожалуй, — там плохенько было. В конце 1941-го нас направили вместе с пехотной дивизией эшелонами в Москву, но там, видно, без нас справились и нас направили в Царицын — в Сталинград. Там текла мирная жизнь, город красивейший, мы занимались сопровождением грузов по Волге, в основном нефтепродуктов. Немцы активно грузы бомбили, ставили мины — в начале войны они нахальными были — прямо над водой летели, ничего не боялись. Мины магнитные были, ложились на дно, мы, конечно, с этим боролись — была специальная команда — размагничивали корабли, но насколько этого размагничивания хватит, никто не знал — поэтому подрывались, конечно. После подрывов нефть разливалась, Волга

горела — бороться с этим было нечем, поэтому просто ждали, пока прогорит. Самолетов наших мало видел, они медленные были, конечно, сбивали их. Но потом мы стали корабли вооружать — ставить пулеметы, орудия на гражданские суда — это были, конечно, неприспособленные корабли, буксир, обшитый жестью, — осколки пробивали насквозь, но стали грозным оружием. Я служил на канонерской лодке «Щорс». Мы их маскировали — рубили деревья, укрывали борта, палубу — со стороны плывет по реке островок, бывало, самолеты нас не замечали, старались, конечно, менять позицию почаще.

Народ из Сталинграда не эвакуировали, а куда их везти? 23 августа, когда Сталинград подвергся одной из самых страшных бомбардировок — население бросилось к набережной, тогда все бросились к реке, давка была страшная, люди лезли по сходням, многих сталкивали в воду, мы все это видели — мы сами ждали отправки на восточный берег. Капитан катера, принимавшего беженцев, кричал в рупор: «Принимаем детей и женщин, остальные потом», а на берегу были мужчины в гражданском, в этот момент один военный, вроде офицер, побежал по сходням на катер, капитан ему орет про женщин и детей, а тот бежит вперед, какой-то чемоданчик в руке, ну капитан достал револьвер и убил его, тот в воду свалился, после этого мужчин на пристани стало меньше, а мы говорили: «Вот, молодец командир, так и надо!»

Канонерские лодки и другие суда перевозили людей, оружие, провиант. Все под огнем, разницы не было что днем, что ночью, город горел, осветительные ракеты над Волгой висели все время. Мы базировались на восточном берегу, наши корабли заходили в притоки Волги, оттуда вели огонь, постоянно приходилось перемещаться, выполняя приказы командования. Отряды НВКД работали, но с катеров уже куда убежишь, а как до нас пополнения доводили, не знаю. С оружием особенно вначале тяжело было, бывало, переправляли и безоружных солдат на тот берег, командиры говорили, что там оружия достаточно. Норма снарядов тоже была, старались бить наверняка. Среди моряков случаев дезертирства не знаю, был один матрос, расстреляли его перед строем, а так моряки сами в бой рвались.

Бараев Александр Васильевич
Красноармеец 1045-го стрелкового полка 308-й стрелковой дивизии

Сначала привезли нас на станцию Красноуфимск. Оттуда отправили нас на нашу сторону от Сталинграда в Капустин Яр. Сейчас там находится, если не ошибаюсь, космодром. А тогда на том самом месте находился пересыльный пункт. И оттуда нас направили на формирование одного полка какой-то дивизии. От того полка тогда ничего не осталось: его разбили, он только знамя вынес. Там в полку уже никого не оставалось: были только одно знамя, знаменосец и командир полка, больше никого не было. И вот наше училище направили на пополнение этого полка. И так мы попали туда никакими не офицерами, а просто курсантами. Это потом пришли документы со школы младших командиров, после чего мне присвоили звание сержанта. Потом я стал старшим сержантом, а уже впоследствии — старшиной. И попали мы с этим полком на фронт прямо в Сталинград. Еще на пересыльном пункте, как сейчас помню, нам кое-каких солдат дополнительно прислали, кое-кого обмундировали, потом выдали всем противогазы.

Кстати говоря, когда переправлялись в сторону Сталинграда, многие из наших эти противогазы на деревья повесили. Они нам что-то уж очень надоели тогда.

Еще когда мы, значит, через Волгу переправлялись, река была почти вся охвачена пламенем огня. Ведь тогда немцы разбили нефтеперерабатывающий завод, и бензин поплыл по реке. И из-за

этого, можно сказать, вся Волга горела! Но в реке были маленькие окошечки, на которые это пламя не распространялось. Так вот, нас погрузили на баржу, прицепили ее к небольшому катерку и по этим вот окошечкам мы поплыли. Река была широкая. И вдруг, когда до берега оставалось далековато, немцы начали бомбежку. Сначала они сбросили с самолетов на маленьких таких парашютиках фонари. Эти фонари долго висели в небе и освещали буквально всю близлежащую местность. А потом начали сбрасывать в нашу сторону бомбы. И одна бомба весом что-то около 500 килограммов, не меньше, упала рядом с нашей баржей. Мы все оказались сразу в воде. Кто плавать умел — выплыл. А кто плавать не умел — сразу же отправился на дно. А такие, кто не умел плавать, среди нас тоже были. И они погибли. Потом мы доплыли на барже до берега. И как только до суши добрались, нас почти сразу же бросили в бой.

К вечеру мы заняли оборону непосредственно в Сталинграде: это было между заводом «Красный октябрь» и заводом «Баррикады», в районе протоки, которая проходила под узкой колеей такой. Фактически это был центр города. Этот район между двумя заводами был таким стратегически важным объектом для нас. Ведь на завод «Баррикады», который был совсем рядом, привозили наши подбитые танки, там их ремонтировали, а уже оттуда они шли на фронт. И чтобы не дать немцам занять эти заводы, эти стратегически важные объекты, мы заняли оборону. В общем, всем своим подразделением мы там скопились. И когда нас туда привели, то сказали: до утра сидите здесь. Показали, что в этом месте нужно создать линию обороны и окопаться. Причем сказали так: если до утра не окопаетесь — значит, все, на утро уже вы будете мертвы. Ну и мы начали окапываться. А утром немцы снова начали бомбежку. Делали бомбардировщики заход, помню, таким конвейером по девять штук. Как отбомбятся — так уходят, а на их место приходит следующая группа бомбардировщиков. Сопровождали их истребители «хейнкели» и «мессершмитты». И так они нас бомбили с 7 часов утра до самого вечера. Наши вроде «ишаки» тоже в небе появлялись — И-16-е, или «Чайки», как эти истребители мы тогда называли. Но по сравнению с немецкими самолетами они были ничто. Вот летят они около истребителей, а немцы как дадут очередь из крупнокалиберного пулемета — так они разлетаются от этого буквально на кусочки. Сидишь так в окопе, тебя всего трясет от злости, но это единственное, что ты можешь сделать. Но потом их, этих самолетов, у нас вообще мало стало.

И только вечером, когда все это дело прекращалось и

бомбежки, по сути дела, уже не было, мы ходили за водой и готовили себе еду. Потом немцы нас сильно прижали к Волге. Дело доходило до того, что, бывало, идешь за водой, как начинается обстрел. Все время обстреливали! Там обстановка была такая, что немцы обошли участок около заводика, который занимал наш полк, с фланга, и так все время обстреливали. Да еще и бомбили!

Когда мы в город вошли и направились в сторону двух этих заводов, тракторного завода и завода «Баррикады», я успел заметить, что там ни одного целого дома не было. Были груды кирпичей, кое-где торчали трубы от домов, а где-то и этого не было. Короче говоря, одни были разрушения. Там же речушка или ручеек какой-то проходил. Так там мостик, который через него проходил, был взорван! Потом там же шла в сторону одного из этих заводов узкоколейка. Так там были разбиты все вагоны. Тогда бомбежка была сильная, бомбы, которые немцы сбрасывали на Сталинград, были мощные такие — до 500, до тонны доходили. А обыкновенные бомбы были так где-то 250 килограммов. Представляешь, что такое 500-килограммовая бомба? Это если я в окопе сидел, то меня из него выкидывало как пушинку. И так со мной, кстати говоря, в Сталинграде и было. Недалеко от нас, помню, разорвался вражеский снаряд. Все отделение, которое там было, засыпало землей. Так вот, из всего отделения осталось в живых всего три человека, в том числе и я. Остальных всех в месиво превратило. А меня выкинуло, как пушинку. Но я в нишу успел быстренько залезть. И это мне спасло жизнь: там рядом, где я только что был, опять легла бомба. Ведь немец бомбил нас в Сталинграде с утра до вечера! И думалось в такие моменты только об одном: вот сейчас, прямо на тебя сейчас упадет бомба. А эти бомбы падают где-то рядом, а в тебя только летят осколки от кирпичей и металлов. В такие моменты не успеешь и напугаться, как следует. Все думаешь о том, чтоб поскорее бы закончилось все это. Даже в другой раз мысль была: пусть лучше хлопнет, ведь всех убивает. И не было в боях под Сталинградом никакого страха: потому что была какая-то безнадега, безнадежность существования, потому что знали, что здесь, в такой обстановке, запросто можно погибнуть.

Встречал ли я жителей города? Когда мы через Сталинград проходили на свой участок обороны, то не встретили ни одного гражданского человека. А вот когда обратно шли на переправу, то ехали гражданские на повозках, причем были их повозки запряжены в быков, а не в лошадей. Их было несколько подвод. Это, видать, были остатки людей, которых должны были эвакуировать. Это было рядом с нефтезаводом, который там

находился. И больше гражданских лиц в Сталинграде я не видел. После этого их, видимо, всех эвакуировали и никого не осталось. Может, были те, которые прятались на окраине города, это если ехать в сторону Балашова. Я, например, слышал о том, что много людей оставалось там жить в подвалах. До конца войны они там, говорили нам, находились: вырывали себе в подвалах землянки и там жили.

Вскоре меня ранило, можно сказать, в первом же бою. А дело было так. Немцы начали нас атаковать. Впереди нас проходила первая линия обороны, которую не мы занимали. Мы находились во второй линии обороны. Так вот, когда вторая линия обороны начала отходить, начался обстрел. В этот момент я готовил бруствер для стрельбы из пулемета. И так получилось, что наше отделение попало под навесной огонь немецких минометов. И несколько мин накрыло наше отделение. Троих или четверых убило сразу, а меня, поскольку я находился правее, осколком ранило в руку.

На волокушах меня сопроводили до Волги, а потом переправили на ту сторону через Волгу. В то время через реку Волгу уже была налажена переправа. С нами был сопровождающий офицер (было такое правило, что раненых обязательно должен был сопровождать какой-нибудь офицер) — командир роты. Мы собирались такой группой, а у него, ну у этого офицера, были с собой все документы на нас. Мы добрались до временного госпиталя, где нам сделали перевязку. Но мы, честно говоря, сами сделали себе перевязку — воспользовались специальными индивидуальными пакетами, которые нам выдали вместе с противогазами, когда мы еще к Волге подходили. Госпиталь находился где-то за Капустиным Яром, к сожалению, я забыл название этого места. Нас осмотрели в этом госпитале и всех, кто находился в ходячем положении, отправили в Капустин Яр. Когда мы туда добрались, нас отправили пешком дальше своим ходом. И вот тут нас немцы здорово потрепали.

Нам нужно было дойти до госпиталя, который аж в самом Саратове тогда располагался, в таком местечке Красный Кут. Но нам при этом сказали, что на каждой станции находятся так называемые промежуточные продовольственные пункты, где мы можем получить продукты питания и прочее. Чтобы эти продукты мы могли получить, нам выдали специальные талончики. И вот шли мы пешим ходом до госпиталя. Ходили только в темное время суток. Днем же передвигаться было нельзя — потому что, даже если один солдат днем шел, тут же появлялся немецкий бомбардировщик, «хейнкель» или «мессершмитт», который продолжал кружиться в воздухе до тех пор, пока не убивал этого

солдата. Поэтому ночью шли, а днем прятались от немцев. Но мы это поняли не сразу. Помню, дошли мы до первой станции, где как раз продовольственный пункт должен был находиться. Значит, зашли на эту станцию, подумали, что здесь сейчас как раз получим продукты питания, приведем себя в порядок. И вдруг услышали чей-то крик: «Немцы летят!» И немцы начали эту станцию бомбить. Они разбомбили буквально всю станцию. Но мы, несколько человек, спаслись. Дело в том, что недалеко как раз находился небольшой заводик, где соль добывали. И было соленое озеро Эльтон, оно, вообще-то, известное. Так вот, от завода прямо в озеро шли большие трубы. Когда началась бомбежка, мы в эти трубы залезли. И это нас спасло: по сути дела, спаслись только те, кто в трубы залез. Продпункт тогда там немцы разбили и почти всех наших положили. Когда бомбы падали, в трубе было вообще кошмарно находиться. Потом бомбежка закончилась. Но вылезти задом из трубы было уже невозможно: немцы, когда бомбили, все завалили. И для того, чтобы вылезти, нам нужно было идти до конца трубы, где она наполовину упиралась в воду с солью. Вот туда по этой трубе мы и вышли. Там была вода, но было мелко. Новых продуктов питания мы не получили, все было разбито, ну и начали двигаться дальше. Помню, нашу железную дорогу немцы тоже разбили, даже рельсы были перевернуты.

Мы пошли вдоль железнодорожного полотна, которое было наполовину разрушено. Когда дошли до следующей станции, немцы налетели на нее и как раз к нашему приходу ее разбомбили. Потом дошли мы до другой станции, где тоже должен был находиться очередной продовольственный пункт. Там было такое длинное село, его длина была километров пять, не меньше. Но как только мы пришли на станцию, на нас налетели «хейнкели». Именно «хейнкели» — потому что они производили особый гул, который мы легко могли определить. Их вышло на бомбежку девять штук. «Мессершмитты» их сопровождали. Наших самолетов ни одного в воздухе не оказалось. Мы стали искать для себя место, чтобы где-нибудь спрятаться. Немцы бомбили также и дома: крыши и бревна вместе с осколками бомб летели еще только так. И тогда мы втроем спрятались за стену дома, который еще оставался целым. Потом по нам где-то рядом ударил крупнокалиберный пулемет. Так вот, или он в меня попал, или сколок отскочил, в общем, не знаю, но факт в том, что у меня после этого потекла кровь. Короче говоря, осколком в ключицу меня ранило. И хорошо, что мы недалеко от медчасти отошли — рану мне ребята скоро перевязали. А потом, когда до медчасти добрались, оттуда с нами вместе отправили одну медсестру,

поскольку двое из нас были тяжело ранены: один — в ногу, а другой — в бок. А у меня тогда в том месте на руке, куда в самом начале, еще в Сталинграде, я был ранен, завелись черви. Мне эту рану обработали. После этого пошли мы дальше. Потом мы поняли, что для того, чтобы не попадать под немецкую бомбежку, надо на станцию за продуктами питания до 7 часов утра приходить. Дело в том, что в 7 часов утра немцы бомбили Сталинград, а затем на обратном пути летали вдоль железнодорожной ветки бомбить станции. У них тогда такая задача стояла: добить железную дорогу, которая идет до Саратова, до конца, чтобы по ней ничего не подвозили наши эшелоны к Сталинграду. Мы пришли до 7 часов на питательный пункт, получили необходимые продукты и пошли дальше. И так добрались мы почти до самого Саратова. И там, в госпитале в Красном Куте, что недалеко от Саратова, я пролежал целый месяц.

Помню, что там, где располагался наш госпиталь, почти ничего другого и не осталось. Там остались женщина-председатель и один еврей, подполковник, который был начальником госпиталя. Но там был рядом богатый совхоз, и они поддерживали нас. Тогда в этот госпиталь вообще очень часто привозили тяжелораненых: тех, которые были и без рук, и без ног, в общем, всяких там побитых наших солдат. Тяжелораненых подлечивали и отправляли на поездах дальше в Саратов, а там их эвакуировали дальше в глубь страны. Тех же солдат, которые были легко ранены и были, как говорят, ходячими (а я был из их числа), подлечивали и отправляли опять на фронт. И бывало в иной раз такое: несколько таких рейсов из фронта в госпиталь и из госпиталя на фронт — и солдат на том свете. У нас не считались с людьми. Уже потом, когда пошло наше наступление, когда соединился Степной фронт с нашим Сталинградским фронтом, там, помню, столько наложили убитых, что, можно сказать, прямо по трупам шли. В госпитале у нас также умирали люди. И очень часто, и помногу.

После выздоровления нас направили на так называемый пересыльный пункт, который располагался в местечке Капустный Яр. Что такое пересыльный пункт, знаешь? Это то место, куда всех годных к строевой службе солдат направляют после госпиталя. Туда приезжали офицеры из каких-то войсковых частей и отбирали тех солдат, которые были им нужны. Туда же приходили документы, там все было расписано, и офицеры, так называемые «покупатели», с ними знакомились. Потом офицеры эти подходили и говорили: «Тот-то и тот-то! Ко мне». И так отбирали. Особенно часто, помню, отбирали шоферов, потому что

хороших шоферов с правами было очень мало в то время. И я попал в часть из этого пересыльного пункта тоже как шофер. Уже потом, непосредственно в части, нас переобучили и мы с тех пор стали называться военными водителями. Но как меня отобрали как шофера? Очень просто: один «покупатель» посмотрел мою красноармейскую книжку, водительские права, так как все это на пересыльным пункте было, и решил взять меня к себе. Но я сначала чуть было не угодил в авиационную часть. Я помню, что тогда один летчик с погонами ходил. Он меня отобрал и мне сказал: «Ты посиди здесь, я через некоторое время приду». Ну и никого больше, кроме меня, он к себе в часть не отобрал. А в это время пришел один связист-капитан. Он увидел меня и спросил: «Хочешь в хорошую часть попасть?» «Да, хочу», — сказал ему ему. «Давай ко мне», — предложил он мне. «Дак меня летчик взял к себе», — объяснил я ему проблему. «Это не важно», — сказал он. А у него как у представителя части был документ Ставки Верховного Главнокомандующего. То есть их часть подчинялась Ставке Верховного Главнокомандования, и только Сталин, как руководитель Ставки, мог распоряжаться этой частью. Никто другой вмешиваться не имел права. И так я попал туда. Часть была засекреченной и называлась так: 561-й отдельный Краснознаменный ордена Красной Звезды радиоразведдивизион особого назначения — ОСНАЗ.

Мищенко Иван Елисеевич
Командир минометного расчета 184-й стрелковой дивизии

В начале июля нас подняли по тревоге, посадили в эшелон всю дивизию — и на запад. Доехали до Ложков, там мост через Дон, переехали, остановились, наш батальон из двух рот: пулеметная и наша, минометная. И вверх по Дону на Калач. Там заняли оборону в начале месяца на случай высадки десанта противника. Немец уже был на Сталинградской земле, уже на станции Морозовой. Нас высадили прямо около моста и заняли мы оборону — от Дона всего 150 метров, от моста, на высоте. Я установил свой миномет и стал ждать.

Замкомандира роты по политчасти пришел с училища в Светлый Яр, и его поставили к нашему командиру роты заместителем по политчасти. У нас единственная надежда была на него, что он мог что-то записать, и погиб от пули своего. Почему у него не было своего оружия, я не знаю, а ребята шутили над ним: «Порожняя кобура! Хоть бы паклю положил туда, может, винтовку пришлось бы почистить какую». Заняли мы оборону, еще боя не было в 20-х числах июля, и какой-то солдат или кто он, бежал с передовой, с запада на переправу, хотел через мост перейти, у него автомат был, а замкомандира роты его увидел: «О! Глянь, он с таким оружием и отступает!» За ним припустил и догнал. Переправа от нас 150–200 метров всего. Схватились за оружие, только тыр-р-р-р и лейтенант повалился. Тот убежал, а за ним никто не побежал, потому что сам получишь пулю, раз он на

это способный.

28 июля старший лейтенант Барсуков послал патрули в ночь в сторону хутора Березова, и они на рассвете прибежали к командиру и доложили, он как раз отдыхал в моем расчете, что танки противника, сколько — неясно, но много, идут в нашем направлении. Он мне скомандовал с миномета не стрелять, а вооружиться бутылками с зажигательной смесью и ожидать противника, подпускать на 10–15 метров, не менее. На большее расстояние можно просчитаться. Сам он побежал переводить роту. Рота занимала оборону, если идти к Дону, по балке, то по правой стороне, а немец появился с левой, идет прямо на мой расчет.

Пулеметная рота нашего батальона, заняла оборону на понтонном мосту, ниже Калача по течению, а мы на новом мосту, от Калача 3 км выше, мы друг от друга на расстоянии почти 6 км, и соседей никого не было. А мы — просто как заслон перед мостами. Один взвод командир перевел на сторону балки, он прибежал к нам в расчет и дал команду, дал данные для стрельбы из миномета: угломер, квадрант и одиночным выстрелом. Дал я несколько одиночных, потом говорит: «Беглым огнем!» Затем шумит: «Почему мины не долетают до цели? Проверь прицел!» — «Прицел правильный, как вы сказали. Но почему-то у меня мины вырываются с рук». Я только до ствола, а она у меня с рук вырывается, где ж ей долететь? — «Что с минометом?» — «Ствол раскалился! Руками не схватишь!»

Я стрелял с дополнительными зарядами, мешочки вешались прямо на стабилизатор, целлулоидовые такие, с порохом. Есть такие, как крендель, прямо надеваются на мину снизу и пошел. Об боек бьется мина, пламя, и он взрывается и мина летит дальше. Ну, ствол раскалился, шумит, замени! А запасного ствола нет! Он: «Давай ко мне!» Он дает бинокль и говорит: «На проверь свою работу!» Мы били по хутору Березову. Я: «Так это ж наш хутор!» — «Наш не наш, а нам главное — выбить немца оттуда. Там же немцы скопились». Хутор весь горел и немцы по нему там бегали, как куропатки. И в это время прибегает связной нашего командира первого взвода: «Старший лейтенант Кременчук убит. Я ранен». Сам связной ранен в живот. Я подошел к нему помочь, а оттуда все просто льется, весь живот прострелен несколькими пулями. Он: «Ты меня пристрели, я не жилец!» Я: «Как ты не жилец? Мы тебя сейчас отправим в госпиталь!» — «Да какой там госпиталь?!» Командир роты мне дает задание: «Ты у командира взвода первый помощник, иди принимай взвод и командуй!» Взвод из минометчиков. Все учились в одной школе. Да они и учились там месяц всего, война не дала учиться, а меня

поставили как прослужившего уже год — считали, что я уже старик.

Бежать во взвод — это значит с танком встретиться. Я решил их немного миновать — спуститься в балку, там пройтись по флангу немного, а потом уже к взводу. Я видел, что наш взвод поджег уже несколько танков.

В балку спустился и только стал подыматься и уже пришел наш танк. Нам до этого командир роты сказал, что мы будем не одни, к нам идут танки на помощь, правда, задерживаются на мосту — там большая пробка создалась. Потом им дали команду: не смотреть ни на какие препятствия, только вперед, а пробка была из-за подвод, которые отступали с запада на восток — жители колхозов, совхозов, и на быках, и на лошадях, по всякому, стояли чуть одна на одной. Наши полуторки с ранеными с запада тоже задержались. Потом, когда танки прошли-промяли и по быкам, и по бричкам, тогда наши полуторки с ранеными пошли на восток, на Сталинград.

Полуторки без дверок, просто ремень. Они даже удобнее, выскакивать, вдруг налет, или могут перевернуться, дверцы может заклинить, и не вылезешь. Просто ремень поперек вешали, на крючке. Вот так станешь говорить, а мне: «А ты все придумываешь!» Фронтовики же говорят: «Да я таких и не видал». Вот видишь — не все одинаково воевали.

Я разыскал свой взвод. Я не смог сразу узнать ребят. Прошел какой-то час боя, не больше, а все курсанты стали неузнаваемые: черные, перекошенные лица, а какой-то один час боя.

Из противотанковых средств только бутылки были. Вот так вот смерть — она ж ползет, лезет и в крестах еще немецкий танк! Мы их тогда и не видели, это ж для нас была дикость — кресты! Мы же — комсомольцы все.

Поскольку танк нужно было подпустить на далее как на 10–15 метров — это же смерть на тебя ползет. Какие нервы надо, чтоб удержать себя, чувства свои, чтоб с врагом сразиться! Эти бутылки же: разобьется — и ты погиб, и даже ни одного танка не поджег. В общем, очень трудно было воевать с таким оружием.

Потом пришли наши танки, целая армия. Завязался танковый бой. Это бой такой, что стало подыматься солнце, и сразу тьма наваливается: пыль, копоть, танки горят черным дымом, но бой шел. Он горит черным и тела горят солдат, уже намотанные на гусеницы, и он черным дымом горит, а наш другим дымом, светлым, такой плотный был бой перед мостом. Наши «тридцатьчетверки», некоторые прямо разгонялись, думаешь, вот вскочит наверх — нет, только гусеница поднимется и спускается вниз, разворачивается и опять в бой. Был очень сильный бой —

смелые наши танкисты.

Я за танком пристроился, чтоб с ним пройти немного дальше ко взводу, он только поднялся, и в него попал снаряд. Я только заметил, как он вздрогнул и вспыхнул. С нижнего люка два танкиста выскочили, объятые пламенем. Но там уже не до спасения. Если человек пламенем объят, надо же какое-то приспособление, чтоб тушить, а чем солдату тушить — противогазом?! Их начало гнуть на колени, локти — люди горят, все это страсть, все это на себе переживаешь. Я обошел их и до взвода добежал, а там уже наш командир роты меня опередил: я пошел по балке, а он напрямую рванул. Противник начал терять свои силы, отступать, и наши танки их преследовали, а мы, не отрываясь от них, дошли до Хорошего кургана. Там стало уже темнеть. Нашим танкам заправка нужна была уже.

На другой день снова в бой, не отрываться от танков, вперед! Никаких тесных занятий мы с ними до этого не имели, они в Калаче, а мы аж в Светлом Яру были, не отрабатывали взаимодействие. Просто бежали за танками. Немец применил свои способности, хитрости, и танки зарыл, они стали как дзот: он бьет, а сам в земле. За ночь окопали они. Наши танки на Хороший курган не пошли, а пошли в обход, а нас положили с воздуха огнем, нашу пехоту, и с земли, в общем, мы начали окапываться и целый день мы не наступали, к ночи приходит солдат, ко мне попал он как-то: «Ты не с Дальневосточной дивизии?» — «Нет» — «А где же она есть, тут же занимать она должна? — «Не знаю!»

Мы не знали даже, что нам на смену пришла уже другая армия, подготовленная, с Дальнего Востока. Нас сменили, а нас же там уже половину не было и сказали: «Пойдете в Дубовку на формировку».

Мост мы перешли, и направление — Качалино или Дубовка. Дошли до хутора Камыши, солнце стало садиться, а немец на той стороне Дона, а она выше, чем левая, и он нас заметил издалека, а мы не знали, думали, что немца угнали далеко. Расположились мы сварить покушать, умыться после боя. Как раз шла скотина и гражданские, и он открыл огонь по нам и тут и по скотине, в общем, женщину одну убило, кого-то еще ранило. Мирные жители пострадали, почувствовали войну. Команда нам: «Потушить огни!» — песком позасыпали, загребли и пошли вверх по Дону. Нам много встречалось солдат и командиров, которые говорили: «Приказ — ни шагу назад! А вы куда идете?» — «Куда нам сказали — туда мы и идем! На формировку в Дубовку». — «Какая там формировка?!» Но мы все равно идем, потому что чего нам слушать чужих, у нас своя команда и свой командир. Расчет у

меня не полностью был, и идти по пескам было очень тяжело, и мне попадается лошадь, паслась в стороне. Я эту лошадь поймал, сделали лямки, упряжку из обмоток, все повязали и поехали, запрягли прямо в миномет. Нам стало тогда легче и мы туда вещмешки сложили. У плиты приварены с завода полуоськи такие, и надеваются колеса — вот уже плита на колесах. За саму плиту держишь, и как управление. А тут уже наваливаешь вещи, и сделали шлейку с обмоток. Солдат есть солдат — должен всегда быть находчивым.

Доехали мы до Качалина, нас остановили, приказ: «Назад ни шагу!» — «Мы не знаем!» — «А вот мы вам даем приказ! Переходите обратно на правую сторону Дона и сражайтесь с противником! На вас надеется народ. Вы защитники, вот и идите защищайте!» Мы опять перешли на правую сторону Дона и шли вперед, правее Голубинской, мы-то не знали, а командира роты уже предупредили, что такие-то дивизии в окружении находятся. От Голубинки от Качалина где-то 20 км. Пошли мы, нас тут уже провожали и «мессершмитты», и румынские истребители — как наш У-2, похож на «кукурузник», но он верткий и быстрый. Всю дорогу нас обстреливали, а мы все не останавливались и шли, дошли до своего назначения, остановились, заняли оборону.

Пришла и наша пулеметная рота, и соединили наши две роты, стал командир пулеметной роты управлять всеми, и наша часть попала к нему, а наш командир роты Барсуков — так и управлял нашим минометом, а миномет был 82-мм один, и четыре ротных — на лопатку солдатскую упирается, маленький миномет, с ладошку — минки.

Перестрелка у нас была очень долгая, и только 16-го немец пошел по-настоящему в наступление и нас сломал, а то мы стояли упорно, и наши окруженцы, они немецкие войска отвлекали на себя, и бои даже вели. Мы отсюда, а они оттуда. Там несколько было дивизий, по-моему, кто оттуда смог выйти, нам не сообщали, там связи вообще не было. В общем, мы вели с немцами перестрелку настоящую, потом уже немец подтянул все свои войска, которые еще с Харькова плелись, в кучу, и ударил, я почему помню, что 16-го, потому что меня же контузило 17-го — я запомнил на всю жизнь.

Прорвалась какая-то группа немцев, они же были от нас полкилометра всего где-то — их передовая, потом наша передовая. Они появились над нами, недалеко. Командир роты: «Надо сменить огневую позицию, чтоб они не знали, где мы стоим». Ну, я дал команду. Расчет был не полностью — схватили кто ствол, кто лафет, кто лотки, а я подскочил — мне осталась плита — я дерг-дерг — засосало ее. Потом крикнул санитарке

Маше: «Иди, пожалуйста, помоги мне выдернуть плиту!» Она подскочила и мы вдвоем раз-два, и ее выдернули. Я ее накинул на себя и пошел в сторону, куда сказал командир роты. Тут они уже поднялись на эту высоту и открыли по мне огонь. Их группа, какие-то разведчики, небольшая группа. Открыли огонь — и я слышал, как эти пули по плите дзынь-дзынь, и я почувствовал, что плиту пуля не берет, я добежал до новой огневой позиции.

Командир роты, еще огня не было, артиллерийский огонь еще немец не применял, позвал меня к себе на КП. Миномет у нас был внизу, а он на верху, к нему вел ход сообщения. Я к нему поднялся… У нас была немецкая каска — не такая как наша, а мы же молодежь, и вечерами в балке в футбол этой каской гоняли. Потом он меня к себе позвал, а мою каску, она лежала около миномета на бруствере, ее осколком разрубило, а он зовет: «Ко мне быстро!» Я крутился, что ж мне надеть на голову? Я схватил эту немецкую каску, на себя раз и к нему. Бегу по ходу сообщения, что такое — он пистолетом за мной водит. Я думаю: «Да твою мать!» и вспомнил про эту каску. — «Товарищ старший лейтенант, ты чего?» — «Мищенко, ты? Да закинь ты эту каску сейчас же!» Я ее раз — и выкинул. Он: «На бинокль — смотри!» А там впереди занимали оборону с нашей роты часть, с пулеметной роты, еще какие-то были, ну метров сто цепь примерно. Их не видно было, они окопанные, он мне указал.

Немцы уже пошли в наступление, цепь у них далеко и длиннее. У наших — метров сто, а у тех — метров пятьсот. Немцы цепью прямо шли, с касками, с автоматами. А наши — с винтовками, автоматов не было, а может, и был у кого, но в основном с винтовками. И он: «Вот гляди, сейчас наши поднимутся в штыковой бой! Чтоб ты видел!» И точно, немцы подошли вплотную — наши поднимаются, конечно, нам «Ура!» не слышно, а, видно, как поднялись с винтовками, а те как с автоматов резанут, они очередями наших положили. Но и у немцев осталась разрезанной эта цепь, наши тоже побили их.

Командир роты и говорит: «Запомни на всю жизнь, если сам жив останешься, отдали свои жизни в бою наши солдаты на Калачевской земле».

Когда я спустился к себе, немецкая артиллерия открыла огонь, и вскоре прямое попадание прямо в миномет мой, его раскидало. Ребята, кто подальше от миномета был, остались живы, двое или трое, а остальных все же прибило. Я вернулся к командиру роты: «Что теперь?» Молча достает из вещмешка две гранаты Ф-1: «Тебе — одну, а мне — вторую. Вот с этой гранатой с окружения выйдешь. Его нам не миновать, потому что немцы пошли и справа, и слева, мы в мешке. Бери с собой любого

солдата, и отходим». Но знайте, что есть приказ: «Назад ни шагу!», а заградотряд, говорит, ты сам их видал, уже стоит за нами.

Нас никто не остановил. Мы прошли прямо к Дону по направлению, а танки левей нас уже опережают, и к Дону. А справа пехота цепью немецкая. Потом стало темнеть, мы расположились отдохнуть, чтоб в ночь не наткнуться на немцев, вдвоем мы были. Сидим, двое появляются, такие большие фигуры, один пониже, поплотней, другой повыше, стройный — это немцы, думаю, они обычно здоровей все наших и выше. Они идут по направлению к нам, я как заору: «Стой! Кто идет? Руки вверх!» Они остановились и руки вверх подняли — мы к ним подскочили, а увидали, что русские гимнастерки, пилотки, разу руки опустили и спрашивают: «Ну мы че, в окружении?» Я: «Да не знаю, но наши из-за Дона бьют дальнобойные, и снаряды рвутся около нас, наверное, по немцам бьют и по нам достают». Полковник, немного пониже который, четыре шпалы, планшет раскинул, посмотрел. А тот, что повыше и поплотней и как-то прячется, не показывает свою личность. Ну, не сказать что прячется, вроде, а старается не показать свое лицо, отворачивается. Я понял, что это генерал, я мельком заметил, что у него на петлице два ромба, тогда у генералов были.

Посмотрели они карту и поворачивают, чтоб через балку идти, мы за ними, а они нам: «Вы не ходите за нами!» — «А как же не ходить? Вы же командиры — вы нас должны вывести!» — «Нет, ваши командиры, вы знаете, где, а наши солдаты — там, вот мы к ним и идем!» Наверное, они сбрехали, а может, и правда. Пошли, наткнулись на связь немецкую у них на пути, они связь ножом перерезали. Балку перешли, а мы не отстаем, они вроде недовольные, но куда деваться, и только балку перешли: «Стой! Кто идет? Руки вверх!» Они подымают и мы поднялись. Подскочил лейтенант и два солдата с автоматами и гвардейскими значками. Я сразу понял, что это, наверное, 33-я гвардейская, она по соседству там у нас была.

Им указали дорогу на переправу в Качалино, а на нас глянули: «Минометчики нам нужны! Пойдете?» — «Да как же мы пойдем? Мы ж должны встретится с командиром роты на мосту у Качалино. Он придет, а нас не будет — потом неприятностей не оберешься!» — «Да вы теперь о командире роты забудьте! Где он остался? Он уже в окружении. Забудьте! А вы попадете к заградотряду и будете тогда воевать под своим автоматом! Вот мы вас берем — так идите, а то…» В общем, припугнули нас. Повели они нас — ночь, там с полкилометра. Привели — группа лежит с 10–15 человек — накрытые, кто палаткой, кто шинелью

— все спят наповал. Лейтенант указал: «Тут ложитесь, к вам утром подойдут и укажут вам командира отделения, будет знать и воевать с нами». Мы там и легли на том месте. Не успели задремать, по нам начали стрелять. Рядом балка — и они в балку, мы только голову подняли, то кучка была, а то уже кучки той нет, все в балку! Мы выскакиваем — и за ними! Оказывается, они уже были под прицелом немца, их группа 33-й стрелковой гвардейской дивизии была где-то 20 человек.

По балке идем, солнце встало, идем по направлению к Дону. Нас «рама» заметила, сфотографировала, и минут через десять появляются «мессершмитты» и начинают нас долбить. Ну, мы ж не знаем ни командира отделения, никого, я своему другу говорю: «Знаешь что, давай от них отрываться, иначе мы попадем к немцу в руки! Давай бежать с кольца к Дону!» Он меня послушал, разговоров больше не было, и мы оторвались от них — и вперед к Дону — а они за нами, не отстают.

Я почувствовал, что должны мы с противником встретиться, просто как предчувствие такое… Я с гранаты чеку вынимаю, остается граната у меня на боевом взводе и стоит руку разжать — взрыв и меня нет! Я и уже подумал, сколько наших погибло — и мне все равно погибать. Так я лучше погибну от своей гранаты. Эта мысль еще не прошла, как я натыкаюсь на немецкий бронетранспортер, во ржи мы шли, выше человека ростом, рожь хорошая. Вот столкнулись с ним — кузов и борта, все железное, они сидели, я как заору: «Руки вверх!» Показал им гранату. Они не ожидали меня просто, откуда я взялся такой? Сразу повскакивали и руки держат вверх, у меня мысль мгновенная: «А что я с ними буду делать, ведь сам я уже в окружении». Я не кидал гранату, а так через борт перекинул и глянул в след гранате — она покатилась по полу и одному немцу под ноги прямо. Он подпрыгнул, испугался. Камнем под машину ближе к кабине, и тут же взрыв! Что там с ними в кузове получилось, я не знаю, но знаю, что машину порвало, а немцы где там, как они побиты, не знаю, не видел их. Даже в кабине никого не осталось. Такой взрыв сильный был — машину разнесло. Наверное, там еще их боеприпасы были. Тут же наши с 33-й дивизии следом за мной бежали и всю эту картину видели. Подбежали и унесли меня, и по щекам меня, и в рот мне стали дуть, поняли что меня контузило, приглушило полностью… еле слышу разговор: «Да это чужой солдат, что вы с ним возитесь? Пошли, а то и нам будет». Другой говорит: «Да нет, он не чужой, видишь — он уложил немцев! Это свой!» И все — чувствую, как на меня накатывается какой-то камень, теряю я все силы и сознание, отрывается от меня все… Не помню, как через Дон меня перевозили. Только уже помню, но не

знаю через сколько, стук колес по железной дороге — на стыках они ж стучат — вот стук до моих ушей дошел, а где я, и опять в какую-то яму ухожу.

Пришел в себя в Ряжске Рязанской области, уже в больнице, передо мной врачи или сестры, кто-то был в халатах белых, и я понял, что спасен.

Скажу тебе, что те солдаты, что воевали на правой стороне Дона, они же видели силу немецкую и видели свою силу, с чем мы воевали, и с чем они воевали. Мало веры было, что наша Победа будет, они намного нас сильней. Но, видишь ли, нас убеждали, что мы духом сильней, но дух его разве поймаешь?! А немца видишь вооруженного до зубов.

Орлов Николай Васильевич

Отец ушел через два месяца после начала войны — он стрелок-радист был в дальней авиации, на Берлин летали, в Берлине закончил и вернулся, награжденный был, раненый, и прожил 96 лет. Мама воевала здесь, в 10-й дивизии НКВД, она город хорошо знала и была проводником. Я один остался. Соседи друг другу помогали сначала, потом ополчение организуется. Мы где-то 13 августа с ребятами кто остались, на берег Волги спустились, развели костер — рыбки пожарить, картошки сварить, и отметили мой день рождения! Уже бомбежка началась. Но еще до 23 августа здесь небольшие налеты были. Потом многие ушли на фронт. Я остался здесь, в ополчении. Мать не отпускали, а так через соседей передавали, что она там пока на казарменном положении, они до Калача ходили там, помогали. Короче, я отца увидел только в июле 1945 года, а мать увидел еще здесь в сентябре — 25 сентября мы обоюдно узнали, что мы живы.

Я в это время в ополчении, когда 23 августа бомбежка началась, загорелось все, и вот нас к тракторозаводцам отправили, немцы когда прорвались в Рынок под Тракторным — нас туда. Стреляли-то мы хорошо, ума, правда, мало было. В ополчении на Тракторном я пробыл где-то три недели. Когда там укрепились, нас, молодых, перебросили на центральную переправу, и я где-то с сентября там был — это основная переправа тогда была. Сейчас если по улице Гагарина спускаться к Волге и еще чуть к Панораме по берегу метров сто — вот здесь располагалась центральная переправа. Она была ценна тем, что

берег крутой был, а потом пологий, это сейчас уже сравняли, а тогда крутизна была. Там место забетонированное, причал, почему туда немцы и рвались — любые суда могли причалить.

Впервые я увидел немцев в районе Красных казарм, стал подниматься по Устюжской улице, ближе к Мамаеву кургану, вверх и смотрю — идут двое немцев, а я с водой. Но на мое счастье, попались миролюбивые, а я дрожу иду. Когда уже начинается общение, то понемногу начинаешь соображать, действовать, и страх куда-то пропадает. Сказали: «Куда идешь?» Переводчик с ним был такой дружелюбный. Я: «Вот воду несу, вот туда-то иду». Он им говорит, а тот опять спрашивает: «Где мать и отец?» Я: «Нету! Я один». У дедушки живу, и называю адрес. Вот такие вопросы жизненные. В первый раз только трудно было, а потом уже как-то все прошло, но все равно при виде немца боялся. Самое главное, надо быть спокойным, с выдержкой, не дрожать, не суетиться. А так люди есть люди, и среди них тоже были и люди, труженики или рабочие. Летчики есть летчики — они и гонялись в степи за каждым. Кто в летчики попадал? Сынки таких, кто в партии гитлеровской были, — это уже воспитание другое.

Здесь был капитан Петраков, сотрудник НКВД, и ему было придано 200 человек — они сдерживали немца от площади Ленина, тогда она называлась площадь 9 января, и до театра Музкомедии. Уже немцы Ворошиловский район заняли, Пионерку заняли и дошли до театра Музкомедии. В центре было так. Фронта не было. В одном доме — наши, в другом — немцы, на одной половине улицы — наши, на другой — немцы. Вперемешку все.

На переправе мне пришлось… Я видимо, один парнишка был, а все остальные в летах были… чудом живы остались, старались. Выдержали. Как раз ждали Родимцева. 13 сентября, самый тяжелый день был, немцы вполне могли взять и переправу, и все… Родимцев переправился с 14 на 15 сентября где-то в половине четвертого ночи, 42-й полк 13-й гвардейской дивизии. И как раз к нам сюда, мы держали берег внизу, немцы прямо над нами были. Кричали нам: «Песни давайте вместе петь», и прочее. Прямо на самой переправе, а они наверху были, нас поджали. Ну и где-то небольшую полосочку держали. 62-я армия Чуйкова В. И. была отрезана, тут только остатки были.

Когда первые переправились, меня тут представили командованию, а я уже кое-где ходил и город знал хорошо. С ним был начальник полкового СМЕРШа. И меня сразу сюда. Буквально через месяц я уже не сын полка был, а зачислен в штат. Так что призван я был раньше срока положенного — в 16 лет. Это с 15

сентября 1942 года. И до окончания войны я воевал сначала в полковой разведке, потом в армейской разведке, а потом уже и во фронтовой.

Полковая разведка ближнего боя. Задача какая была: я город хорошо знал и проводил бойцов, немцев обходили, под них подлазили и точки занимали.

Потом, когда укрепились тут наши, уже стал в разведке такой… У нас артиллерия и все было за Волгой, здесь только стрелковое оружие на руках было и все, ну, минометы небольшие, пулеметы. В городе, когда немцы вошли, то еще не было такого жесткого контроля — не было запретов, когда по городу ходить, а когда нет. Как и везде, было установлено: с 7 утра до 17.00 — передвижение, и то только у кого документы были. А если ночь — расстреливали сразу. А сперва легче было.

В документах есть, у меня из личного дела взято: мне пришлось за этот период больше 71 раза побывать в тылу у немцев. В ближней разведке, потом уже в дальней. Ну, ближняя разведка попроще, первый период особенно, когда приходилось в день по три раза побывать за линией фронта.

Задача — наблюдать, где скопления, где прорывается немец. Наши небольшие штурмовые группы уничтожали эти скопления, мешали, обстреливали. А связи не было, она плохая была. Там или там заметил, за полотном железнодорожным или где — бежал, говорил, и накрывали потом из-за Волги эти места. Это вот начало было. А потом уже посерьезней стало. Здесь уже и дальняя разведка, более продуманная. Спать приходилось очень мало. Горячую пищу я не видел, даже редко кипяток. В кармане был жмых — это когда масло с подсолнечника делается, вот остатки, или горчичный жмых. Да и солдаты все, которые здесь были, они вот этим питались, буквально до ноября. А потом уже немца начали давить, поджимать, и пошло питание, и поставлять стали, более-менее наладилось все.

Заедала вошь! Ну, она и потом и после войны. Я знаю, потому что пришлось еще в Бекетовке жить. До 1949 года не могло еще население вошь вывести! Ну, вот так все и ходили. Вот сейчас вспоминаешь: да как же я сумел это все? Черт его знает, видимо, это молодость, бесшабашность! Я и сейчас удивляюсь, как же я живой остался?

Был черный я, волосы, глаза, брови — меня все за цыгана принимали. А потом уже буквально к ноябрю 1942 года у меня уже седые виски были. Но некоторые говорят: «Да что там?!» А и страшно было, и боязно. Когда идешь, сперва какая-то безысходность, а потом как-то трезвеешь и головой думаешь.

Первые немецкие армейские части когда вошли в город, они

более-менее были, и старые и молодые. Воду несешь с Волги спрашивают: «Куда идешь? Откуда идешь?» — «Вот, воду брал и несу» Ну, некоторые похулиганят — вылью: «Иди еще сходи, русь!» А некоторые напьются, некоторые смотришь даже: «Куришь?» — «Найн! Найн!» Кто-нибудь тебе еще сухарик даст. Разные были тоже немцы. Потом звереть стали, когда уже их спецорганы пришли, когда лагеря пооткрылись. Уже тут страшно стало проходить. Ограничение в движении стало.

Надо должное отдать — наши чекисты нас готовили, и в СМЕРШе которые были разведчики, контрразведчики, они в летах все были, опытные все. Когда ты возвращался, он только ложился спать, который тебя посылал: он не спал, а переживал, ждал… Это такая поддержка была, такая любовь! Вот была в воинских частях какая дружба среди солдат — ну, нет того сейчас, что раньше было. Командиры были, как отцы! Иногда забывались: «Батя!» Некоторые порывались и папой называть. Были одни сибиряки в 13-й дивизии, когда они тут сидели, мальчишки 18-ти лет пришли.

Я готовился, ночью меня должны были переправить в лагерь, а оттуда гнали население мирное, женщины, ребятишки, гнали на Калач и оттуда вывоз в Германию на работы, а Калач как перевалочный пункт. Мы долго готовили это мероприятие.

Я в центре-то все знал, как свои пять пальцев, а окраины города — нет, далековато это было — час дороги.

Немцы организовали, как мне потом пришлось разведать, аэродром, сейчас там наш военный аэродром. Немцы — они специалисты и сразу определили и розу ветров, подъем и защищенность и все прочее. И они его очень берегли. Нашим где-то удавалось пролетать, где это представляли, но они так сделали, что наши думали, что это ложный аэродром. У нас тоже за Волгой много ложных было, и у них тоже. И очень здорово было сделано под ложный аэродром, и мы особо не обращали на него внимания. А вот этот аэродром был в Мариновке, как я потом разведал. Их задача была — минирование Волги, недопущение переправы через Волгу, а тут буквально 5–7 минут лета. И они действительно не давали ничего — минировали — сколько наших подрывалось! Немцы торопились, поскольку, если замерзнет Волга, то тяжело тогда было бы.

Меня много готовили. Мальчишка был. Более-менее взрослому невозможно было сразу бы забрали, откуда да чего, а внимания мало на детей обращали. Все бежали от немцев, убегали — радовались, а я все время к немцам. И так уже влился. И тут уже на Дар-горе лагерь-пункт, переправили нас. Поскольку так не дойдешь и не доедешь, там патрули везде, я должен был

идти на Калач, и примерно в районе (ориентиры дали, с компасом научили, но не дали, просто примерно поработал) Мариновки, оторваться ночью и уйти на разведку. Конечно, и карты изучал, и оружие, и какие самолеты, какие марки и прочее. В группу попал, там и наши помощники были. Вот никто не знает, его сейчас в живых нет, тоже Орлов, он был профессор нашего пединститута после войны, вот он был внедрен в немецкую разведку, парень опытный. Как-то два раза в разведке промелькнул.

Шли так — гнали пешком: днем шли, а ночью немцы в какое-нибудь строение забивались, а люди наши все (ну, сентябрь так еще более-менее был, но ночью холодновато) ежились, где-то сено было, 2–3 солдата дежурили. Гнали всего человек десять, а нас группа была 120 человек. Ну куда кто побежит, а некоторые, откровенно говоря, и сами шли, особенно молодые девчата — польстились на то, что немцы разбрасывали листовки — и жить хорошо там будет, и работу найдете, и все прочее, обман такой был.

Ночью примерно в районе Мариновки я сориентировался по речушке и ушел. Легко было оторваться, ушел без всяких препятствий. Но надо было подниматься на возвышенность, я знал карту. Но мне сказали так: «Если нельзя подобраться и там охрана, то просто замаскируйся и понаблюдай хотя бы один день, продержаться сумей: сколько садится и взлетает самолетов, чтоб потом определить, действующий ли аэродром». Ну а где тут? Ну, по этой балочке пошел вверх, смотрю — а холодно стало — какой-то человек. А это бабулька сидит, дремлет, согнулась под кустиком. Потом смотрю — у нее веревка длинная и на веревке пять козочек и козел. Они внизу, а она спит, и они пасутся. Ну и мне сразу приходит в голову: я сейчас коз этих отцеплю и туда выгоню наверх, а уже и вышку видно. Посмотрел — буквально метров сто пройти и будет видно площадку, где аэродром должен быть. Вот у меня уже самого опыт стал появляться. И я их гоню вперед.

Я хоть и в деревне родился, а приехал в город еще ребенком и животных мало знал. Я ухватил козу и тащу, а козел, стоит и они около него. Я кружусь, тащу, а они стоят. Потом поскользнулся, упал, и козел учуял жмых у меня в кармане и полез, а я двигаюсь, и он за мной. Потом я встал, иду, он понюхает и идет. Он пошел, и козы за ним. А бабулька спит, а я откуда знал, она поможет или нет… Ну, иду и думаю: надо быстрее. Слышу с вышки выстрел! И вот уже я смотрю — видно поле, и гляжу скорей. У меня зрение и сейчас хорошее, память подводит, а зрение: как посмотрел — все, где я пройду-проеду. Я

сразу тогда — ага — 3 ряда по 12 — значит 36! И назад скатился, сообразил, что мне уйти надо с места, потому что если они подъедут, глянут, если я видел поле аэродрома с этого места, где я был, значит все — захватят! А я скатился ниже и мне не видно аэродром оттуда, а вышку видно.

Действительно, так и получилось: они, может быть, и не отпустили бы… но они, когда сюда подскочили, видят — аэродрома-то не видно — я метров на восьмидесяти скатился вниз — и все! Но мне повезло еще, что дежурил как раз офицер-летчик, лет 35, молодой. Подъехали офицер, двое солдат и переводчик с Украины. Офицер говорит, а тот переводит с грубостью такой: «Что тут делаешь?» Я объясняю: «Козочек пас, задремал, а они побежали, и я их возвращаю». Офицер так смотрит. А этот козел меня и выручил — он лезет ко мне. Он создал легенду: что раз он лезет, значит меня знает, а козы к нему вроде, и они меня знают, и значит я не вру. Этот офицер понял, посмотрел и немного заулыбался. Я так подумал, видимо, у него дети были, потому что он так на меня смотрел то умиленно, то серьезно, а тот украинский переводчик свое: «Пан офицер, что тут разговаривать, надо вести в комендатуру». Офицер молчит. Махнул ему рукой, что-то сказал, ну, я думаю, что сейчас все — уйду.

Потом как оглянулся, а бабка уже бежит с палкой: «Ах ты гад! Ах ты паразит!» Ну, я думаю: все пропало, сейчас она подбежит: украл и туда-сюда… А она, оказалась, бабка такая, у нее двое сыновей воевали, ростовчанка, эвакуировалась сюда, потом ей медаль дали «За оборону Сталинграда». Она потом еще нашим помогала, я подсказал, где она жила, она офицерам-немцам носки вязала, закрепили за ней легенду, и она своя там была. Она очень много помогала, как потом мне стало известно.

Она подбежала и давай разыгрывать: палкой изо всей силы по спине. Потом говорит: «Ну, что, сыночек, мне оставалось делать? Не поверили б иначе!» И орет: «Я тебе сколько говорила!» И палкой одно бьет. Хорошо на мне фуфаечка рваная была, еще более-менее, но синяки потом все равно были. Офицер переводчику говорит: «Пусть уходят!» А тот ему: «Надо забирать!» Офицер: «Я сказал, пусть идут!» И этот переводчик подошел ко мне и как меня толкнет: «Ух, гаденыш, повезло тебе!» Он как чувствовал. И еще под зад мне как дал! Мы и пошли. Она идет и вроде так все хлопает по спине, кричит и говорит: «Ты иди и не оглядывайся!» Они еще постояли, посмотрели, в машину сели и уехали. Мы вниз спустились.

Тогда передвижение было в городе еще более-менее, а в деревне вообще уже немцы установили такой порядок, что у всех

были пропуска, агентура своя была, стукачи, и если появлялся посторонний человек, то сразу должны были докладывать. Мне к ней туда никак нельзя было. Она была с одного из хуторков под Мариновкой, там их много было. Она мне рассказала все.

В этом районе дед жил, а у деда внучка была, разведчица наша, с радиостанцией. Я должен был к ней выбраться, чтобы передать информацию. Я к этому дедушке пришел, представился, пароль был. Он оставил записочку, я написал данные на бумажке, а он передал.

Меня только дня через четыре вывели в Бекетовку. Когда выходил оттуда, смотрю: самолеты полетели в сторону аэродрома, и начали бомбить. Ну, все, думаю, сработало! Радостный! Иду, сам себя не чувствую, а холодно, морозец уже был, сентябрь все-таки. А радость такая, хоть и голодный был. Вот когда свободен, отдыхаешь, ну никаких сил нет, а в такой момент, как силы откуда-то появляются, начинаешь идти — усталости нет.

В Бекетовку перебрались мы, оттуда за Волгу, там отдохнул под Красной Слободой, 3–4 дня всего дали, а потом вернули опять сюда на этот берег.

Такой момент был. Я не так часто видел больших лиц. Полковая разведка, а уж Родимцева — так издали, и все. А тут мне говорят: «Собирайся!» Ведут меня. Тут, где мост у нас через Волгу сейчас, и если из-за Волги ехать, то справа была гостиница. Еще в газетах все писали, что хотели все засыпать этот пункт командный Родимцева, там большая труба, но кое-чего восстановили. А армейский КП был, если от стадиона, где гостиница «Турист», а от стадиона туда вниз к Волге, вот там тоже было вырыто КП большое. Это дальше, чем Нефтесиндикат. Смотрю, Родимцеву представляют. Подошел, руку пожал, обнял. Спрашивает: «Покормили?» — «Покормили!» — «Ну, пойдем!» А куда — не знаю. Вот один раз тогда я имел честь встретиться с Василием Ивановичем Чуйковым.

Пацан-то еще тогда был. Я не считал себя взрослым, и мне даже порой неудобно было. Солдаты — 20–22 года, они пацаны были, а я их считал дядями. А тут привели всех, и все так на него умиленно смотрят. А я иду. Не было того, что я собой гордился, я иду, мол, герой! Я иду и не пойму: что ж я такого особенного сделал! Для чего же меня ведут? Наверное, какое задание дадут… Иду уже и фантазирую. Тут адъютант говорит: «Ну, сейчас Василий Иванович придет». Он входит: «Ну, где тут?» Подходит ко мне — как обнял! А я за спину: «Ой!» — «Чего?» — «Да бабка била!» — «Это та бабка с козами? А ты будешь еще, жулик, воровать коз? За это бьют!» И смеется. Ко всем обращается: «Ну,

разве мы не победим?! Вон они какие!» И с такими шутками обнял, поцеловал меня и спрашивает: «Ты что хочешь, какую награду?» Я вот честно говорю, не думали тогда ни о каких наградах. Вообще в Сталинградской битве очень мало было награждено. Все время отступали же. Только после Сталинградской битвы начали награждать. Здесь вся 10-я дивизия НКВД погибла и только 368 человек награждены. Ни одного Героя нет.

Опять спрашивает: «Ну, что тебе?» А я смотрю у него такая… тогда габардиновая форма была хорошая — материал такой — гимнастерка хорошая… И говорю: «Вот такую гимнастерочку хочу!» (смеется). А он: «Это все тебе?» — «Да не, без знаков, а просто габардиновую!» — Он поворачивается и смеется: «Ну, что с ними делать? Вот так! Завтра к утру отвезете в 13-ю и вручите ему такую гимнастерку!»

Тогда же и фотографироваться особо было нельзя и негде. Но мне сделали фото и отдали потом — одна-единственная. Потом судьба такая, что пошел и пошел, все время в разведке. Фотографий нет больше. Вот она единственная — в габардиновой гимнастерочке.

Тогда дали мне гимнастерку и наградили медалью «За отвагу», а чтобы «За отвагу» получить, до этого еще медаль была «За боевые заслуги». Минуя эту, мне сразу «За отвагу» дали.

Второй серьезный случай был на Красных казармах, после этого вскорости. Немцы оборудовали там госпиталь и новейшую технику стаскивали туда. И никак нельзя подойти, овраги были… А у меня брат отца работал в Красных казармах, служил военным врачом. Вот и сейчас там есть дом 3-этажный за территорией, там жили комсостав и врачи. У них сынишка был лет пяти. Я к ним в гости ходил и с ним игрался. А когда стали разрабатывать, как попасть, все на меня выходили, я-то город знаю. И когда ко мне пришли, я им рассказываю про дядю, и ухватились за эту возможность — за легенду — если вдруг немцы задержат, то я иду туда. Там жители некоторые остались в домах, немцы использовали их, то они скажут, что меня раньше видели. Мне и поручили разведать.

Очень трудно было. По оврагам как-то прошел. Когда наши отступили, в этой квартире кто-то посторонний жил, а потом и немцы жили. Некоторые жильцы в основном в подвале и на первом этаже остались, а везде немцы там были. Ночью проник туда, сумел на чердак пройти. С чердака прекрасно все разглядел.

А там скопление: и «ванюши», и танков много. В этот раз все, казалось, все узнал и мог уйти. И вот тебе на! Только я вышел утром рано, в сарайчик хотел зайти, а за сараем там доска

отодвигалась и тропинка в овраг. Только к сараю подошел, а из подъезда выходят двое немцев. У одного катушка висит с проводом и он идет и говорит в трубку, а на катушке провод разматывается. Закричали: «Стой!» Я глаза вытаращил и остановился, ухватил доски: «Дрова, дрова несу!» — «Куда?» — «Да вот сюда! Деду!» А деда потом этого видел, про которого я сочинял, что ему помогал с дровами. А тот кричит: стой и все! Стоит, крутит провода. Смотрю, подлетает машина, офицеры. Они забеспокоились, понятно же, место такое. Офицер с переводчиком: «Кто такой, откуда?» Давай меня водить по квартирам, а все же видели меня, знали. Я говорю, что пришел, а живу там.

Я сколько раз в разведку ходил, всегда под своей фамилией. Всегда говорили: «Называйся собой, рассказывай, где жил, иначе собьешься, спутаешься. Никаких выдумываний!» Это наши нелегалы там, они действительно разрабатывались, а тут — только свое! Я и стал рассказывать про себя. Они давай меня водить, где остались еще жильцы. А те: «Да видели, да знаем!» Дед сразу: «Да он пришел… да я ж его за дровами… а ты чего так долго ходил?» Сразу так и сказал!

Вот сейчас вспоминаю: вроде и люди-то забитые, неграмотные все были, но какие находчивые все были! Патриоты! И преданные, я не знаю, какие! Но офицер хитрый тоже попался: «А где ты живешь?» Да вот там разбили… называю дом, а сейчас вот живу: улица Продольная, 28. Мне адрес запасной дали, на случай, если задержат, то надо ехать к этому деду — он выручит, мой родственник типа. Мне легенду рассказали про него.

Едем к этому деду. Подъезжаем к дому, открывается дверь. Дед, видно, сразу смикитил идет грузный такой, седой, усы у него, тельняшка, и в руке ремень несет. И сразу: «Ага, гад! Ой, солдатики, спасибо! Да что ж я с тобой буду делать!» Подошел и давай хлестать. Немцы ни разу не били, не получилось, оба раза получил от наших (смеется). Да еще как по попе даст-даст, так кровь идет. А я по-настоящему в визг, слезы! Немцы вот такими глазами смотрели! Ну, короче говоря, так он все это обыграл. А я думаю: «Вот же артист! В театре так и то не сыграют!» Сейчас вспоминаешь и думаешь: «Да как же, откуда такие люди брались?!» Ну, видимо, наши органы подбирали и оставляли. Вот и этот дед когда-то был хорошим агентом, еще с царских времен. Спас меня тоже.

Заканчивается Сталинградская битва, я иду с 13-й дивизией, и вдруг вызывают меня в особый отдел. Там, когда уже пошли, я в обозах был, прикрывался, а в разведку посылали, и в Ростове побывал, и везде ходил. Вызывают сюда, на машину сажусь, еду. А

уже стал соображать и думаю, ведь много же было изменников, предательств… Вот и думаю: не оклеветал ли меня кто? Ведь все время же видели, что я с немцами на Дар-горе.

Как Саша Филиппов. Ему сумели поставить памятник. А сколько недругов было и сколько писали, что он пособник немецкий! Все потом стали писать. И доказывали. Страшно, что было — родителей загнали в гроб ни за что. Парень он боевой был. Он сапожником был, сапоги, ботинки немцам-танкистам чинил. Его так любили танкисты-немцы, а он подсыпал в бензобаки песок. Танки приходили и уходили, а потом танки тут завели и стали обкатывать, ну и, видимо, стали работать и вышли на него. Его потом привезли к Казанскому и повесили.

Привозят меня в Бекетовку, на СталГРЭС, там гостиница была до войны, не знаю, сейчас что там, потом столовая, на главную проходную ГРЭС, а там здание такое длинное. Там был НКВД, когда Сталинград освободили, в центре разбито же все. Привезли туда к начальнику Управления Воронину Александру Ивановичу, как помню мы и до этого так-то встречались… Иногда мне давали задания, кроме разведки я выполнял еще и другие поручения. Я тогда не догадывался. Мне говорили: «Пойдешь когда, то передай вот тому-то пачку табаку. Это присылает сын дедушке». А это наши были, а в пачке какие данные были. Он тоже какой-то подарок посылал, я приносил. Короче говоря, нелегалы наши были внедрены, и я таким образом работал их почтальоном.

Вызывают в кабинет. Смотрю: сидит какой-то дядя, солидный такой. Он на меня посмотрел, когда я вошел. А сидит за вторым столом, а впереди него много навалено, какие-то портсигары, телефоны, блюдца. Уж больно все заставлено. Я посмотрел, а потом отвернулся, он все передвинул и спрашивает: «Как все было?» Воронин про меня рассказывает. А тот: «Ух ты, какой молодец! Ну а что на столе… вот ты сидел и смотрел, в каком положении какие предметы были изначально?» Я показал. Он смотрит на меня с удивлением в глазах и говорит: «Александр Иванович, ну это же надо, какой хитрый! Меня — генерала — обманул! Когда ты успел, я ж передвигал все». Ну это шутки все…

Предложили мне: «Что, хочешь в разведку или в контрразведку?» А я так соображаю: в разведку — это значит, за границей работать? А у меня образования нет, иностранный язык плохо знаю, по-немецки чуть-чуть, 7 классов всего. Наверное, все-таки в контрразведку. Александр Иванович меня рекомендовал, и меня — в органы, в спецгруппу, и я в ней воевал до 1945 года. Сейчас у нас внешняя разведка отдельно, а тогда она была в системе органов и называлась 1-е Главное управление — это внешняя разведка, а 2-е — это контрразведка. В этой группе

потом я забрасывался. Тут моя постоянная работа была. Это командировками называлось. Даже группы из Кенигсберга приезжали, молодежь привозили со мной знакомиться. Там побыл и в других местах.

Забабашкин Константин Васильевич
Командир 1-го стрелкового батальона 11-го гвардейского стрелкового полка 4-й гвардейской дивизии

16 августа 1942 года дивизия прибыла к месту назначения под Сталинград и с ходу получила задачу: занять и оборонять рубеж Старо-Донской, Пятидесятский, особо прочно оборонять участок — станица Сиротинская, хутор Задонск-Авиловский. Задачи частям дивизии и их подразделениям были поставлены по карте, и с наступлением темноты дивизия выступила на марш. Части выходили на свои оборонительные участки без рекогносцировки, в темное время. Незнакомая местность, донская степь без каких-либо четких ориентиров, после Волховских лесов было непривычно. Темная южная ночь, скудные данные о противнике, незнакомая местность вызывали у личного состава особую настороженность и напряжение. Шли молча, пристально вглядываясь в темноту. Ночную тишину нарушали только отдельные команды, передаваемые по колонне, да изредка проскачет конный связкой. К утру 18 августа дивизия вышла в свой район и заняла оборонительный рубеж. Мой батальон занял оборону на рубеже в районе Колдоирова-Белужина. Не обошлось и без инцидентов. Батальон выходил на правый фланг участка своей обороны, и мне казалось целесообразным развертывать его по ходу движения, то есть справа налево. Поставил ротам задачи,

указал им рубежи обороны и они по ходу движения развертывались и занимали оборону, а я со своим штабом вышел в намеченный район расположения командного пункта, разместил его, и связисты потянули связь к ротам. Не успели полностью натянуть связь и переговорить с командирами рот, к нам на командный пункт приехал командир полка полковник Парфенов и приказал доложить обстановку. По карте я доложил свое решение, и какие роты, и где заняли оборону, но по правофланговой роте не мог доложить, заняла она оборону или нет, так как не имел с ней связи. По-видимому, связисты сбились с направления и не вышли на командный пункт командира роты. Полковник вспылил, отругал меня и наговорил гадостей. Меня это до глубины души оскорбило, и обида на него осталась надолго.

С первых же дней обороны мы развернули активную разведку противника. Каждую ночь группа разведчиков переправлялась через Дон и уточняла положение и группировку противника. Его передний край проходил по восточной окраине станицы Сиротинской и далее на северо-запад по гребню высот и был удален метров на пятьсот от уреза реки. Таким образом, перед нами проходила полоса ничейной земли. На одном участке росла картошка, а остальная площадь была покрыта зеленой травой, и на ней паслись лошади, по-видимому, оставленные нашими войсками во время отхода. Кое-где виднелись автомашины и другая техника. В одну из ночей мои разведчики переправили вплавь добротную лошадь, это надоумило меня пополнить конским составом наш батальонный хозяйственный взвод. В течение недели мы не только в батальоне укомплектовались лошадьми, но и значительную их часть передали в хозяйственную часть полка. И больше того, в одну из ночей разведчики переправили на плоту исправную автомашину, чем батальон прославился на всю дивизию.

В первых числах сентября в батальон приехал командир дивизии генерал-майор Леленков. На моем наблюдательном пункте, расположенном на высоком берегу Дона, он заслушал мой доклад об обстановке, особенно детально интересовался данными о противнике. Задал несколько вопросов о моей службе в армии и на гражданке до войны. Осмотрел инженерное оборудование и построение обороны и, по-видимому, остался доволен. В заключение нашей беседы генерал предложил мне перейти в оперативное отделение штаба дивизии. Для меня такое предложение было неожиданным, и я не смог сразу вразумительно ответить на него. Дело в том, что я никогда не проходил воинской службы в штабах и плохо представлял

характер их работы, о чем и доложил генералу. Он улыбнулся и сказал: «Подумай хорошенько, завтра или послезавтра доложи свое решение». И на том мы расстались. Я остался в глубокой задумчивости. С одной стороны, мне хотелось выйти из подчинения полковника Парфенова, так как отношения между нами были не из лучших, а с другой стороны, я привык к батальону, сработался с его командным составом, да и работа была привычная. Мои раздумья разрешил приехавший на второй или третий день начальник штаба дивизии гвардии полковник Пугаев. Он вызвал меня в штаб полка, долго и обстоятельно беседовал со мной, не скрыл и того, что я понравился командиру дивизии, и предложил перевести меня в штаб. Я повторил, что никогда не служил в штабах и не знаю характер штабной работы. Полковник Пугаев на это сказал, что штабные навыки — дело наживное и что он поможет мне в приобретении необходимых навыков. Беседа носила очень дружелюбный характер, а сам полковник вызвал у меня полное к нему доверие, и я согласился на его предложение. Через два-три дня состоялся приказ о моем назначении помощником оперативного отделения штаба дивизии, и я убыл к новому месту службы. Начальником оперативного отделения был подполковник Албегов, осетин по национальности, высокий, энергичный и общительный, лет тридцати с небольшим мужчина. Встретил меня добродушно, быстро расположил к себе, и так началась моя новая служба. Я внимательно приглядывался к деталям будничной работы, изучал характер и порядок разработки различного рода документов. Часто полковник Пугаев вызывал меня к себе и давал задание на разработку документов, а затем, после проверки до мелочей, пункт за пунктом, подробно разбирал мое творение и указывал, как следует формулировать ту или иную мысль и как в целом следует отрабатывать документ. Вскоре с его помощью и с помощью товарищей по работе я освоился со своим кругом обязанностей и полностью отдался их исполнению. Работа мне нравилась, часто выезжал в части и подразделения дивизии с различного рода проверками и оказанием им помощи. Будучи заместителем начальника отделения, одной из моих обязанностей возглавлять передовой наблюдательный пункт, дивизии и организовывать его перемещения в пункт указанный командиром дивизии. Перемещение командно-наблюдательного пункта обычно происходило ночью с таким расчетом, чтобы в темное время суток выйти в новый пункт, оборудовать его в инженерном отношении, установить связь с частями и успеть передислоцировать основной наблюдательный пункт.

Обычно в состав передового командно-наблюдательного

пункта включались: заместитель начальника оперативного отделения — старший, офицер разведывательного отделения, взвод связи с радийной машиной, взвод саперов и отделение комендантского взвода. И вот в таком составе ночью выдвигались как можно ближе к передовым наступающим частям, выходили в заданный район, отыскивали наиболее удобную точку и развертывали новый наблюдательный пункт. Особо ответственным моментом был период, когда основной командно-наблюдательный пункт снимался со старого места и переезжал на новое. На это время он передавал управление войсками на новый наблюдательный пункт и тогда я вступал в исполнение функций основного командира. Это требовало от меня хорошей тактической подготовки, умения быстро оценивать обстановку, делать правильные из нее выводы и своевременно реагировать. Мне, по-видимому, удавалось это неплохо, я быстро завоевал доверие командиров полков, мои решения и указания воспринимались ими и беспрекословно исполнялись. Даже будучи на основном командном или наблюдательном пункте, командиры частей часто обращались непосредственно ко мне, не желая беспокоить командира дивизии, и решали возникшие у них вопросы. Доверяло и ценило мою работу командование дивизии, за что я получал от него неоднократные поощрения.

Во всей этой деятельности я принимал активное участие, в различных ролях, в различной степени, но без моего участия не обходилось. Здесь остановлюсь только на отдельных эпизодах моей боевой жизни, наиболее памятных мне и имеющих для меня наибольшее значение.

Прежде всего, участие в грандиозном, имеющем огромное политическое и оперативно-стратегическое значение Сталинградском сражении, разгром большой группировки фашистских войск. Правда, до этого наши войска успешно осуществили Ельнинскую наступательную операцию, разгромили фашистские войска под Москвой, но после этого мы устали от сводок, сообщающих о неудачах наших войск и оставлении все новой и новой территории. Мы прекрасно понимали, что чем глубже проникает противник в глубину нашей территории, чем большую часть он оккупирует, тем труднее и труднее становится положение наших войск и Родины в целом. Было больно и обидно слушать сводки Совинформбюро о наших неудачах на Советско-Германском фронте. Все мы желали и с большим напряжением ждали начала перелома на фронте, и была какая-то уверенность, что этот перелом произойдет под Сталинградом и мы будем непосредственными его участниками. Такие надежды подогревались доходящими до нас слухами о том, что сзади нас

идет крупное сосредоточение войск. Уверенность в грядущем еще больше окрепла с прибытием на фронт маршала Г. К. Жукова. Среди солдат бытовала уверенность: где маршал Жуков — там наступление, там победа.

Время шло, у нас в тылу что-то делалось, а мы совершенствовали свою оборону, предпринимали разведку боем, вели глубинную разведку, накапливая все больше и больше данных о противнике. Напряжение нарастало. Повсюду шел разговор, что вот-вот начнется «свадьба», и она началась. 19 ноября 1942 года с рассветом началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка наступления. Оборона противника была буквально задавлена, он даже не оказывал никакого сопротивления. Все мы вышли из своих укрытий и наблюдали за артподготовкой, солдаты так же поднялись в окопах и, стоя в рост, наблюдали за происходящим. Я впервые за войну наблюдал такую мощь артиллерийского и авиационного огня. Подготовка атаки продолжалась около часа, а затем в небо взлетел букет красных ракет — сигнал начала атаки. Наша пехота поднялась и пошла в наступление. На меня была возложена задача держать постоянную связь с наступающими частями по радио, и я с двумя радистами и автоматчиком продвигался вслед за наступавшими полками, периодически запрашивал у них обстановку и докладывал ее в штаб дивизии. На второй день наступления штаб армии потерял связь с двумя или тремя дивизиями первого эшелона и никак не мог установить с ними разговор. В го время я поддерживал с ними в порядке взаимодействия постоянный контакт. Когда армия узнала об этом, то немедленно связалась со мной и поручила служить промежуточным связующим звеном между штабом армии и дивизиями, с которыми он не имел связи. Эту дополнительную функцию я и выполнял в течение суток. Грамотное и достаточно полное обеспечение штаба армии данными о положении дел на фронте подняло мой престиж как оперативного работника и не прошло бесследно.

Вторым запомнившимся мне эпизодом из этой операции было мое участие в отражении контратаки противника. Наши войска завершили окружение Сталинградской группировки войск противника и сравнительно далеко отбросили внешний фронт окружения. Наша дивизия вела бои на внешнем фронте восточнее Нижнее-Чирская в районе хутора Рубежный. Овладев хутором, дивизия закрепилась и имела задачу не допустить прорыва противника в глубь нашего расположения. Дело в том, что к этому времени командование противника сосредоточило против наших войск крупную группировку под командованием Манштейна с целью нанесения контрудара по нашим

наступающим войскам, нанести им поражение и деблокировать окруженную в Сталинграде 6-ю армию Паулюса. Наша дивизия оказалась в зоне активных действий и вела тяжелый бой с превосходящим противником. Противник, не считаясь с огромными потерями, упорно продолжал наступление. И на одном из участков обороны дивизии ему удалось потеснить наши подразделения и начал продвигаться в глубь обороны. Создалось угрожающее положение, оно усугублялось еще и тем, что у командира дивизии не было каких-либо свободных резервов. Я в это время в ближайшем тылу принимал пополнение — маршевый батальон, прибывший в дивизию.

Узнав о прорыве обороны противником, не раздумывая, скомандовал батальону к бою. Вывел батальон на нужное направление, развернул его в боевой порядок и повел в атаку. Солдаты оказались бывалыми, стремительно атаковали противника, на отдельных участках завязался рукопашный бой, противник упорно сопротивлялся, но не смог устоять столь дружному и стремительному удару, повернул вспять, а мы, восстановив оборону, отошли в тыл дивизии и после приведения в порядок продолжали распределение пополнения по частям. Позднее за обеспечение оперативной связи с соединениями армии и за умелое руководство и проявление мужества в бою при отражении прорыва противника, я был награжден медалью «За боевые заслуги». После завершения Сталинградской наступательной операции наша 4-я гвардейская стрелковая дивизия действовала в составе 31-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й ударной армии по освобождению Ростовской области. И к апрелю вышла на реку Миусс в районе большой Токмак, позднее была выведена во второй эшелон армии: отведена в район села Дьяково, где до июля 1943 года формировалась, вела работы по инженерному оборудованию армейского рубежа обороны и занималась боевой подготовкой личного состава.

Афанасьев Виктор Федорович
Сержант 59-го артполка 33-й стрелковой дивизии

25 ноября 2-я гвардейская армия из-под Тамбова двинулась к железной дороге и стала эшелон за эшелоном отправляться в сторону Сталинградской области. Движение было только ночью, но поезда шли один за другим, чтоб быстрей перебросить армию. Мы высадились на ст. Арчеда во Фроловском р-не, так же разгружались на ст. Раковка, Лог, Иловля и вплоть до Качалино. Чтобы не концентрированно, а быстрее освобождать вагоны, чтоб сразу их обратно — зеленый свет для них был — чтоб перебросить остальных как можно быстрее. А к этому времени в районе Советского замкнули кольцо вокруг немцев, а чтоб удержать окружение, сил было недостаточно. У них 300 000 человек группировка. А наших в районе Сталинграда было всего 2 армии первое время — 62-я и 64-я Чуйкова и Шумилова. Потом подошли армии Донского и Сталинградский фронтов.

Немцы, когда по коридору прошли до Латошинки, рассчитывали взять Сталинград очень быстро, и они даже разбрасывали листовки в конце августа, в которых писали: «Дон взяли с бомбежкой, а Сталинград возьмем с гармошкой». Рассчитывали на блиц-криг.

Мы двигались к Сталинграду пешком из Арчеды, в основном ночью, немцы имели преимущество в авиации, и дневные походы были ограничены. Это почти 100 км. А когда двигались, за десятки километров было видно зарево, дым, слышно взрывы.

Меня поразило, что были такие бои, что земля содрогалась так, когда из мешка горох сыпят — стук такой идет. Нас постоянно торопили и, по первоначальному замыслу ставки, предполагалось использовать армию, чтоб разрезать кольцо пополам, и потом легче уничтожить.

Когда стали подходить к городу, создалась другая угроза. 12 декабря со стороны Котельниково и Тормосино стала двигаться танковая армия, чтоб деблокировать группировку. Причем первые дни им сопутствовал успех — продвинулись на 45 км, и им оставалось 40–50 км, чтоб освободить Паулюса. И нас срочно повернули навстречу группировке Манштейна.

Мы по бездорожью и днем и ночью (максимально из нас все выжимали). Нас направили занять выгодный рубеж на реке Мышкова, небольшой степной речке, которая хоть какая-то — еще одна естественная преграда для немцев. В середине декабря мы вышли на речку и этот период боев нашей армии хорошо описан участником ВОВ Юрием Бондаревым в книге «Горячий снег». Очень жестокие были бои. Усугублялось все тем, что земля мерзлая, окоп для орудия хороший не сделать, да и времени нет.

Для артиллерии, особенно тяжелой, нужна механическая тяга. Когда мы подходили к Сталинграду, гаубицы тянули трактора гусеничные, а в последующие годы «студебеккеры» были. И 76-мм тоже они потом тянули и даже 45-мм, по-моему. А в начальный период — гужевая тяга и трактора. Расчеты шли пешком вместе с гаубицами. Трактора тащили орудия и снаряды. Мы пешком двигались по бездорожью: в колено снег, причем в Сталинграде зима была в это время суровая — до 30 градусов мороза. Некоторые и сейчас считают, что одна из причин нашей победы под Сталинградом в том, что на нашей стороне был «генерал Мороз». А немцы, дескать, к морозу были не готовы и не устойчивы. А я в ответ говорю: «А что разве нас и немцев морозило не одинаково? Им минус 30, а нам — минус 10 градусов, что ли?» Мы тоже были на морозе, без квартир и безо всего. Морозы действительно были и сильно осложняли боевые действия: нельзя было окопаться ни пехоте, ни артиллерии, спрятаться нельзя. Только какой-то естественный рельеф, укрытия. Притом еще зима и на белом фоне все прекрасно видно! Маскхалаты не у всех были.

В зимнее время воевать очень трудно. И первый бой. Поскольку нас торопили, мы быстро двигались, в ночное время только и в ночь мы прошли немцев, проскочили их, а немцы, когда очухались, стали нас обстреливать. Мы развернулись, стали отвечать и сумели их разбить. Здесь первое потрясение у меня было. Немцы разбили дом и девушку молодую и женщину убили,

причем не только убили, а, видно, девушку стали насиловать, а бабушка — ее защищать. Кошмар такой и потрясение.

Это были самые трудные бои. Почему? Не было опыта. Второе, это были оборонительные бои против танков в зимнее время, окоп не выкопаешь, даже ровика, где спрятаться самому, у орудия тоже должен быть капонир, чтоб держаться за что-то, иначе откат получается. Ломом землю долбишь, земля звенит. Не закопаться было, а ровики элементарно нужны, чтоб жить. Ведь 30-градусный мороз — мы целые дни и ночи на улице. Это невозможно, эти ровики, которые с таким трудом рыли, они для нас были квартирой, то есть мы помещались расчетом. Накрывался он брезентовой плащ-палаткой, ящиками от снарядов и для маскировки снегом, с одной стороны получался вход, с другой — выход. Кроме того, мы заняли оборонительные рубежи, мы должны были орудия охранять в ночное время, иначе их утащат. В ровики мы садились так: одетые все, чтоб тот, кто был ближе к выходу, выходит в караул, а тот, кто приходит со смены, — садится в ровик с другой стороны, и так по очереди вся эта система двигалась.

Продвижение было сложным не только с точки зрения природных условий — 30-градусный мороз, снег высокий, бездорожье — но днем двигаться означало попасть под бомбежку немцев, поэтому главное движение в темное время суток было, благо зимой его побольше. Так мы двигались примерно по 40–50 км в сутки! Без отдыха, без ничего, как можно быстрее! Был строжайший приказ в этом отношении. Вот этот марш-бросок 2-й гвардейской был первым подвигом этой армии.

Мы к 12 декабря все равно вышли к Мышкове, остановили их, выстояли, затем после 18 декабря пошли в контрнаступление в сторону Котельниково, тут еще части подошли, и к концу декабря мы освободили Котельниково, а дальше был путь открыт в сторону Ростова, и мы на плечах отступающих частей стали продвигаться туда.

Наша армия не позволила деблокировать окружение, кольцо вокруг немцев в Сталинграде. И тут уже немцы стали испытывать недостаток вооружения, продовольствия, в вещах, и раненых девать некуда было. Это сначала они имели преимущество в самолетах, а к этому времени и у нас количество самолетов увеличилось. Немецкий историк даже пишет о том, что где-то с 18 по 23 декабря 2-я гвардейская армия нанесла сокрушительный удар немцам. Немецкий историк пишет: «Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки привела к кризису 3-го рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи, явилась решающим звеном в цепи

событий, предопределивших поражение Германии».

Под Сталинградом я видел пленных, причем пленные, которые встречались раньше, до Сталинграда, были нахальные, уверенные, что они победят. Когда попадали, они чуть ли не заявляли: Сталин капут! Настолько были морально уверены, что быстро победят. После Сталинграда уже они стали другими. Кстати, там были не только немцы, но и итальянцы, румыны. Они выглядели в зимнее время довольно бледно, если не сказать острее.

Благодаря удару нашей армии план деблокирования немецких войск со стороны немцев был сорван. Есть еще одна важная сторона. Вплоть до освобождения Котельниково в конце декабря (28 или 29-го) мы все время отступали, вся наша армия, моральное состояние солдат тяжелое, проблеска никакого. Окружили немцев, бои за Сталинград — это уже успех, но все равно еще не наступление, потому что 300-тысячная группировка не была уничтожена. А теперь мы начали наступать! В нашем, солдат, подсознании произошел коренной перелом. Раньше мы хотели победы, но не верили, а теперь благодаря наступлению (еще Сталинградская битва ведь продолжалась до 2.02.1943) у нас появилась уверенность в победе.

Перед началом боев стоял для меня как солдата вопрос: «Победим или не победим?» А теперь стоит иначе: «Когда мы победим?» Важным теперь стало выжить и победить. Психология наша изменилась коренным образом. И все последующие бои в нашей области, в Ростовской мы уже только наступали. Важный моральный момент. До этого мы сомневались в победе, поскольку мы по сути уже полстраны отдали, недаром же вышел приказ Сталина «Ни шагу назад!» в Сталинграде, потому что дальше отступать было некуда. Это был бы провал.

Уколов Василий Иванович

Мы должны были проучиться целый год, но 19 апреля 1942-го вдруг большую часть курсантов срочно отправили на фронт. Оставили только малую часть, которых сразу отправили на торфоразработки, и тех, кто уже окончил обучение. А нас на фронт, и кому жаловаться… Например, я был в 68-м или в 69-м отряде, а мой друг Мишка Любин — в 70-м. И посмотрите, казалось бы, эти цифры рядом стоят, а как по-разному у нас сложилась судьба. Мы на фронт, а их на торфоразработки, потом опять учеба, затем служба на аэродроме в Полтаве, где садились самолеты союзников, и только под самый конец войны Мишка под Кенигсбергом один раз слетал на боевое задание. А у нас…

Вначале отправили в Нижние Серги, что в Свердловской области, где, как оказалось, шло формирование особого пулеметно-артиллерийского соединения. Всех построили: «Кто хочет быть пулеметчиком?» А я же кино «Чапаев» видел, поэтому сам вызвался. Вот так и попал в 3-й батальон.

Но я уже младший сержант был, поэтому меня сразу назначили командиром пулеметного отделения. Это четыре человека: 1-й номер, 2-й, подносчик патронов и я. И ни разу не стреляли, только изучали матчасть. Но о каком полноценном обучении могла идти речь, если у нас на весь батальон выделили всего один «максим»? Около костра сядем, и читаю взводу виды задержек.

Жили в клубе металлургов какого-то металлургического завода, но вот кормили нас… Вечно ходили голодными. Посудите сами, я получал неполное ведро супа, чуть больше половины, на

двенадцать человек. Да и то сказать, суп… Например, если рыбный, то там от рыбы только одни челюсти, а так и не пахнет… А на второе — двухлитровый котелок каши, тоже на двенадцать человек… А у меня, например, 1-м номером был Михайлов — высокий, здоровый, так ему, конечно, не хватало. Он, кстати, до призыва преподавал математику в Чебаркуле, а ему даже сержанта не присвоили.

На формировке мы пробыли до начала июня и потом нас отправили на юг. Через Уфу, Куйбышев, Пензу. 12 июня я отправил домой последнее письмо с последней станции перед Самарой, а уже 14-го мы оказались под Сталинградом. Разгрузились, сводили в баню и повели в какую-то деревню. Если не ошибаюсь, это было где-то рядом с райцентром Городище. Распределили по квартирам, и нас в одну хату попало четверо. Спали на полу, но командир нас сразу предупредил: «Вы хозяевам не надоедайте, а то казачество недовольно советской властью…»

Стали рыть окопы, а я так удивился, что даже спросил лейтенанта: «Наши ведь под Харьковом, так неужели немцы здесь окажутся?». Пробыли там недели две и 1 июля вдруг повели на станцию и посадили в эшелон. Вначале прошел слух, что нас отправят под Керчь, но нет, поехали на запад и разгрузились на станции Новый Айдар. Это в Ворошиловградской области, чуть южнее Старобельска. Там находился 73-й Укрепрайон, который мы и должны были оборонять. Но это только звучит так гордо — укрепрайон, а на самом деле… Недостроенные сооружения, все в бурьяне, ничего не видать… Прямо на земле валялись усеченные пирамиды из металла. Но они тяжеленные, и их ни поднять ни перетащить и установить как положено, да никто и не заставляет… А до фронта уже всего 15–20 километров… Может, если бы немец совсем рядом был, то мы бы глубже закопались, а так чего: тепло, рядом в овраге кухня. За эти двенадцать дней, что мы там провели, я командира роты так ни разу и не видел, и даже фамилии его не знал. Вот комбатом у нас был Гацкало, но его я запомнил только из-за фамилии.

Помню, сидим в окопе, смотрим, как над нами летает наш самолет, И-15 что ли. То войдет в облака, то опять появится. Тут «мессершмитт» пролетел и его сразу сбил… Потом вдруг на нас вышел какой-то солдат: «Я вырвался из окружения под Харьковом!» А еще только когда мы туда ехали, я в газете прочитал, что под Харьковом пропали без вести 75 000 наших солдат. И я все думал и не понимал, как это так — без вести?!

Сидим дальше, пока однажды командир взвода не подал команду: «Приготовиться к отражению танков!» А как, если у нас из оружия только карабины, два ящика патронов, а самого

пулемета нет… Дефицит! И по четыре слабенькие ручные гранаты…

Проходит ночь. Уже 10 утра, у нас все тихо, вдруг приходит посыльный: «Приказ — отступать!» Двинулись, вдруг командир опомнился: «Вернитесь и заберите ящики с патронами». Хотели их положить в нашу единственную повозку, а старшина говорит: «Пошли вы на хер со своими ящиками, мне нужно котлы везти». Артиллерию, которая была, до оврага на себе кое-как дотянули и там бросили… До этого, кстати, дня за два или за три артиллеристы поехали получать к своим орудиям прицелы, а склад уже взорвали…

Вышли на дорогу, а там словно на первомайской демонстрации, — сплошная колонна отступающих войск. Смотрю, едет дымящаяся кухня, залез на нее, а там каша с мясом. Взял себе, и никто мне ни слова не сказал.

Идем, вдруг появились «юнкерсы». Много, но ни одной бомбы на нас не сбросили. Видно, у них было другое задание. Дай, думаю, выстрелю по ним. К столбу подошел, прицелился, бронебойным выстрелил, но куда там… А идти все тяжелее и тяжелее, поэтому многие начали выкидывать свои противогазы, это первым делом. Потом уже штык от винтовки, шинель, котелок и даже патроны.

Отступали в сторону Алексеевки, что в Белгородской области, тут вдруг слух: «В Алексеевке уже неделю как немцы…» Уже после войны я читал, что 7 июля немцы взяли правобережную часть Воронежа и по правой стороне Дона отрезали весь Юго-Западный фронт. Тут уже окончательно началась неразбериха, никто не командовал… Вдруг один лейтенант говорит: «Зачем нам на север идти? Давайте лучше на восток». С ним набралось человек сто и я с ними. Пошли, но там как — если по пути развилка, одни говорят, так лучше идти, другие — так. Так и разбивались — половина, половина, половина, пока мы не остались вдвоем с Володей Пермяковым из Саратовской области. Он учился в 9-й эскадрилье, а я в 5-й.

У меня был компас, и мы шли и шли на восток. Днем и ночью. Немцы ведь наступали по основным дорогам, а мы шли по второстепенным. Думаю, дней за десять-двенадцать километров двести прошли. Потом у нас вдруг появилась нелепая идея: «Давай повернем в Югославию, там партизаны!» Ведь мы тогда думали, что немцы уже до Урала дошли…

Что ели в дороге? В одном колхозном амбаре нашли пшеницу, набрали себе. Иногда заходили в дома, там кусок дадут. Когда еще четверо нас было, нам в одном доме дали по куску хлеба и по пол-литра молока, вот было счастье… Как-то в одной

деревне зашли в крайний дом, и я прошу хозяйку: «Тетя, свари нам кашу из пшеницы». — «Давай!» Смотрим, там два мужика каких-то крутятся. Подходим: «Здорово, земляки. Откуда вы?» Один отвечает: «Из Башкирии». — «Так и я из Башкирии! А из какого района?» — «Из Гафурийского». — «Так и я из Гафурийского! А откуда точно?» — «С Табынска». — «Так и я тоже с Табынска!» Говорю, так и так, я такой-то, мой отец — Иван Дмитриевич. А он был Федор Чуманов 1906 г. р. Мы покушали и ушли, а они были мужики постарше нас, похитрее, чего-то возле этой тетки обосновались, уже переоделись. Но когда этот Федор потом в 43-м вернулся с фронта домой слепой, то нашел отца моего и рассказал ему о нашей встрече.

Пошли дальше, но перед Доном кругом уже немцы. И в районе где-то напротив станицы Вешенской мы остановились в какой-то деревеньке. Помню, что рядом находилась станица Мешковская, а эта от нее километрах в десяти. Володя попросился в один дом, а я попросился к одному доброму старику, вроде как его родственник. Но только начали осваиваться, как через неделю за нами пришли… Мы в поле помогали на комбайне молотить рожь, но тут появились немцы и арестовали нас. Деревня небольшая, но таких, как мы, набралось человек десять.

Заперли в амбаре. Нас в одной половине, а во второй — старика-еврея. Даже связали его. Утром построили, начали спрашивать, из каких мы частей. Но скорее для проформы, без всякого интереса. Никого не били, но зато у немцев в обозе оказался один парнишка лет шестнадцати. Украинец, но в немецкой форме. Ему прямо нравилось, что немцы с ним так цацкаются. Так вот он специально набил стекла, заставил этого еврея снять рубашку и ползать по нему. А сам сверху на него залез… Там же, кстати, где-то в районе Мешковской был такой случай. Только мы хотели в одну деревню войти, тут девчонка бежит, плачет, прямо рыдает. Спрашиваем ее: «Ты чего?» — «Я еврейка и немцы меня убьют» и побежала дальше…

Потом прямо в поле устроили лагерь, поставили пулеметы. Человек сто нас там было. Вот там в Миловатке санинструктором в лагере был один из наших, но такой дрянной человек. Среди нас был один еврей, так даже немцы его не трогали, а этот ему и звезду нарисовал, и сам издевался… Как-то нас с этим евреем послали в амбар насыпать зерно в мешки. Я прямо любовался, как он мешки умело и красиво завязывал. Видимо, где-то он научился это делать, не знаю. Очень хороший человек, постарше меня, но куда потом делся, не знаю.

И было у нас два охранника: Иван и Василий. Этот Иван был

лет тридцати, с двумя золотыми зубами и на редкость здоровенный. Все смеялся, когда немцы его восхищенно ощупывали. А потом мы услышали такой разговор, что вроде бы этот Иван и один немец повели группу то ли пленных, то ли евреев. И когда немец куда-то отлучился, Иван отдал винтовку одному из пленных и сбежал. Но дня через три его нашли, и к нам же в лагерь. Привязали к столбу и я до сих пор помню, как он кричал своему другу: «Развяжи!» А дня через три человек тридцать нас собрали, выстроили. Вывели этого Ивана в носках и повели вешать. Но уже у самой у школы, когда он увидел, что на тополе петля висит, бросился бежать. Комендант начал стрелять, ни хрена не попал. А Иван подбежал к высокой стенке и одним махом перепрыгнул ее. Немцы добежали до стенки, но в сапогах даже не смогли ее перепрыгнуть. Тыркались-тыркались в нее, рассердились и начали бить нас прикладами… Но в этой станице стоял целый батальон немцев, Иван выскочил на одного из них и тот его в упор застрелил. Наших ребят заставили принести его, вырыли яму и зарыли бедолагу…

Потом нас отправили в станицу Мешковская. Это уже как раз где-то на 7 ноября было, а я в одной рубашке… Там на площади на тополях двух молодых ребят повесили. Помню, что у одного из них портянка размоталась и болталась на ветру… И в этой же Мешковской у дороги укосина такая стояла, так на ней старика повесили, а на грудь ему табличку: «Он был саботажник и имел оружие!» Три дня не снимали его.

Нас все гоняли дорогу ремонтировать, а кормили-то, граммов 200–250 хлеба и баланда… И бежать куда?.. Я же вам говорю, я думал, что немцы уже в Табынске… К тому же после пройденных двухсот километров энтузиазм пропадает, а когда кругом немцы…

Затем отправили в лагерь в Кантемировке, где были большие землянки, человек на пятьдесят. Побыли там с месяц, а потом отобрали самых молодых — и под Харьков. Там стоял вроде как бывший детский дом, но зачем нас туда привезли, непонятно. Вот там уже начали умирать… Из человек двухсот умерло где-то пятьдесят. У многих поднялась температура, пару дней не ел — и все… Казалось бы, вечером рядом легли, утром встаешь, а он мертвый… Страшно… Там мои ботинки окончательно развалились и я заматывал ноги в противогазные сумки. И еще повезло, что в Мешковской мне какая-то милосердная бабка и фуфайку дала и шапку, а так бы точно все…

Среди пленных не было такого, чтобы кто-то у кого-то отбирал продукты или вещи. Там же много нас, и если кто-то бы попробовал, то другие бы обязательно вступились. Не случалось

такого.

А в декабре посадили нас на сани и перевезли в Харьков. В тюрьме на Холодной Горе я пробыл до 1 февраля 1943-го. Что вам сказать, от немцев я никогда не ждал ничего хорошего и на лучшее даже не рассчитывал, потому что дисциплина у них была очень жесткая. У них не забалуешь. Но вот расскажу вам такой случай.

Когда немцы начали отступать от Сталинграда, то у нас всех больных собрали в эшелон и увезли. Якобы на лечение в тыл, а как там на самом деле, кто знает. А я хоть и болел, чуть живой ходил, но меня оставили. И вот остался последний этап — человек триста. Один немец увидел, что я фактически раздет и разут, и дал мне новую отличную немецкую шинель и деревянные колодки. И 1 февраля погнали нас в сторону Полтавы.

Прошли километров десять, а я самый последний. Стараюсь изо всех сил, мы-то ведь знали, что отстающих пристреливают… Охранник кричит на меня, а у меня сил нет… Отстал метров на двадцать, думаю: «Ну все, теперь уже недолго осталось…» Вдруг подъезжает крытый грузовик, выходит немецкий офицер, посадил в кузов таких бедолаг, как я, человека четыре, одного конвоира и подвез нас километров двадцать до следующей остановки. И если бы не он, то мы бы с вами сейчас точно не разговаривали…

Когда пришла основная группа, подходит наш полицай: «Давай сменяемся!» Отдал мне взамен немецкой свою русскую шинель и еще двести граммов хлеба. Но он же и так мог ее забрать — считай, опять повезло. И тут же еще раз повезло, потому что самых больных на семь дней оставили в отдельном домике, и я там хоть немного пришел в себя. 7 февраля опять погнали, но я эти неудобные колодки выбросил и в портянках прошел сто километров до Полтавы… Только на ночь заворачивал ноги в куски шинели. И только когда дошли, я за пайку хлеба сменял старые ботинки у нашего же пленного.

Оттуда погнали на Кременчуг. Помню, уже в городе мимо нас проезжала повозка со жмыхом, кто-то начал просить, а я не выдержал, выскочил из строя, подбежал, схватил, и тут немец как даст мне прикладом по голове… Пошла кровь, немец размахнулся для нового удара, но ребята спасли, затащили обратно в колонну. Круг жмыха поделили и мне как и всем достался маленький кусочек… Завели в сапожную мастерскую, чтобы нам подлатали обувь, и я там смог выбрать себе что-то получше.

Потом увезли под Винницу и расположили в помещениях бывшего кавалерийского училища. Выдали всем фанерные номерки, мне достался — 28 682. Вскоре я его потерял, думал, убьют, но его нигде и не спрашивали. Зато однажды всех

построили, заставили снять штаны, и офицеры ходили и высматривали, наверное, евреев.

А 18 марта привели на станцию, заставили снять обувь, видимо, для того чтобы не в чем было бежать, и набили в вагоны по шестьдесят человек. Правда, выдали на всю дорогу по большой булке, килограмма на полтора, наверное, и потом один раз даже суп давали. Поэтому никто в дороге и не умер.

Через шесть дней наконец приехали. Выдали опять обувь, кто чего успел, то и взял. Я себе какие-то брезентовые сапоги выхватил. Оказалось, нас привезли в штрафной лагерь № 326, что у города Билефельд, недалеко от Голландии. Большой лагерь, я потом где-то читал, что помимо нас там и французы сидели, и поляки, а наших там навсегда осталось 65 000… Выступил комендант лагеря, а переводчик нам очень популярно объяснил суть сказанного: «Вы есть русские свиньи! Если русский свинья будет баловать, то немецкий собака ее будет кусать!»

Новаковский Владимир Маркович
Красноармеец 788-го стрелкового полка 214-й стрелковой дивизии

Сразу после выгрузки, несколько часов марша — и полк занял рубеж обороны на левом берегу Дона. Около суток окапывались и еще сутки просидели в окопах в ожидании противника. За это время нас несколько раз бомбили.

Вдруг поздно вечером нас поднимают, делаем марш-бросок вдоль Дона и на одном из участков переправляемся на моторных паромах на правый берег. Я такие моторные паромы увидел впервые. Это настоящие корабли. Говорили, что это были английские паромы.

На правом берегу снова ускоренный марш и уже в полной темноте форсируем вброд реку Чир. После нескольких часов марша нас остановили и приказали срочно окапываться, потому что, как нам сказали, в ближайшее время ожидается наступление немцев на этом участке.

Нам объяснили, что мы заняли рубеж на танкоопасном направлении, поэтому надо было копать окопы в полный профиль.

Копали весь день и всю ночь. Земля — ссохшаяся глина с вкраплениями мелких камней. Немцев ожидали с минуты на минуту, поэтому подгонять нас было не надо. Все хотели успеть живыми зарыться в землю. Копали индивидуальные окопы. Нам сказали, что траншеи будем делать позже. Мы с Сашей, как и другие ПТРовцы, копали окоп на двоих. Копали и красноармейцы,

и командиры.

Это был адский каторжный труд, когда ударом со всего размаха саперной лопаткой удавалось отбить кусочек земли размером меньше спичечного коробка. Это был такой труд, от которого, казалось, можно умереть, так же, как от бомбы, снаряда или пули.

В каком месте был наш рубеж обороны, мы, конечно, не знали. Единственным ориентиром для нас была река Чир, которую мы перешли вброд несколько часов назад и хутор или станица Суворовская, где у нас был последний привал.

Утром, когда мы, еле живые, заканчивали обустройство бруствера, появился немецкий самолет-разведчик. Так называемая «рама».

Покружив над нами, «рама» улетела, а через некоторое время на смену «раме» появились «юнкерсы» и начали интенсивную бомбежку наших позиций. Но теперь, сидя целиком в земле, мы чувствовали себя более уверенно. Отбомбившись и постреляв из пулеметов, «юнкерсы» улетели. Наступило тревожное затишье. Не успели мы порадоваться затишью, как начался артиллерийско-минометный обстрел наших позиций. Снаряды и мины рвались впереди и позади наших окопов. Но, к счастью, ни один из них не попал в окопы, по крайней мере, в нашей роте. Мы сидели и не высовывались. Потом огонь был перенесен в глубину нашей обороны, и раздались свистки командиров рот и взводов, обозначавшие команду «К бою». Мы поставили свое ружье на бруствер, зарядили его и стали внимательно смотреть вперед.

Вскоре появилось несколько немецких танков, а за ними немецкая пехота. Начался наш винтовочный и пулеметный огонь. Танки были далеко. В ходе боя я увидел, что из складок местности справа от меня вынырнул и движется на соседнюю роту танк, подставив мне свой бок. Мы с Сашей начали по нему стрелять, и после нескольких выстрелов он вдруг задымился. Потом остановился и начал гореть по-настоящему.

Конечно, стреляли по этому танку многие, но я, естественно, решил, что он загорелся от моих выстрелов, и обрадованно наблюдал, как он горит. Мою радость прервал Саша, толкнув меня с криком: «Смотри!».

Я обернулся и увидел, что откуда-то вынырнул и прямо на нас идет другой танк метрах в 30–40. Я успел выстрелить ему в лоб и с криком «ложись», сдернул с себя ружье и свалился с ним в окоп. Саша упал рядом. Танк наехал на наш окоп, видимо, немного повернул, и нас в окопе полностью засыпало. Некоторое время я дышал, потом потерял сознание.

Как мне потом рассказывали, нас откопали минут через 20–

30, после того как отбили атаку немцев. Меня откопали в бессознательном состоянии, но живым. Саша, к сожалению, задохнулся.

Меня, наверное, спасло то, что, когда я падал в окоп, держа в руках ружье, оно упало на меня так, что щечка оказалась над головой, что, видимо, образовало некую пустоту с воздухом.

Меня привел в чувство санитар, давая мне нюхать, видимо, нашатырь.

Когда я пришел в себя, мне рассказали, что атака немцев была отбита, танк, который завалил наш окоп, ушел в наш тыл, подбитый танк продолжал гореть, а остальные танки и пехота ушли обратно.

Командир роты похвалил меня за подбитый танк и сказал, что нас с Сашей представили к награде. К сожалению, я не запомнил дату этого дня, но считаю его днем своего второго рождения.

Часа три я отлеживался в соседнем окопе. Почти полностью отошел и чувствовал себя почти нормально. Потом мне дали другого напарника, и мы начали восстанавливать наш окоп. Немцы в этот день нас больше не беспокоили, к вечеру окоп был готов, и мы устроились на ночлег.

Командир дивизии генерал-майор Бирюков Николай Иванович так описывает этот бой в своей книге «На огненных рубежах»:

«Около часа длилась вражеская артиллерийская и авиационная подготовка. Противник перенес огонь в глубину нашей обороны, сосредоточив его по вторым эшелонам. Пехотного огня, этого показателя живучести обороны, почти не стало слышно. Вслед за переносом огня противник предпринял атаку нашего переднего края танками и пехотой. На правом фланге, у Горбачева. Это критический момент.

Все внимание — участку 788-го полка!

Вдруг на переднем крае против хутора Пещерского я увидел немецкий танк. «Неужели прорвались?» — пронеслось у меня в голове. Мне стало жарко. Но вот на танке врага что-то блеснуло, пламя охватило его, и густое облако черного дыма поднялось к небу. Какой-то смельчак поджег танк, бросив в него бутылку с горючей смесью».

Я когда это прочел, подумал, что это был тот самый танк, который завалил нас и почувствовал удовлетворительное злорадство. Но это было уже потом. Книгу я читал уже в Риге.

Утром обнаружилось, что исчез наш командир отделения, некто Михайлов. Уж не знаю почему, но мне запомнилась не только его фамилия, но и достаточно неприятная физиономия.

Кто-то сказал, что он вроде пошел по естественным надобностям и не вернулся.

Потом я слышал разговоры, что он перебежал к немцам. Вечером у нас появился капитан, который расспрашивал про Михайлова.

Через некоторое время меня вызвал командир роты и объявил, что меня назначают командиром отделения, и приказал мне на петлицах белыми нитками вышить по два треугольника. Вместо меня первым номером назначили другого. В этот день мы отбили еще одну атаку немцев, но без танков.

Днем стояла изнуряющая жара и нас мучила жажда. Кто-то сказал, что где-то километрах в двух позади наших позиций должно быть озеро. При содействии командира взвода мы выпросили у батальонных связистов шест, повесили на него штук семь-восемь касок и пошли вдвоем на разведку за водой. Озеро мы вскоре нашли, с удовольствием напились вдоволь и искупались. К своим окопам мы вернулись, когда уже почти стемнело. Окопы оказались пусты. Мы прошлись вдоль окопов и обнаружили пулеметчиков, которые сказали нам, где сосредотачиваются полки дивизии, а им приказано прикрывать отход до рассвета. Вскоре мы нашли своих. Нам объяснили, что у соседей немцы прорвали оборону, поэтому мы отходим, чтобы не попасть в окружение. Воде, конечно, хозяева касок очень обрадовались, и вскоре мы тронулись. К рассвету вышли к Дону, на берегу которого уже были немцы. Меня охватил страх. В моей анкете только и не хватало того, что я был в окружении. Больше всего я испугался плена. Для меня это была бы верная смерть. Передовые батальоны полка развернулись в цепь и сходу атаковали немцев, которые не успели даже окопаться. Немцев оказалось не очень много, и их быстро разбили. Многие подняли руки и сдались. Это были первые пленные нашей дивизии, которых я увидел своими глазами. Справа виднелось, какое-то большое селение. Потом выяснилось, что это была станица Нижне-Чирская.

Когда началась переправа через Дон, то некоторых перевозили на лодках с оружием, но большинство пыталось переплавляться с помощью подручных средств, либо вплавь. Меня подозвал командир роты, дал мне лодку, трех красноармейцев и велел со своим отделением собирать на берегу все брошенное оружие и переправлять его на ту сторону Дона. В первую очередь велел собирать станковые и ручные пулеметы, ПТР, немногочисленные автоматы ППД и ППШ и другое оружие. У нас было много людей, не умеющих плавать, и многие бросились к станице искать подручные средства, а умеющие плавать поплыли

на левый берег. Стояла страшная жара, поэтому я и мои товарищи разделись до кальсон. Свое оружие, «сидоры» и скатки шинелей мы отправили с первым рейсом нашей лодки.

Я не помню точных цифр, но наша лодка, которой управляли братья Перчаткины, это один расчет нашего отделения, сделала четыре-пять рейсов, когда с высокого берега раздались выстрелы. Лодка была по пути на тот берег. Обернувшись, мы увидели стреляющих в нас немцев и кинулись в воду. Доплыли до левого берега не все. Меня прибило к вертикальному берегу, высотой метра два с гаком. Передохнув, я сделал попытку по корням подняться наверх, но тут раздались выстрелы и пули просвистели рядом. Я оставил попытки и решил дождаться темноты. Когда стемнело, я переместился ниже по течению и, к счастью, обнаружил спуск к реке.

Взобравшись на берег, я пошел в глубь леса. Не прошел и полсотни метров, как меня окликнули. Оказалось, что я наткнулся на оборонительную позицию какой-то части. Меня отвели к командиру, который допросил меня, объяснил, куда мне идти на сборный пункт, и велел старшине выдать мне какую-нибудь одежду.

Старшина выдал мне рваную гимнастерку, а вместо шаровар выдал конскую попону. Я натянул гимнастерку, снял мокрые кальсоны, обмотал вокруг себя, как юбку, попону и отправился, как мне представилось, на посмешище к сборному пункту. До сборного пункта оказалось километра три. Там мне дали одеяло и поместили в палатку. Утром оказалось, что там стояло около двадцати палаток и многие одеты не лучше меня.

Нам сказали, что обмундирование нам выдадут в своих частях.

В разных местах были установлены щиты с номерами дивизий. Я нашел свою 214-ю дивизию и подошел. Там стоял капитан и сортировал нас по полкам. Из нашего полка набралось человек 50–60. Был назначен старший, который повел нас в свой полк.

Дивизия располагалась в обороне примерно в том месте, где происходила переправа. Когда я добрался до своей роты, то выяснилось, что у нас новый командир взвода, а прежний утонул.

Командир роты сообщил, что за сбор оружия мне и всему отделению объявлена благодарность приказом командира полка.

Из отделения целиком сохранился только расчет братьев Перчаткиных, Васи и Миши, которые возили собранное оружие на лодке. Они сохранили мою шинель и «сидор». Старшина выдал мне хотя и не новые, но вполне приличные шаровары и гимнастерку. О том, что в кармане гимнастерки, доставшейся

немцам, остались моя красноармейская книжка и комсомольский билет, я никому не сказал. Да этим никто и не интересовался.

Наши ПТР и карабины тоже сохранились. Располагалась наша рота, да и весь полк в хорошо вырытых и укрепленных траншеях с оборудованными огневыми точками.

Мне рассказали, что все это сооружали саперы. Пока мы сидели в этой обороне, нашлись практичные ребята, которые на расположенном невдалеке пшеничном поле собирали спелые или почти спелые пшеничные зерна. Потом мы эти зерна долбили в касках, в основном рукоятками саперных лопаток, заливали водой и варили в котелках пшеничный суп или кашу, в зависимости от густоты. Это мы называли доппайком. Кроме этого доппайка мы получили и пополнение людьми.

Через два-три дня нас сменила морская бригада, бойцы которой были одеты и в морскую и в обычную пехотную форму.

А мы к вечеру того же дня, совершив форсированный марш, начали сооружать новую оборонительную позицию, на этот раз на бахче с арбузами. Копать здесь было значительно легче, так как верхний слой был вообще черноземный, а слой ниже, хоть и твердый, но без камней. Только мы успели зарыться в землю, как начался артналет. А потом появились немцы и атаковали нас. Правда, без танков. Помню разговоры, что это была разведка боем.

Потом сложилась странная обстановка. Наши позиции и наши вторые эшелоны подвергались постоянному артиллерийскому и минометному обстрелу и днем и ночью. Но это не была артподготовка. Стрельба велась одиночными выстрелами, и снаряды и мины разрывались то в одном, то в другом месте. Правда, была одна закономерность. Обстреливались или наша передовая, или глубина нашей обороны. Мы, пользуясь этой закономерностью, вылезали из окопов для сбора арбузов или по естественным надобностям тогда, когда огонь переносился в глубину нашей обороны. Самое неприятное в этой обстановке было то, что совершенно прекратился подвоз продовольствия. Не доставляли ни горячего обеда в термосах, ни сухого пайка. В течение почти целой недели питались мы одними арбузами.

Арбузы собирали сначала сзади, а когда там все выбрали, стали лазать на нейтралку. Делали это так: собирали арбузы, ползая по бахче по-пластунски (наука все же пригодилась), складывали их на плащ-палатке. Потом, не поднимая головы, связывали углы плащ-палатки лямками из обмоток и за эти лямки, опять-таки по-пластунски, тащили к себе в окопы. Делали это по очереди по ночам и на рассвете, когда солнце в глаза

немцам. Нам казалось, что так они хуже видят. Кстати, немцы тоже лазили за арбузами на нейтралку, но вечером при закате. Жара стояла днем страшная, и арбузы служили нам и пищей и водой.

Когда наконец привезли и выдали паек, то это оказались хлеб и селедка. Нашему возмущению не было предела. Кормить нас селедкой на такой жаре при фактическом отсутствии воды нам казалось вредительством. Назревал настоящий бунт.

К вечеру в окопах появились какие-то медики, которые разъяснили нам, что длительное пребывание на изнурительной жаре резко обессоливает и ослабляет организм. И поэтому селедка в этой ситуации необходима и полезна. Для меня, да и для многих других, это было очередным жизненным открытием, и гнев куда-то ушел. Тем более, что ночью нам доставили американскую тушенку, которую все называли вторым фронтом. Нам выдали ее по банке на двоих, и хватило всего на несколько минут. Вкус ее я помню до сих пор, и таких вкусных консервов мне с тех пор не попадалось. Возможно, мне это теперь только кажется, после той голодухи.

Что же касается арбузов, то потом, еще несколько лет после войны, я не мог не только есть, но даже смотреть на них.

С этих позиций мы снова однажды ночью срочно, форсированным маршем ушли из-за угрозы окружения, так как немцы прорвали оборону где-то у соседей. От красноармейцев, особенно от тех, кто воевал в начале войны, я слышал одобрительные разговоры в адрес командира дивизии, который вот уже второй раз не допустил окружения дивизии.

Однажды во время привала в одной из станиц налетела «рама» и начала кружить над станицей. По ней стали стрелять из винтовок.

Я тоже схватил ружье, установил его на плетень и с помощью Васи Перчаткина начал стрелять по этой «раме». Она задымила, перестала кружить, стала улетать в сторону, и вдруг на ней произошел взрыв и она рухнула на землю. Нашей радости не было предела. Конечно, по ней стреляли многие, но мы решили, что это мы ее сбили. Нас поддержал находившийся рядом командир нашей роты. Он заявил, что представит нас к наградам. Это было уже второе представление, и у меня приятно защекотало под сердцем.

Потом были еще бои. Мы отбивали атаки, ходили в контратаки, в которых наша роль бронебойщиков была второстепенной, на случай внезапного появления танков. Во время атак и контратак мы всегда шли за цепью.

Я не могу назвать дату, но хорошо помню, что после того, как

была отбита атака немцев и нас в очередной раз сменила другая часть, во время привала на марше нам зачитали приказ Сталина. Я, конечно, всего содержания не запомнил, но в памяти четко отложились слова о создании штрафных батальонов и расстрелах на месте паникеров и трусов. Официально или неофициально, но у нас этот приказ называли «ни шагу назад».

Все бои не запомнишь. Во многом они похожи один на другой.

Атаковали и занимали какие-то хутора и поселки. Потом оставляли их. И очень много совершали маршей. Во время дневных маршей, под палящим солнцем особенно запомнилось жгучее желание освободиться от скатки шинели. Некоторые, особенно во время первых таких маршей, не выдерживали, скатку выбрасывали, а потом ночью замерзали, так как ночи были непривычно очень холодные.

Один такой марш мне запомнился особо. Как это уже не раз бывало, однажды под вечер мы оторвались от немцев и двинулись форсированным маршем на другой участок фронта. Шли по дороге вдоль овсяного поля. Поздно вечером, когда уже практически стемнело, раздался привычный гул авиационных моторов. Разумеется, немецких самолетов. Своих самолетов под Сталинградом лично я не видел. Раздался привычный сигнал: «Воздух». Колонна разбежалась по обе стороны дороги, и все залегли в посевах. В небе появились немецкие самолеты. И не просто появились. Первые самолеты уже были далеко, почти у горизонта, а конца их не было видно. Такого количества самолетов я никогда не видел.

Не успели скрыться за горизонтом последние самолеты. Не успели мы собраться в колонну, как послышались отдаленные взрывы, которые превратились в сплошной гул и грохот. Тогда мы мало что соображали. Просто радовались, что на этот раз нас не тронули, что обошлось и без обычных в таких случаях потерь, и немалых.

В каком районе и какого числа августа месяца это было, я, конечно, тогда не знал. Правда, теперь я знаю, что это было 23 августа и в этот день Сталинград подвергся варварской бомбардировке и был почти полностью разрушен.

В нашем отделении мы с самого начала приняли такой порядок. Я взял на себя обязанность носить две сумки с патронами (по одной от каждого расчета) и свой карабин (потом я достал себе ППШ), а расчеты носили свои ружья и по одной патронной сумке. Я на собственном опыте решил, что это наиболее справедливый вариант. Кроме этого я как командир отделения воспользовался опытом и наукой, которые мне

преподнес мой первый старшина еще в Уфе, и научил всех правильно наматывать портянки и обмотки. В результате в нашем отделении не было натертых вкровь ног и бесконечных переобуваний на привалах, вместо отдыха. Не было и отставания от колонны.

Всего я не помню. Но хорошо помню, что во время этих переходов и ночевок в станицах меня угощали кониной, которая, как ни странно, мне понравилась. Во время одной ночевки хозяйка угостила нас сырыми яйцами.

До войны я не только не ел сырых яиц, я не мог есть даже глазунью, а ел только хорошо зажаренный омлет и крутые яйца. А тут не только выпил одно сырое яйцо, но и залил в себя еще два. Научился я есть и помидоры, на которые до войны и смотреть не мог.

Названий населенных пунктов, в районе которых мы вели бои и через которые проходили маршем и где ночевали, я не помню.

Во время одного такого марша мы проходили через станцию и совхоз Котлубань. Потом прямо с марша нас развернули в цепь и повели в атаку на станицу Паншино. Мы, бронебойщики, шли метрах в ста позади цепи. Впереди на окраине станицы виднелась мельница. Когда до этой мельницы оставалось метров триста, оттуда раздались выстрелы и упали раненые братья Перчаткины. Я быстро опустился на колени, положил свой ППШ на землю и начал, наклонившись, сдвигать патронные сумки с живота на спину, чтобы лечь на землю и в этот момент почувствовал сильный удар по спине, от которого я упал на землю. Первая мысль была, что меня по спине ударили лопатой.

В это время прекратился огонь нашей артиллерии по переднему краю, и немцы открыли сильный пулеметный и винтовочный огонь. Цепи залегли. Мы тоже не могли поднять головы и начать делать перевязки. В это время наши снова открыли сильный артиллерийский огонь по окраине станицы и, видимо, подавили огонь немцев. Цепь поднялась и пошла вперед. Через некоторое время к нам пробрались два санитара, перетащили нас в какой-то окопчик, сделали перевязки и посоветовали до темноты пересидеть здесь.

Миша Перчаткин был ранен в правую ногу выше колена, а его брат Вася — в правую руку ниже локтя. Когда стемнело, мы начали пробираться в свой тыл, нашли медсанбат своей 214-й дивизии. Там нам промыли раны и сделали капитальные повязки. Меня всего замотали бинтами и вокруг туловища и через левое плечо, а левую руку, которой я не мог даже пошевелить, повесили в согнутом состоянии на перевязь. Васе Перчаткину правую руку тоже повесили на перевязь. Всем нам сделали уколы от

столбняка, которые оказались довольно болезненными. Нам выдали продуктовые аттестаты, сухой паек на сутки, Мише дали какой-то поломанный костыль и велели всем двигаться в сторону города Камышин самостоятельно.

Как нам сказали, до этого Камышина было около ста пятидесяти километров. Мы поахали, поохали и двинулись в путь.

Транспорта никакого все равно не было.

Через некоторое время к нам присоединились еще четверо раненых красноармейцев из разных полков нашей дивизии. Их тоже направили в Камышин. Идти надо было на северо-восток, но компаса не было, и нам пришлось ориентироваться на глазок. Поскольку я был в этой группе единственным сержантом, то решили меня назначить старшим группы и двигаться совместно.

Во время этого путешествия с нами случались разные памятные происшествия. Мы шли по дороге, которая вела к хутору, и решили, сократив дорогу, пойти прямо через неубранное пшеничное поле. Однако, выйдя из пшеницы, мы наткнулись на овраг, шириной метров пять, почти доверху заполненный трупами наших и немецких солдат. В стороны этому оврагу не было видно конца, и мы решили перебираться прямо по трупам, придерживая друг друга. Труднее всех пришлось Мише Перчаткину, хотя мы ему помогали, как могли. Старались наступать только на немцев, что не всегда удавалось. Что я тогда пережил, да и, наверное, не только я, никакому описанию не поддается. Когда мы добрались до хутора и устроились на ночлег, все мы долго не могли уснуть, несмотря на усталость до изнеможения.

Утром следующего дня, когда мы шли в чистом поле, мимо нас пролетели три «юнкерса». Потом один из них развернулся и начал пикировать на нас. Мы бросились с возможной в нашем положении скоростью на землю в придорожный кювет. «Юнкерс» сбросил на нас две бомбы и улетел. Бомбы взорвались на дороге, осколки просвистели у нас над головами, но, к счастью, никого не задело. На дороге осталось две солидные воронки.

Во второй половине дня мы, к своей радости, наткнулись на какой-то медсанбат. Я нашел старшую сестру и сказал ей, что мы, группа раненых из семи человек, хотим получить сухой паек. Когда она узнала, что мы идем уже двое суток, она сказала, что на такой жаре нужно срочно сделать перевязки, иначе заведутся черви. Нам велели подождать, когда нас вызовут. Мы уселись на землю недалеко от палатки. Через некоторое время нас вызвали в палатку и, несмотря на наши возражения, начали снова делать уколы от столбняка. Оказалось, что в наших аттестатах не были сделаны отметки об уже сделанных прививках. Но все наши

аргументы пресекались простым методом: без прививок не получите паек. Потом снова велели подождать, когда освободится сестра, которая делает перевязки. Ждать пришлось недолго. Буквально минут через пять прилетели «юнкерсы» и начали бомбить хутор и рядом с ним расположенный медсанбат. Недалеко от нас оказалась щель, в которую мы все забрались и там пересидели налет. Когда мы вылезли из щели, увидели страшную картину. Все палатки горели, кругом валялись трупы и много раненых как солдат, так и медиков. Все живые разбежались, и никого не было видно. Мы немного покрутились и решили, не теряя времени, идти дальше.

На следующее утро нас остановил заградотряд. Они заставили нас снять повязки и показать свои ранения. На наше возмущение лейтенант объяснил, что попадается не так уж мало дезертиров, с намотанными бинтами. Снять бинты было не трудно, а вот снова забинтовать оказалось не так просто. Тем более что почти у всех действительно появились черви. Кое-как намотав друг другу бинты на раны, мы двинулись дальше.

Через некоторое время мы снова наткнулись на палаточный госпиталь. Все повторилось. Первым делом нам сделали уже третий раз уколы против столбняка и велели ждать перевязки. Через некоторое время в госпитале поднялась паника. Был отдан приказ о срочной эвакуации, так как немецкие танки прорвали оборону и двигаются в нашу сторону. По двое носилок с тяжело ранеными устанавливали вдоль повозок, а на высокие борта повозок поперек устанавливали еще по несколько носилок. Я такое увидел впервые, потому, видимо, и запомнил. Но нам было не до этого, и мы возможно ускоренным шагом двинулись восвояси.

В этот день нам немного повезло. Ехал какой-то обоз из лошадей и верблюдов, нас посадили в телеги подвезли километров тридцать. И не только подвезли, но и немного покормили хлебом и дали по кусочку сала. Потом, это было уже ночью, почти в полной темноте, на каком-то перекрестке сказали, что нам надо идти направо, а сами поехали прямо.

Пройдя несколько километров, мы наткнулись на хутор, где хозяйка накормила нас картошкой в мундире, настелила нам в кухне сена, и мы немного поспали. Утром, попив кипятка и получив в подарок по початку вареной кукурузы, мы двинулись дальше.

Я уж точно не помню в этот или на следующий день мы к вечеру добрались до госпиталя в Камышине. Нас сразу развели по разным кабинетам. С нас сняли бинты, осмотрели раны и велели садиться. Сначала сделали перевязки братьям и увели их. Потом

меня посадили на табуретку, две сестры взяли меня за руки и за ноги, обхватили рукой голову и сказали, что будет немного больно и надо потерпеть. Почти сразу меня до основания пронзила страшная боль. Я сжал зубы, немного застонал. Это повторилось несколько раз. У меня помутилось в голове, но сознания не потерял. Потом начали делать перевязку, но боль не проходила, хотя стала немного легче. Я продолжал сидеть со сжатыми зубами и глазами. Меня погладили по голове и ласково сказали: — Ну, все твои муки закончились, открывай глаза. Я открыл глаза и первое, что увидел — это огромный, как мне показалось, шприц. Что было дальше, ничего не помню.

Розенберг Миля Хаимович
Красноармеец 650-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии

Через три месяца сформировали маршевый батальон 500 человек и отправили на фронт. Мы попали в 138-ю стрелковую дивизию, которой командовал полковник Людников. Я попал в пулеметную роту 2-го батальона 650-го стрелкового полка, первым номером в расчете пулемета «максим».

Потом начались бои в излучине Дона, на подступах к Сталинграду, бои тяжелые, очень кровавые… На моих глазах почти полностью погибло Житомирское пехотное училище, сводный курсантский полк. Только в конце сентября дивизию вывели в резерв на переформировку, но где-то 10 октября нас снова перебросили к Волге, на левый берег, в сам Сталинград и приказали изготовиться к переправе через реку.

15 октября мы переправились на западный берег и вступили в бой за завод «Баррикады». Подвиг 138-й СД в сталинградских боях стал широко известен в годы войны. Сорок дней остатки дивизии, меньше 500 человек, в полной изоляции и окружении, почти не имея провианта и боеприпасов, ведя непрерывные боевые действия, в тяжелейших условиях удерживали клочок земли на берегу Волги — 700 метров по фронту и от 100 до 400 метров в ширину. Этот плацдарм вошел в историю войны как «остров Людникова».

Из полнокровной дивизии, насчитывавшей перед броском через Волгу свыше 12 000 красноармейцев и командиров, по

официальной статистике, к февралю останется в строю только 130 «активных штыков», и еще 120 человек в штабных и различных тыловых подразделениях дивизии. И это после неоднократного пополнения в личном составе, но, как мне кажется, без учета остатков личного состава отдельного артполка 138-й СД.

Высаживались под огнем, поднялись по насыпи и перед нами были цеха завода «Баррикады», все в огне и дыму. Взводного командира убило сразу. Мы захватили рубеж, потом день смешался с ночью, постоянные бомбежки, атаки, обстрелы.

Немцы после десяти дней постоянных атак заняли почти все цеха завода, и мы смогли зацепиться только за его край. Потом немцы перебили соседние дивизии, вышли к Волге, и мы оказались в окружении. Это случилось 11 ноября (но точная дата окружения дивизии была названа позже, а тогда я потерял счет числам). Вся оборона состояла из опорных пунктов, созданных в развалинах домов и цехов, в руинах.

Обгорелые заводские трубы, подземные тоннели и подвалы, забитые трупами…

Я со своим пулеметом занял позицию в полуподвале, и провел там весь период блокады, удерживая свой рубеж. От моего пулемета до Волги было чуть больше 50 метров. Круговая оборона. Весь «остров Людникова» простреливался насквозь, немцы держали под прицелом и Волгу за нашей спиной, бронекатера не могли подойти к нашему берегу, доставить боеприпасы и забрать раненых.

Только в середине декабря, когда лед на Волге встал, нас деблокировали.

Честно говоря, в Сталинграде о смерти почти не думал. Был советским патриотом, воспитанным в фанатичном духе и твердо знал одно, что погибну, но уже не отступлю.

Выжить, конечно, не надеялся, там по сторонам оглянешься, завалы из трупов, наших и немецких (хоронить их было некому и негде), и ты понимаешь, что в любую минуту и тебя могут прикончить, отсюда уже живым не выбраться… Кромешный ад «в миниатюре на 700 метров»… До самого конца боев в Сталинграде матери не написал ни одного письма…

Все время мы находились вместе: я, мой второй номер, татарин Ахмет, и связист-арткорректировщик, и еще человека четыре. Это был наш последний рубеж, и как бы пафосно эта фраза ни прозвучала, но так все и обстояло в действительности. Сзади река…

Немцы ломились в атаку, когда пьяные, когда трезвые, подходили на двадцать метров, и когда становилось совсем туго,

связист вызывал огонь на себя.

Наша артиллерия находилась на левом берегу Волги и на острове Зайцевском, за нашей спиной, посередине реки… Артиллеристы выручали… После разрывов кирпичная пыль осядет, слышу голос Ах-метки: «Мишка, живой?» — «Вроде» — «И я вроде»…

Немецкие танки через завалы между цехами и заводскими руинами пройти не могли, и с конца октября войну вела только пехота. Расстояние между нами и немцами — бросок гранаты. Немцы играют на губных гармошках, через рупор предлагают сдаваться, «приглашают выпить-закусить», а мы зубы стиснем и держимся, нам уже терять было нечего… По ночам мы тащили трупы перед нашими позициями к себе в подвал, искали еду и патроны. В ноябре нам уже выдавали на день по одному сухарю…

У солдат «на острове Людникова» было всего по одному полному диску на автомат, патронов не могли нам подвезти, воевали в основном трофейным оружием. Но со временем у меня рядом с пулеметом появился целый арсенал: автомат ППШ, гранаты, пистолет ТТ и немецкий трофейный пистолет. Убитых вокруг — «море», оружия валялось сколько угодно… Из пулемета бил по немцам короткими скупыми очередями и только наверняка. Мы были завшивленные, голодные, но в какой-то момент наступило остервенение, я уже не испытывал никакой жалости ни к себе, ни к немцам… Дрались за каждый кусок стены с предельной жестокостью, а по ночам и мы, и немцы выползали вперед или пытались по заводским коммуникациям и туннелям продвинуться — мы, чтобы добыть себе еду и боеприпасы, немцы с целью сбросить нас в Волгу. Постоянные столкновения малых групп в рукопашной… Разве все это можно рассказать?…

У меня был плоский немецкий штык, которым мне пришлось многократно убивать в рукопашном бою, и когда после войны невольно стал снова вспоминать и переживать эти моменты, то только тогда я осознал, какими же мы были зверьми…

Кроме сухарей, мы ничего не имели. В основном ели то, что находили у убитых немцев… Крохи… Пытались по ночам сбрасывать мешки с патронами и сухарями с самолетов ПО-2, но большинство мешков падало в реку или к немцам… Летчикам трудно это поставить в упрек, слишком малым был наш плацдарм. Я же вам уже сказал, что от моего пулемета до Волги был всего полсотни метров…

Пока соседей не перебили, мы знали, что справа есть кто-то из наших, из другой дивизии, а когда в ноябре нас окружили, то я например, не имел никакого понятия, что происходит вокруг, сбоку и сзади. Вся жизнь в подвале возле «максима» или ночью на

«нейтралке». Я знал, вот моя позиция, с нее не уйду и неважно, что творится рядом. Почти никто из командиров к нам не приходил, несколько раз появился лично комдив Людников, и еще иногда приходили комсорг полка и какой-то еврей-парторг. Все… Других политруков я на своей позиции не видел…

К немецким солдатам жалости не испытывал, только ненависть, хотя лично пленных не убивал, не хотел… Но, когда в январе мы с немцами «поменялись местами», и уже они, умирая с голоду, считая каждый патрон, фанатично держались до последнего, но не сдавались без приказа, я невольно испытал уважение к ним как к противнику. Ведь немцы сражались в Сталинграде ничем не хуже, чем наши в Брестской крепости… Аналогия полная…

Сдавшихся в плен немцев я не трогал. Только один раз за всю войну я «сорвался».

В Польше в 1944 году нам довелось освобождать концлагерь Майданек, «фабрику смерти». Кругом только трупы и кости… Я озверел. Когда зашли в Германию, то в первом же немецком городе увидел, что в одном из подвалов спрятались немцы, включая гражданских, так я их всех гранатами забросал… За Майданек…

Когда собрали остатки дивизии в феврале, то объявили перед строем приказ о награждениях, и меня, в числе немногих уцелевших, наградили медалью «За отвагу», но саму медаль так тогда и не вручили. Почему? Не знаю. Наверное, не успели, нас через две недели уже перебросили на Калининский фронт. Вообще, с вручением наград рядовому и сержантскому составу никакого порядка не было.

После снятия блокады с «острова Людникова» мы продолжали воевать в Сталинграде. В январе нас перебросили в район завода «Красный Октябрь», где многие из наших «старичков» погибли в последних городских боях, и только в феврале 1943 года дивизию вывели на отдых, кажется, в Ахтубу…

Но дивизии как таковой уже не было, сформировали два батальона по 50–60 человек в каждом, одним из них командовал капитан Немков. Когда нас отвели на переформировку, я так до конца не смог осмыслить, почему мне повезло выжить в Сталинграде. Я ведь даже серьезно ранен там не был. Но мое везение на этом закончилось, впереди меня ждали четыре ранения и контузия.

Гладков Павел Васильевич

В июне 1942 года окончили учебу, нам присвоили звание лейтенантов и всех нас отправили в Горький. А уже оттуда я попал в Подмосковье, в Кунцево, где формировался 26-й танковый корпус. Меня назначили командиром взвода в 226-й армейский полк ПВО. Но оказалось, что это полк малокалиберной зенитной артиллерии, и на вооружении в нем состоят 37-миллиметровые зенитки, которую мы в училище почти не изучали. Поэтому получилось так, что ночью мы сами изучали матчасть, а днем учили этому своих солдат. Почти и не спали в то время, но зато все освоили как надо.

А на тренировки мы ездили по Ленинградскому шоссе на центральный аэродром, наводили зенитки на взлетающие и приземляющиеся самолеты. Но в тягачи нам дали «Виллис», который весил значительно меньше, чем сама пушка, поэтому даже на асфальтовом шоссе нас сильно водило.

И незадолго до отправки на фронт меня вызвал представитель особого отдела, такой плотный, невысокого роста, румяный, и начинает меня расспрашивать про то, как идет наше обучение. Беседовал со мной очень доброжелательно и потом вдруг спросил: «А вот вы как военный специалист, — меня аж как током ударило, какой из меня специалист, я вчерашний голодающий студент. — Есть у вас какие-то замечания, пожелания?» И я ему прямо сказал, про то, что «виллисы» с нашими пушками откровенно не справляются даже на шоссе, а ведь на фронте нам предстоит не по асфальту ездить». — «Что-то еще?» — «На мой взгляд, это неправильно, что пушку везет одна

машина, снаряды едут отдельно, а расчет тоже сидит по разным машинам. Из-за этого на марше мы быстро для стрельбы не развернемся и фактически небоеспособны». Он попросил меня в письменной форме изложить все мои замечания, и уж не знаю почему, но вскоре нам наши «виллисы» заменили на грузовые «шевроле» — это были отличные машины повышенной проходимости. В них можно было и людей всех посадить и снаряды загрузить, а это уже совсем другое дело. И когда мы отправлялись на фронт, то как раз прошел дождь, а земля там глинистая, но даже по этой грязи наши «шевроле» шли, словно корабли.

Наш корпус отправили куда-то в Сталинградскую область. Переправились через Дон и двинулись в сторону фронта, я помню, что как раз в то время отмечали 7 ноября. А свою первую огневую позицию, на которой приняли свое боевое крещение, мы заняли у Кузнечикова хутора, что у города Серафимович. Полностью оборудовали огневые позиции, но обстановка была спокойной, поэтому в основном занимались обучением и тренировками. И к тому же нам строго-настрого приказали не стрелять, фактически запретили открывать огонь, потому что если немцы увидят, что тут появились зенитки, значит, могут понять, что здесь сосредотачиваются новые части.

Но однажды мы увидели, что на совсем малой высоте, всего метров 60–70 над землей, не больше, очень медленно летит «Хейнкель-111». Причем он летел в самой выгодной для нас позиции — курсовой угол ноль, то есть как раз прямо на нас. И тут мы просто не выдержали и открыли по нему огонь. Попали в него, смотрим, один пропеллер остановился. Но самолет смог повернуть направо и полетел вдоль линии фронта, и только километров через семь или восемь все-таки сел на брюхо. Видимо, это был разведчик, и я знаю, что экипаж, двух немецких и двух румынских летчиков взяли в плен. Вот так наша батарея получила боевое крещение и сбила свой первый самолет, хоть и фактически нарушила приказ. Но как говорится, победителей не судят.

А позже на той же самой позиции произошел еще такой интересный случай. Однажды утром встаем, а вся наша позиция буквально засыпана немецкими листовками, причем разноцветными: красными, зелеными, голубыми, белыми. И в них было написано примерно так: «Бойцы Красной Армии! С вашими фанерными самолетами и деревянными танками войну вы фактически проиграли. Поэтому прекращайте бессмысленное сопротивление, убивайте своих командиров и комиссаров и сдавайтесь с этими листовками в плен. Пароль для перехода —

«Сталин капут!» А мы о вас как следует позаботимся, и обеспечим работой и пропитанием». Но ничего, кроме издевательского смеха, у солдат эти листовки не вызвали.

19 ноября 1942 года мы пошли в контрнаступление, и мне запомнилось, что буквально вся степь горела, потому что за лето там вырос бурьян в человеческий рост и во время артподготовки он загорелся.

Мы двинулись вперед, сопровождая танки нашего корпуса, но работы у нас не было, потому что из-за нелетной погоды авиация не летала. А вокруг столько разгромленной техники, убитых лошадей, и именно там я впервые близко увидел немца. В одном месте прямо у обочины дороги, широко раскинув руки и ноги, на спине лежал убитый немецкий солдат. Шинель на нем тлела, а его раскрытые глаза смотрели в хмурое Сталинградское небо… И вы не поверите, но у меня к нему появилось такое чувство жалости: чего же тебе дома не сиделось, лежишь теперь на нашей мерзлой земле… А ведь у тебя дома родители, может быть, жена, дети…

За нами ехал батальон связи и вдруг по нему из этого бурьяна кто-то начал стрелять из автомата. Оказалось, раненный в ногу немецкий офицер, но его тут же успокоили… А впереди нас прямо на крыле полуторки ехал какой-то лейтенант. Вдруг раздался разрыв снаряда и ему у меня на глазах, словно бритвой отрезало кисть руки, которой он держался за поручень…

Помню, остановились у хутора Перелазовский, заправляемся трофейным бензином, и вдруг из тумана вынырнул и поперек села очень низко пролетел немецкий самолет и сбросил три бомбы. На одной из наших машин загорелись снаряды, но сержант из моего взвода, мой ровесник, уроженец Архангельской области Юшманов Иван Никитович, не растерялся, бросился в машину и вышвырнул из нее горевший ящик.

За успешные действия в контрнаступлении под Сталинградом 26-й танковый корпус переименовали в 1-й гвардейский Донской ТК, а наш 226-й армейский полк ПВО переименовали в 80-й гвардейский зенитно-артиллерийский полк.

Под Сталинградом мы сбили несколько самолетов, главным образом «Хейнкель-111» и истребителей «Мессершмитт-109», которые немцы там использовали как штурмовики. Поэтому они летали на небольших высотах и были, что называется, «для нас». Но особенно мне запомнились два из них. Однажды в зоне ответственности нашей батареи появился немецкий разведчик «Хейнкель-111» и расчет того же самого сержанта Юшманова сбил его буквально одной короткой очередью, самолет взорвался прямо в воздухе. Пехота, которая все это видела, громко

приветствовала такую снайперскую стрельбу.

А когда мы уже замкнули окружение, то произошел такой эпизод. 1-й взвод отправился на другую позицию, а мой взвод еще оставался на прежних. И вдруг на горизонте появился большой трехмоторный транспортный самолет «Юнкерс-52», который летел прямо на нас. Мы открыли по нему огонь, и весьма удачно. Один двигатель остановился, другой задымил, и невдалеке от нас он сел на брюхо. Его сразу окружила пехота и офицеры, а нас к нему даже не подпустили. Оказалось, что этот самолет вез в окруженную группировку патроны, меховые жилетки, ром и шоколад.

И там же под Сталинградом произошел еще такой памятный эпизод. Представьте себе: степь, ночь, звезд не видно, никаких ориентиров нет, поэтому неудивительно, что однажды ночью мы заблудились. Увидели большую скирду соломы и решили до утра расположиться возле нее. Вскоре выглянула луна, и вдруг мы заметили, что по гребню балки в нашем направлении двигается большая группа людей, человек сто-сто пятьдесят. И что за люди, непонятно. Но мы понимали, что если это солдаты противника, то они нас запросто сомнут, ведь у нас в батарее всего 60 человек. Причем шли они очень осторожно: идут, остановятся, опять идут.

Мы построили наши зенитки в ряд, хотя обычно располагали в виде четырехугольника, и послали навстречу этой группе человек пять разведчиков. Они были в маскхалатах, с автоматами, и было оговорено, что если это противник, то они должны будут дать красную ракету, и тогда мы с большого расстояния откроем по этой группе огонь. Ведь снаряды у наших пушек на расстоянии до 150 метров даже не разрывались, а летели как обычные болванки, поэтому нам нужно было определиться как можно раньше.

Разведчики ушли, колонна все приближается и приближается, а от наших ребят никакого сигнала ни ракеты, ни стрельбы, ничего. У нас, конечно, огромное нервное напряжение… Наконец они все вместе появились, наши разведчики и эта группа, все в таких высоких шапках. Оказалось, что это пришли сдаваться в плен румынские солдаты. И вдруг один из них громко к нам обратился: «Здравствуйте, товарищи!» — «Здравствуй, здравствуй, а ты откуда так хорошо по-русски говоришь?» — «Я молдаванин! Это Антонеску нас мобилизовал, а мы воевать не хотим!» — и сплошным матом в адрес Антонеску.

Эту группу румын мы отправили дальше в тыл, причем без всякого конвоя, а сами кое-как переночевали. Ведь морозы стояли дикие, поэтому, чтобы не замерзнуть, будили друг друга через каждые

20 минут. А утром, когда рассвело, на этой скирде вдруг поднялись два человека, подняли над своей головой винтовки и что-то нам кричат. Мы поняли, что это тоже румыны, и крикнули им, чтобы они спускались. Но удивительно как они вообще смогли подняться на эту скирду, потому что она была очень большая и высокая. Накормили их и тоже отправили в тыл.

Стариков Геннадий Иванович
Наводчик 120-мм миномета отдельного минометного дивизиона 97-й отдельной стрелковой бригады

Причалив к сталинградскому берегу, весь личный состав и вооружение быстро выгрузили и буквально в 100 метрах от берега заняли овраг и сразу начали отрывку окопов для минометов и блиндажей для личного состава. Командир батареи связался с пехотой, и мы получили первые данные по стрельбе одиночными минами и залпом.

В октябре 1942 года мы открыли интенсивный огонь по фашистским позициям, артиллерийским батареям, пехоте, действовали мы совместно с другими родами войск. Тягачи только успевали подвозить нам мины. За сутки боев мы выпускали не одну сотню мин, нанося противнику большой урон…

Когда еще на станции Медвежье нас переформировали, мы уже тогда поняли, что кормить, как раньше, нас больше не будут. Мы получили сухие пайки, иногда на позицию прорывалась воинская кухня, хлеба мы получали две большие булки на батарею, затем мы их делили, и получалось граммов по 300 на человека. С первой задачей мы справились отлично и нам пообещали награды. Через несколько дней мы с комсоргом Александром Бойко, по просьбе старшего по батарее, отправились поглушить рыбу в Волге, взяв с собой по одной противотанковой

гранате и вещевые мешки. К реке мы пошли днем, до Волги было около километра. Когда мы вышли на чистое место, немцы решили стрелять по нам из минометов. Мы упали, притворившись мертвыми. Я Саше говорю:

— Мы должны быть друг от друга не ближе 10–12 метров, если одного ранит или убьет (ой, не дай боже). И еще, если мины полетят близко к нам, то слышится «клокотание» падающей мины, а поэтому надо сразу падать и сильно прижиматься к земле. Саша, ты понял мой инструктаж? Необходимо четко придерживаться его! Ты понял, как надо действовать?

— Гена, я все понял, так что ты не беспокойся, — ответил он.

Мы сделали еще один бросок и оказались около берез, которые росли на берегу. Сначала я бросил гранату, всплыла оглушенная рыба, мы ее собрали и сложили в вещевой мешок. Затем Саша бросил свою гранату, мы собрали всю рыбу и пошли к себе на батарею.

— Главное, слушай мою команду, — напомнил я еще раз.

Время летит быстро, и когда мы возвращались, уже начало смеркаться.

Я крикнул Саше:

— Бегом! Напрямик к батарее, — а затем: — Саша падай!!

Немцы — сволочи, как будто нас поджидали. Первые мины легли в 20–30 метрах от нас, если бы мы остались лежать, то следующим залпом они нас накрыли бы наверняка, и я снова крикнул:

— Саша! Бегом вперед!

Чувствую «клокотание» подлетающих мин, и как закричу:

— Падай! Падай!!

А он все бежит и бежит… Если бы он упал на 2–3 секунды раньше, не было бы такой трагедии… Когда я позвал его: «Саша, ты жив?» — он ничего не ответил. Я подполз к нему и увидел, что из области сердца бил небольшой фонтан крови… Саша Бойко был убит…

Я бросил вещмешки и что есть мочи бросился бежать на батарею. Командир батареи выделил двух человек, и мы принесли тело Саши Бойко. Было уже темно. Буквально в 30 метрах от нашей батареи мы вырыли могилу и похоронили его, а на следующий день сделали табличку с фамилией. Из штаба послали «похоронку». Вот так нелепо гибли хорошие ребята…

Еще несколько дней мы занимали эти позиции и вели одиночный и залповый огонь по фашистским позициям. В один из дней немцы нанесли удар из тяжелых минометов прямо по нашему миномету, снаряд ударил в дерево, и взрывной волной меня откинуло на стоящие поблизости ящики с минами. Видимо,

ударился головой или всем туловищем, но в какой-то момент я потерял сознание. Очнулся я уже на нарах в блиндаже, когда прибыл фельдшер из штаба дивизиона, он сказал, что у меня контузия II степени, дал справку и сказал, что придется полечиться два-три дня (если позволит обстановка). У меня сильно болела голова, тошнота, рвота и т. д. Я кое-как пришел в себя и встал обратно, на свое место у миномета. Я был наводчиком 120-мм миномета, от наводчика зависела точность поражения целей противника.

Наши войска постепенно продвигались к центру Сталинграда, да и фашисты теряли свое превосходство. Когда наш дивизион занял свои первые позиции, немецкая армада в количестве 50 самолетов пролетела над нами, они хотели разбить электростанцию в Бекетовке. Это было последнее преимущество в авиации у немцев. Далее наша авиация имела полное превосходство в воздухе. Так постепенно сжималось кольцо окружения немецко-фашистской группы Паулюса.

Нас одели во все новое обмундирование и дали прекрасное оружие, но вот с питанием личного состава было очень и очень трудно. Приходилось к каждому пекарю приставлять автоматчика, так как вся мука была под строжайшим контролем, хлеба доставалось по 200–250 граммов на человека — для военного это было мало, а полевая кухня приезжала крайне редко. Дошло до того, что собирались от каждого расчета ребята и с топорами дежурили недалеко от дороги и ждали, когда повезут раненых на повозках. Немцы бомбили повозки с ранеными, и если ранили или убивали лошадь, а боец оставался жив, то мы его перетаскивали на другие сани. Лошадь оттаскивали в овраг, так как приходилось соблюдать маскировку, там мы ее разделывали на куски. Разводили небольшой костер и варили, а потом уносили мясо на батарею, но совершенно не было соли и приходилось довольствоваться хотя бы этим. Было трудно и с гигиеной — в баню мы попадали 1–2 раза в месяц, а иногда и реже. Но при всем при этом воевали мы хорошо, и командование нас хвалило.

В один из дней с нами связался командир батареи и прямо пофамильно назвал: «Старикова и Щербакова — ко мне с обедом». Мы с красноармейцем Щербаковым быстро собрали обед: ведро с супом, котелок с кашей и хлебом и быстро пошли на передовую. Как только мы вышли из оврага, перед нами открылось чистое поле длиной метров сто, а дальше начиналась траншея, которая постепенно углублялась и уходила на передовую и уже там соединялась с блиндажами, брустверами для стрельбы. Толкая ведро с супом впереди себя, мы медленно

по-пластунски подбирались к траншее. Затем траншея стала глубже, мы пошли быстрее и увидели командира батареи и передали ему обед. В этот момент к нам подбежал боец, на нем был надет грязный белый халат, он дал нам с Щербаковым полмешка гранат лимонок Ф-1 и сказал: «Как немцы подойдут поближе — бросайте гранаты». Мы с Щербаковым разместились недалеко друг от друга, на изгибе траншеи. Я выглянул, чтобы посмотреть где немцы — оказалось, что впереди прямо на нас идут два танка, а за ними человек 80–90 немецких солдат. Я сразу начал бросать гранаты одну за другой, смотрю, прямо на бруствер наши бойцы устанавливают две противотанковые пушки и противотанковые ружья. Один танк сразу подбили, а другой, отстреливаясь, стал отходить. Я постоянно продолжал бросать гранаты «лимонки», вдруг вижу, одна граната с деревянной ручкой, взорвалась прямо на изгибе траншеи… Немецкая пехота отступила, а я позвал Щербакова:

— Щербаков, у тебя все в порядке?

Однако услышал только стон, я подошел к нему и увидел, что он серьезно ранен. Я вылил у него полваленка крови и доложил командиру о случившемся. Командир выделил мне нашего связиста и сказал:

— Тащите Щербакова к нашему оврагу, а я вызову санитарную повозку. Когда мы подтащили Щербакова к исходу оврага, там уже стояла санитарная повозка. Мы попрощались, больше я о его судьбе ничего не узнал…

Командир батареи выделил группу, с расчетом выбрать новые позиции ближе к центру Сталинграда. Следующей ночью мы перебазировались на новые позиции. В первую очередь отрыли окопы для минометов, а затем стали оборудовать блиндажи для личного состава. Тягачи привезли новые мины в ящиках по 32 кг. Мы, минометчики, да и другие, в частности, артиллеристы, не давали покоя фашистам, подавляя огневые точки, наблюдательные пункты, технику, живую силу. Мы на этих позициях находились несколько суток и днем и ночью вели одиночный и залповый огонь по немцам. Мы израсходовали несколько сотен мин на уничтожение немецких войск.

Через несколько суток мы вновь сменили позиции и почти вплотную подошли к реке Царица. Уж и не знаю, кто это выдумал: «кочующие минометы»? Если бы это были 82-мм минометы, то это оправдывало бы цель, но для 120-мм минометов, у которых только один ствол весит около 100 кг, а плюс еще опорная плита, это было не очень-то целесообразно! Но мы эту задачу выполнили, хотя риск был очень большой, так как мы все могли бы быть накрыты одним налетом артиллерии и уничтожены.

Однако с большим риском мы ночью внезапно меняли позицию и, практически не видя на другой стороне реки Царица немецкие войска, вели внезапный огонь по фашистам. Пока они приготавливались к бою, мы уже перекочевывали на другую позицию. О «кочующем миномете» была статья в армейской газете, а нас представили к правительственным наградам. Впоследствии я получил орден Красной Звезды.

Затем мы участвовали в артподготовке и совместно с другими частями совершили небольшое наступление, в результате которого заняли оборудованные немцами позиции на противоположном берегу реки Царица. Это была уже территория Сталинграда, совсем недалеко от нас находился «знаменитый универмаг», в подвале которого расположился штаб фельдмаршала Паулюса.

После нашего наступления 19 ноября 1942 года немецко-фашистская группировка в Сталинграде практически была окружена. Гитлер запретил своим войскам сдаваться в плен или отступать. Обещал транспортными самолетами ночью сбрасывать контейнеры с продуктами для окруженных войск. А маршалу Паулюсу присвоил звание фельдмаршала.

Ночью транспортные самолеты вермахта летали и сбрасывали контейнеры с продуктами на парашютах. Мы, минометчики, находились в двух километрах от переднего края и решили воспользоваться продуктами из контейнеров. Как только немцы запускали ракеты красного цвета, мы подключались и тоже запускали ракеты красного цвета. Слышим летит транспортный самолет и шум спускающегося парашюта. Парашют мы снимали и вскрывали контейнеры, а там были большие банки сливочного масла, мясные консервы, хлеб в специальных упаковках выпуска 1936–1938 гг. И так мы приспособились получать продукты от Гитлера. Заранее готовили ракеты различных цветов и смотрели, какого цвета ракеты применяют немцы. Мы быстро заряжали ракетницу ракетами такого же цвета, как у немцев, и неоднократно к нам прилетали пищевые посылки.

Командир батареи расположился недалеко от батареи, просто невозможно представить, как он перебрался через площадь, усеянную немецкими трупами и трупами наших бойцов. Мы подготовились к последнему штурму, за ночь нам привезли еще боеприпасы. Когда утром перед артподготовкой рассеялся туман, мы увидели сотни «катюш», артиллерийских орудий и других средств, в течение полутора часов они перевернули все вверх дном. Немцы выходили с поднятыми руками или с белыми флагами из подвалов из различных укрытий. На всех участках фронта наши войска встретились друг с другом. Наконец

немецкая группировка из 22 дивизий была окружена. Это происходило 1 февраля 1943 года. Журнал «Крокодил» на своей обложке поместил рисунок: круг и в нем 22 дивизии и надпись «Они нам подарили колечко». 2 февраля 1943 года в Сталинграде в некоторых местах были слышны отдельные взрывы. Действовали от основных войск в основном пехота и огнеметчики. Подходили к каждому подвалу, и переводчик говорил: «Сдавайтесь немедленно, оружие оставляйте в подвале и с поднятыми руками выходите из подвалов» (переводчик говорил через микрофон).

2 февраля 1943 года считается окончанием Сталинградской битвы. В этот день формировалась колонна пленных немцев — всего в колонне было 93 тысячи человек, которых направляли на сборные пункты.

Эта колонна шла мимо нашей батареи, и я с товарищем и еще одним солдатом с автоматами стояли в десяти метрах от дороги и наблюдали за пленными. Кто был в колонне: немцы (больше всего), итальянцы, испанцы, румыны, венгры, в общем, вся Европа. Так они помогали Гитлеру победить нас.

Мы смотрели на пленных (и в этот момент кто-то нас снял на пленку), и теперь каждый год 2 февраля и в День Победы нас несколько секунд 20–25) показывают на всю страну, а я показываю: вот это я!

Прибежал посыльный и сказал мне, срочно прибыть в штаб дивизиона. Там оказалось еще двое солдат (к тому времени ввели погоны, и мы стали солдатами, а раньше были красноармейцами), они ждали меня. Мы, оказывается, едем учиться на офицеров (это в войну-то!). Документы наши готовы, едем (на чем придется) в штаб армии в Тамбов, в Тамбовское артиллерийское училище. Наши ребята набили нам вещевые мешки под завязку. И даже командир миномета спросил:

— Сергей, что вы положили в вещевые мешки, кирпичи, что ли?

— Когда нужны будут деньги, отблагодарите нас, — сказал сержант и хитро улыбнулся. Мы распрощались и 2 февраля с тяжелыми вещмешками вышли на санную дорогу. Нас догнал трактор, он тянул большие сани. Это, видимо, был тягач, он подвозил боеприпасы.

Я у тракториста-солдата спросил, куда он держит путь, он ответил, что в Баскунчак, я сказал:

— Значит, нам по пути.

Мы распрощались с нашими ребятами, и, видимо, навсегда…

Ройзман Зельман Ефимович
Лейтенант, командир роты 97-й стрелковой бригады

От Бекетовки, южной окраины города, до центра Сталинграда было 12 километров. Меня и еще человек двадцать отправили в 97-ю стрелковую бригаду, где мы получили оружие, а затем начальник штаба майор Руднев отдавал указания, сколько командиров в какой батальон отправить. Четверым: мне, Коле Панкратову, Коле Решетникову и еще одному товарищу (его фамилию уже не помню) — приказали направиться в 3-й батальон, и вскоре за нами пришел боец из этого батальона и повел нас через балку. Дошли до блиндажа, где разместился штаб батальона, и там нас встретил комбат, капитан Костенко. Посмотрел на нас, задал всего пару вопросов, а потом сказал: «Ты, Ройзман, принимаешь 3-ю роту, Решетников пойдет к тебе на взвод, а Панкратов примет пулеметный взвод». Батальон капитана Костенко занимали оборону по Купоросной балке, а конкретно моя рота держала оборону в районе Ленточной балки, напротив самой высокой точки города, высоты 145,5. Мамаев курган, например, имел на карте отметку 102 метра, а перед нами 145,5. Батальон находился на стыке двух армий, 62-й и 64-й, и наша 97-я стрелковая бригада входила в состав 64-й армии.

Бригада была сформирована в августе 1942 года в Златоусте и в ее состав вошли моряки ТОФ, стройбатовцы (переведенные из Трудовой Армии в Красную Армию), а также курсанты военных училищ и группа пограничников, но в моей роте, например, были

только бывшие моряки и трудармейцы. Когда я принял роту, то в ней числилось около восьмидесяти человек. Командиров уже не оставалось, меня встретил только политрук роты, неплохой парень с двумя «кубарями» в петлицах. Но его через пару дней то ли убило, то ли ранило, уже точно не помню… Сколько людей числилось в бригаде, я, простой ротный, конечно, знать не мог.

После войны, на первой встрече ветеранов бригады прозвучала цифра, что перед отправкой в Сталинград личный состав бригады насчитывал чуть более 5000 человек, при этом командным составом бригада была укомплектована наполовину, и поэтому только что прибывшего на передовую выпускника военного училища могли сразу поставить на командование ротой…

Кроме того, в нашу бригаду был влит сводный курсантский полк, сформированный из курсантов военных училищ на Северном Кавказе (пехотные училища Махачкалы и Орджоникидзе)…

А вот уцелело нас очень мало. Из своего курсантского выпуска я на встречах ветеранов 64-й армии почти никого не встречал… Выжили единицы…

Нейтральная полоса между нами и противником в сентябре-октябре составляла от 40 до 70 метров, на отдельных участках мы с немцами гранатами свободно друг с другом перекидывались.

Мы зарылись в землю, в траншеи полного профиля. По ночам бойцы, свободные от дежурства, в первой траншее и в боевом охранении, находились в землянках, стены которых крепили ящиками от патронов, так как почва там песчаная и обваливалась после каждого артобстрела или бомбежки. Чтобы как-то осветить землянку, в ней жгли телефонный шнур, который, коптя, все же горел и давал тусклый свет. Прямо перед немецкими позициями на самой высоте немцы посадили в разбитые танки своих снайперов, которые нам не давали поднять головы ни днем, ни ночью, и затишья, как такового, у нас никогда не было, от снайперского огня мы несли все время серьезные потери. Жить нам давали только по воскресеньям, немцы в выходной день вели умеренные боевые действия, но тут слово «умеренные» надо взять в кавычки, поскольку для оценки я применяю сталинградские стандарты. Бомбили нас ежедневно и по несколько раз, а нашу авиацию мы не видели, только ночью иной раз слышали гул моторов, в небе появлялись По-2, сбрасывали бомбы на немецкий передний край, а с рассветом небо становилось «чисто немецким»… Минометные и артиллерийские обстрелы немцы проводили, словно сверялись по часам, методично били по нашей линии обороны, которая, до захвата нами высоты 145,5, была у

них как на ладони. Боеприпасы мы строго экономили, так как постоянно были перебои с доставкой патронов и гранат на передовую, ведь переправа через Волгу все время находилась под огнем. С питанием на передовой вообще было очень туго, бывали дни, что весь дневной рацион состоял из одного сухаря на бойца.

Дело доходило до крайности, не все могли выдержать голод, у меня был связной, родом из Крамского района Орловской области, так он однажды пришел ночью в роту с термосом горячего супа. Я этим супом накормил остатки роты, а потом спрашиваю связного, где он достал этот термос, ведь из тылов, с полевой кухни, нам горячего питания не приносили уже давно.

И связной мне признался, что пошел ночью в полковой тыл, увидел повозку, на которой ездовой вез термос с едой в штаб батальона, так он кинул гранату рядом с повозкой, ездовой испугался и сбежал, а мой связной подхватил термос и вернулся в роту…

Обмундирование у многих было рваное, а обувь совсем разбитая. Как-то на «нейтралке» лежал убитый немец в яловых сапогах, так бойцы решили с него эти сапоги снять, за неделю таких попыток добраться до трупа, у меня погибло четверо ребят: трое — от снайперского огня и один подорвался на мине. Но сапоги с немца все-таки сняли…

Только после того как лед на Волге встал, наше снабжение заметно улучшилось.

Самым критическим в сталинградских боях для нас стал день 25 октября, прорвав нашу оборону в зоне сводного курсантского полка, немцы вышли к Волге в районе Бекетовской водокачки и Купоросной балки, после чего ночью мы получили приказ: «Любой ценой восстановить положение!» За день 26 октября 1941-го мы шесть раз ходили в атаку, отбивали свои позиции и снова откатывались назад под немецким натиском, и опять с боем возвращали утраченную линию обороны. 26 октября впервые мне пришлось участвовать в рукопашных схватках, которыми заканчивалась каждая наша атака. Немцы были сплошь пьяные. Захватив наши траншеи, они сразу напивались, отмечая победу и выход к Волге, а мы, несмотря на убийственный огонь и потери, снова бросались в атаку, в штыки. Там ногу негде было поставить, настолько все вокруг было завалено нашими и немецкими трупами.

Когда мы закрепились на этих «новых-старых» позициях, то стали подсчитывать, сколько людей осталось в строю после шести атак. У меня в роте из 120 человек осталось 2 взводных и 25 красноармейцев, а в соседней роте уцелело всего 9 человек… За октябрь-ноябрь 1942 года состав роты поменялся как минимум

два-три раза…

Я думаю, что в 62-й армии, у тех, кто воевал в центре Сталинграда, потери были еще больше, чем у нас. Сейчас пишут, что рядовой боец до своей гибели воевал в центре Сталинграда сутки, лейтенант — три дня, а у нас красноармейцы держались в строю обычно несколько дней, пока не убьют или не ранят… Я не думал, что кто-то из нас там останется в живых, и когда мне комбат приказал дать одного человека в формируемую трофейную команду, то я стоял перед выбором — кого туда послать? Кому, в прямом смысле этого слова, даровать жизнь?

У нас был пожилой боец, сибиряк, отец четырех детей, вот его в «трофейщики» и отправили — пусть хоть он выживет…

Я почему-то был уверен, что не погибну от осколков мины, просто несколько раз мины разрывались невдалеке от меня, всех находившихся в это время рядом со мной убивало или ранило, а меня даже осколком не задевало, вот и появилась уверенность, что смерть моя будет другой…

За эти бои все оставшиеся в живых бойцы роты были отмечены орденами и медалями, меня наградили орденом Красной Звезды. А орденом Отечественной войны отметили за ноябрьские бои. С высоты 145,5 на нас пошли танки, так я один танк противотанковой гранатой подбил… Оба ордена я успел получить еще до ранения, а медаль «За оборону Сталинграда» мне вручили только в 1947 году…

Если до боев 26 октября нас все время пополняли, то после вообще перестали присылать пополнение. И когда 19 ноября началось общее наступление, то пришлось в него идти остаткам батальонов, нас никто не сменил, мы так и не дождались отвода в тыл на переформировку. На нашем участке мы перешли в наступление только 23 ноября, пошли в атаку без артподготовки, только дали один залп наши «катюши», да промазали, почти по нам попали… И целый месяц мы выдавливали немцев с позиций, но окруженные немцы очень грамотно оборонялись, отбить у них сто метров территории считалось очень успешным продвижением по фронту. Все бои в конце ноября и в декабре шли фактически за каждую стену, мы сражались в развалинах домов и заводских цехов, и здесь наш батальон терял своих последних бойцов, выдержавших весь ад осенних боев…

13 февраля 1983 года в Волгограде состоялась встреча ветеранов 64-й армии, через сорок лет после завершения битвы под Сталинградом люди съехались со всей страны, отмечать эту дату.

У автобуса с табличкой «97-я стрелковая бригада» стоял один ветеран, который спросил меня: «Товарищ лейтенант, вы меня не

узнаете? Я Кужель Николай Петрович из Ангарска, я вам связь всегда в роту тянул!» И тут подошел еще один человек и стал меня обнимать. Это был бывший моряк с моей роты, ручной пулеметчик Михаил Лобков, после войны он поселился в Севастополе.

Всех ветеранов-сталинградцев, приехавших на эту встречу, пригласили на торжественное собрание в здании театра, где среди других перед нами выступил сын нашего командарма Шумилова. А потом нашелся человек, ветеран нашей бригады, Жандаров из Златоуста, который стал искать бывших бойцов и командиров 97-й СБр, воевавших в Сталинграде.

На сбор ветеранов бригады приехало 40 человек, а всего Жандаров нашел по стране около 100 бывших бойцов и командиров из нашей бригады…

В Сталинград бригада прибыла, имея в своем составе около 5000 человек. В ходе боев до конца октября 1942 года в бригаду все время вливали новые резервы, а вот осталось нас в живых совсем немного, и то, большинство выживших — это инвалиды войны, списанные из армии в середине войны после тяжелых ранений…

Ведь каждый метр земли в районе Купоросной балки круглосуточно находился под немецким огнем и пристальным наблюдением. Один неосторожный шаг, даже просто на пару секунд выпрямился в полный рост — и ты труп… «Мертвых зон» у нас не было. Людей не там, где надо, в атаку подымешь — всех моментально положат из пулеметов.

Моя рота в октябре провела удачный разведпоиск. Саперы нам сделали проход, мы вчетвером незаметно доползли до немецких позиций и затаились возле входа в немецкую землянку. Появился немец, мы на него навалились, а он, сволочь, здоровый попался, успел ударить кулаком одного из наших и выбил ему передние зубы, но немца мы свалили, заткнули рот кляпом, он так и не успел заорать и позвать на помощь. К себе «языка» притащили, не поднимая шума…

Часто приходилось подползать или пробираться по разбитым окопам и ходам сообщения поближе к немцам, чтобы определить новые огневые точки. Ночью со связным как-то поползли тихо вдвоем по ходу сообщения на немецкую сторону, и вдруг меня кто-то дернул за бок.

Я обмер… а это был просто труп убитого моряка, его засыпало землей, а ноги торчали, так я за ногу зацепился. Но в ту секунду, пока не разобрался, я испытал настоящий страх.

Были ли в роте случаи перехода на сторону врага? Достоверных таких случаев не было, но один раз у нас исчез боец

из окопа боевого охранения, но сам ли он перешел к немцам, или его немецкая разведка сцапала — я не знаю.

До начала нашего наступления немцы очень часто сбрасывали листовки с самолетов на наши головы и вели пропаганду через громкоговорительные установки. По утрам нередко вся наша оборона была усыпана немецкими листовками с призывами на сдачу в плен: «Бей жидов-комиссаров!». Листовки были из лощеной бумаги, в центре красочный рисунок — Сталинград, охваченный огненным кольцом, а со всех сторон немецкие танки. Бойцы не боялись поднять такую листовку с земли, так как политрука в роте у нас уже не было, а бригадные особисты на передний край нос не совали, у нас же убивают, зачем им это…

Самострелов в роте тоже не припомню…

Вообще, боевой настрой в роте был на самом высоком уровне, от нас до Волги было несколько километров и мы были твердо уверены, что если немцы через нас прорвутся, то только тогда, когда погибнет последний из нас, мы знали, что будем стоять насмерть, достойно сражаться до последнего патрона. Мы понимали, что являемся смертниками, но были морально готовы в любой момент, когда потребуется, умереть за свою Родину и не допустить врага к Волге.

В конце декабря мы пошли в дневную атаку, сначала ранило моего товарища, взводного, лейтенанта Решетникова, а потом и меня. Разрывная пуля угодила в антабку, и осколок от нее попал мне прямо в глаз. Но добраться до санбата не было никакой возможности, немцы вели жуткий огонь. Связной отвел меня в старую землянку, а там разместился штаб сводного курсантского полка. Вечером командир полка обратил на меня внимание: «Это кто такой?» — «Командир стрелковой роты» — «Почему не отправили раньше?!» — «Сильный огонь, не пройти» — «Немедленно доставьте лейтенанта в санроту!», и после приказа комполка меня вместе с еще одним тяжелораненым вывезли в санбат, а потом переправили через Волгу, в госпиталь расположенный в Ленинске, где собралось тысяч пять наших раненых из Сталинграда.

Баданес Михаил Кусилевич
Лейтенант 20-го танкового полка 59-й механизированной бригады 4-го механизированного корпуса

19 ноября 1942 года с линии озер Цаца-Барманцак мы ушли в прорыв в направлении станции Кривомузгинская.

Наш полк шел в авангарде, командовал передовым отрядом полковник Белый. Ночью переправились через Волгу, закопали танки в землю, тщательно замаскировали машины. В полку ожидали, что немцы встретят нас убийственным огнем, и были готовы к серьезным потерям, но утром после нашей сильнейшей, поражающей людское воображение артподготовки мы двинулись вперед, не встретив яростного сопротивления. Стояла дикая канонада, наши артиллеристы своим огнем просто раскалывали степь. Комполка приказал мне подтянуть тылы к танкам. Поехал назад на БТР. Добрался до тыла бригады и передал замполиту Быкову приказ комполка. Быков до войны был заместителем директора завода ГАЗ. За полчаса все были готовы к движению. Мы не могли догнать свои танки! Настолько стремительно бригада ушла в прорыв, что все наши поиски в сальской степи были напрасны. Вечером колонна остановилась, выставили боевое охранение. Я решил проехать вперед и продолжить поиск танков. Поехали вместе с командиром автороты Курбатовым и в темноте наскочили на минное поле. Машина подорвалась. Нас взрывом выбросило из машины, хорошо хоть дверцы были брезентовые.

Отполз в сторону, вроде руки и ноги целы, а голова страшно гудит. Курбатов тоже счастливо отделался только контузией. Всю ночь шли назад к своим, поддерживая друг друга. Утром поехала машина снять запчасти с подорвавшегося грузовика и тоже налетела на мину. Пр*о*клятое место… Прошел месяц с небольшим, я ехал в тыл за моторами, и на моих глазах в том же самом месте, наехав на мину, взлетела на воздух легковушка. А до этого саперы там все тщательно проверяли…

Через два дня мы нагнали полк. В полку было 4 танковых роты, всего 41 танк. Но вскоре на Чире, в районе села Мариновка, полк потерял много танков. Немцы стянули к Мариновке тучу артиллерии и встретили нас стеной огня. Наши потери были страшными. Осталось на ходу всего десять машин. Каждый день на линии Платоновка — Мариновка на немцев шел в атаку свежий полк или бригада, от которых к вечеру ничего не оставалось. А 14 декабря развернулось страшное побоище под Верхне-Кумской. Там корпус потерял последние танки, но остановил немецкие соединения Гота, пытавшиеся разорвать кольцо окружения под Сталинградом.

О тех боях даже рассказывать тяжело. Жуткие были денечки… Бригада превратилась в стрелковый батальон. Из Котельниково на нас пошла дивизия СС «Мертвая голова». Постоянно, сменяя одну волну за другой, нас бомбили по 25–30 немецких пикировщиков. Вся степь была затянута дымом от горящих танков. Мы сидели в окопах, уже не надеясь выйти из этого пекла живыми. Приказ на отход к Нижне-Кумской нам не дали. По рации передали: «Сутки продержитесь — корпус получит звание гвардейского!» Сутки продержались. Снова сообщают, что если еще сутки простоим на позициях, то корпус получит наименование Сталинградского. Мы выдержали. Воодушевление наше было очень сильным. Тех, кто выжил, отвели в тыл. Наш полк стал именоваться 44-м гвардейским танковым полком.

В феврале 1943 года, после переформировки и получения матчасти на станции Ряжск, полк уже снова воевал под Новочеркасском и дальше — по линии железной дороги Таганрог — Сталино. В апреле полк снова почти полностью потерял в боях материальную часть и почти весь личный состав. У нас оставалось всего 3–4 танка, которые были переданы в соседнюю бригаду на пополнение. Такие у нас были потери, что… Сколько народу сгорело в танках… В мае снова получали танки, уже на заводе в Свердловске.

Лисагор Иосиф Лейбович
Политрук 1311-го стрелкового полка

Выгрузились из эшелона северо-западнее Котлубани и несколько суток шли пешим маршем к линии фронта. Жаркое лето, безлюдные, высохшие от зноя пыльные донские степи. Через каждый час делали десятиминутные привалы, солдаты ложились на землю и мгновенно засыпали. Усталость была смертельной, бойцы спали на ходу. Многие отставали от основной колонны, и политрук роты Николаев поручил мне собирать отстающих и присоединять их обратно к роте.

И, увидев, как я справляюсь с поручением, Николаев сказал: «Молодец! Будешь замполитрука!» Но положенных к этой должности старшинских петлиц я так и не получил. Прошли несколько сотен километров, а потом с ходу, без передышки заняли оборону. Был получен приказ заменить передовые части, мы развернулись в цепи и пошли «меняться», только перед нами никого уже из наших солдат не было. Пустые окопы. Только спрыгнули в них, все сразу легли на дно и заснули.

А еще, через пару минут начался немецкий минометный обстрел. И началась позиционная война. Рота понесла большие потери, уже через несколько дней были убиты и ранены все командиры, и мне как заместителю политрука пришлось принять командование над остатками роты. Воды нет, все снабжение мы получали только ночью. Пили грязную жижу из луж, рядом с дохлыми лошадьми. Нейтральная полоса — всего сто метров, мы перекрикивались и ругались с немцами. Потери жуткие,

пополнение сплошь из нацменов, а с ними особо «каши не сваришь». Но держались. То мы атакуем, то немцы, но на каком-то рубеже мы закрепились и больше не отступали. Во время артобстрела мне мелкие осколки попали в правое плечо. Остался в строю, но раненое плечо стало нагнаиваться. Отправили в госпиталь, но операцию не делали. Прошло два-три дня, и я попросился обратно в дивизию. Мне ответили, что в свои, в «родные» части, отправляют только командиров и политработников, а солдаты и сержанты будут направлены после выписки для передачи в маршевые роты в запасной полк. Мне очень хотелось вернуться к своим ребятам, и я заявил в госпитале, что являюсь политработником, и согласно этому факту меня обязаны вернуть в 1311-й СП. Выписали документы: «Политрук Лисагор И. Л. отправляется для дальнейшего прохождения службы в 173-ю СД». Добрался до штаба дивизии. Там посмотрели мои документы, и приказали ждать. Появился начальник политотдела дивизии полковник Медников. Я объяснил ему, почему назвался политруком, и что должен вернуться в свою роту, где меня ждут мои товарищи. Начальник ПО стал подробно меня расспрашивать, кто я такой, откуда родом, где учился и где воевал. И выяснив, что я знаю несколько иностранных языков и закончил школу на немецком языке, он заявил: «Ты остаешься в политотделе, инструктором по пропагандистской работе среди войск противника». Сразу присвоили звание лейтенанта. И тут началась для меня совсем другая война — в вечернее время, пользуясь темнотой, пробираться, по возможности, как можно ближе к немецким позициям, и через рупор призывать немцев сдаваться в плен. Моментально, после начала моего «вещания», с вражеской стороны следовал яростный обстрел из стрелкового оружия и минометов, а иногда и артобстрел. Немцы не сдавались, моя пропаганда на них не действовала, и даже в декабре, когда немцы находились в полном окружении, я не помню, чтобы к нам перебегали.

Генкин Григорий Семенович
Командир минометного взвода 1053-го стрелкового полка 300-й стрелковой дивизии

В начале октября 1942 года нас высадили ночью на какой-то станции в районе Камышина. Прошли примерно три километра до ближайшего леса. Там нас уже ждали колонны грузовиков. Всю дивизию погрузили на машины и мы двинулись вперед. А перед нами горящий Сталинград. Страшная картина! Все ждали, что нас повезут к переправе, но колонна остановилась на левом берегу Волги в километре от реки. Командир полка собрал командиров подразделений и мы пошли менять остатки танковой бригады, державшей оборону на берегу. Через каждые 200–300 метров стояли у кромки воды танки, пехоты не было вообще. Если бы немцы захотели переправиться через Волгу в этом месте, никому бы мало не показалось. Здесь мы и встали в обороне. Немцы находились на правом берегу, помню только один небольшой плацдарм южнее нашего участка, который держался. Немецкие и наши артиллеристы все время вели перестрелку.

От нашего полка в десант у села Латашанка ушел 2-й батальон. Они продержались на правом берегу двое суток и погибли. Из этого батальона выжил только лейтенант Панфилов. Он, раненный в ноги, сумел доползти до берега Волги и, держась за бревно, поплыл по течению Волги, пока его не прибило к левому берегу. Ребята ездили к нему в госпиталь. Он передал для

меня тяжелую весть — мои друзья по училищу, лейтенанты Грач и Аврускин, витебские ребята — погибли. Аврускина немцы окружили на глазах у Панфилова. Он еврей, и чтобы не сдаться в плен, Аврускин застрелился. А как точно погиб лейтенант Грач, я не знаю. Всего из этого сводного отряда, как говорили, выжило 15 человек.

18 ноября 1942 года нас подняли по тревоге и перебросили на переправу у Черного Яра.

Комендант переправы, хромой генерал, получил приказ срочно перебросить нашу дивизию на правый берег. А все паромы и берег Волги были забиты тыловыми машинами, обозами, артиллерией. На наших глазах эти машины сбрасывали с паромов в воду и танками расчищали дорогу в реке, чтобы дать возможность погрузиться полкам дивизии. Образовался жуткий затор. Рядом с нашей ротой стояла автоколонна из тыловых подразделений нашей армии.

Мой отец был в 1941 году тяжело ранен в боях под Гомелем, признан негодным к строевой и продолжал служить уже в тыловой части. Из переписки с ним я знал, что отец тоже попал в 51-ю армию. Он смог, несмотря на почтовую полевую цензуру, намекнуть мне в письме, как найти его часть по номерам машин. Смотрю, а у этой колонны номера на машинах такие же, что и отец упоминал в письме. А нас уже гонят на паром! Побежал вдоль машин, кричу: «Семена Генкина кто-то знает?» Позвали отца. Такая встреча неожиданная!.. Обнялись, даже не успели толком поговорить. Я вернулся к своей роте. Слеза накатилась на глаза…

Понимаете, после этой встречи мне было очень тяжело идти в бой. Следующий раз я встретился с отцом уже в 1946 году…

Мы вошли в прорыв из района Шабалино на ростовское направление.

Вот тут и началась для нас настоящая истребительная война. На моих глазах погибали в боях многие десятки людей, немало солдат замерзло насмерть на ночевках в снегу от сильнейших морозов. Но мы шли упорно вперед по выжженной немцами нашей земле.

Наш стрелковый полк попал под страшный удар танков Манштейна, рвавшихся на помощь к окруженной группировке Паулюса. То, что можно рассказать словами о боях на реке Мышковка, не отразит и малой части того, что пришлось пережить людям в этот страшный декабрьский день.

Ночью получили приказ срочно совершить 40-километровый пеший марш и занять позиции в районе совхоза «8-е Марта», в 800 метрах от реки Мышкова. Мы бежали всю ночь по снежной

целине, преодолевая эти сорок километров. Заняли оборону утром вдоль дороги, вырыли на обочине норы из снега. Минометы поставили в пехотных порядках. Мин было очень мало, ну сколько мин мы могли на своем горбу утащить?.. Метель, мороз градусов под тридцать. Рядом — ни балки, ни оврага. Степь…

А потом на нас пошли танки… Десятки танков… Пехоту немецкую мы еще как-то умудрились отсечь, а потом началось побоище. Немецкие танки задавили нас.

Какая уж тут стрельба по смотровым щелям?!.

А потом и немецкая пехота подключилась к истреблению нашего батальона.

Батальонные ПТРовцы успели сделать несколько выстрелов по танкам и были раздавлены гусеницами. Мы даже не могли отойти назад. Танки со всех сторон! Их гусеницы были красными от крови. Те из наших, кто пытался подняться и бежать, были сразу убиты очередями из танковых пулеметов. Противотанковых гранат у нас почти не было, маскхалатов не было. Голая, ровная как стол степь. Это был ужасный бой, поверьте мне… Кровавая каша… Я лежал среди раздавленных людских тел и ждал, когда и меня постигнет их участь.

А потом дали залп наши «катюши». И по немцам, и по нам… Артиллерия наша подтянулась, начала лупить по танкам, но наш батальон лежал на снегу среди немецких танков!

Что там творилось!.. Выручили нас артиллеристы, немецкие танки отошли в кустарники у реки. Остатки батальона начали отползать на линию обороны.

За два дня до этого боя наш батальон был солидно пополнен и доведен до полного списочного состава: почти 500 человек. Из этого боя нас вышло восемьдесят девять солдат и командиров, почти все раненые, контуженные, обожженные…

А на поле боя остались только куски разорванных, сгоревших и размозженных человеческих тел, горящие танки, дымящиеся воронки и трупы, трупы… Мы снова окопались в снегу. Ждем немецкую атаку. Ждем своего смертного часа…

Сзади нас появился лыжный батальон. Молодые ребята с гвардейскими значками на гимнастерках. Полушубки они сбросили, чтобы легче было совершить 20-километровый бросок на лыжах к нам на помощь. Лыжники заменили нас на позициях.

Остатки батальона вывели в тыл. Выжившие в том бою еще долго не могли прийти в себя и поверить, что сегодня смерть нас миновала и пощадила… А другие полки дивизии еще два дня бились на этих позициях насмерть.

На новый, 1943, год меня контузило при артобстреле.

Пролежал в санбате где-то дней десять. Слух потихоньку восстанавливался, ходить я уж снова мог. Подумал — что мне здесь делать? И ушел из санбата в свою роту. За день до этого наши взяли Раздорскую. Ночью перешел на правый берег, поднялся по крутому склону. Кругом идет перестрелка. Нашел 3-ю роту моего батальона. Ротный Мордвинцев, уже пожилой человек, сказал мне: «Где ты сейчас в темноте своих найдешь? Оставайся у нас, на рассвете пойдешь дальше»… А на рассвете немцы внезапным ударом отбили станицу. Мы выскочили из дома, приняли бой. Тут нас и накрыла немецкая артиллерия.

Из нашей группы скоро осталось живыми только четыре человека, а немцы были на каждой улице, подавляли очаги сопротивления. Отстреливаемся… Почти закончились патроны…

За домом был вырыт погреб, в него мы спрятались и затаились. В погребе было крохотное окошко. Мы видели, как немцы и казаки ведут наших пленных. Немцы подожгли стога сена во дворе, пламя охватило и дом, в котором мы ночевали. Дым низко стелется, мы начали задыхаться. Решили выползать и принять смерть в бою. Сразу же нарвались на немецких пулеметчиков…

Из четырех человек я один уцелел… В дыму дополз до берега, залег в кустарнике. Наша артиллерия молчала, немцы ее подавили еще при первом артналете. Немцы стояли группами на крутом высоком берегу и хладнокровно расстреливали наших солдат, пытавшихся перебежать через Дон на левый берег. Лед на середине реки был разбит, через каждые пять-семь метров зияла полынья. В пятидесяти метрах от меня стояла группа немцев и смеялась, наблюдая, как под их огнем падает на кромке берега очередной, сраженный немецкой пулей, наш солдат. Как вы сами понимаете, в плен я сдаться не мог… И рванул! Была-не была! Скинул сапоги, полушубок, и побежал вниз к реке… Бежишь по льду, потом вплавь через полынью, а дальше снова по льду… А немцы по мне стреляют! Пулемет надрывается!..

Тяжело вспоминать о тех мгновениях…

Удалось мне добраться до нашего берега.

Пополз через кусты к лесу, который находился где-то в 300 метрах. Слышу протяжный стон из воронки, слабый крик: «Помогите…» Заполз туда. Лежит наш раненый солдат с вырванным осколком куском грудной клетки, даже легкие были видны. Нательную рубашку мокрую с себя снял, чтобы ему рану прикрыть.

Пока рубашку на куски рвал, легкие солдата стали серого цвета. Сотни вшей заползли с его тела внутрь раны, облепив еще теплую и окровавленную плоть…

Закрыл рану и потащил его на себе. В лесу стояла наша артбатарея. Туда я приполз. А солдат раненый умер на моих глазах через пару минут…

Два бойца довели меня до землянки, укрыли полушубком, налили кружку водки. Через несколько часов я, в чужих валенках и шинели, пошел на место сбора остатков полка…

Нас пополнили. Вместе с другими частями дивизии станицу отбили.

Везде лежали замороженные трупы наших товарищей. На площади, где был КП полка, лежали изуродованные немцами тела наших командиров…

Пошли в наступление дальше, на северо-запад Ростовской области. Я вернулся в свою вновь сформированную роту, командиром взвода 82-мм минометов. Но вскоре, когда шли бои между Ростовом и Таганрогом, в направлении на Миус, меня серьезно «зацепило». Пошел поднимать стрелковый взвод в атаку… Немецкий пулеметчик не промахнулся. Прострелил мне всю шинель, кобуру, но две пули попали в ногу. Из боя меня вытащили, погрузили в сани и привезли в гражданскую больницу.

Наши подвижные армейские госпитали застряли где-то в тылу.

Кинули меня на цементный пол, вот так, три дня, без перевязки и еды пролежал. Появился через трое суток персонал больницы, работавший и в оккупации. Они и оказали первую помощь раненым бойцам. Почти два месяца пролежал в этой ростовской больнице. А потом нас, еще окончательно не выздоровевших, начали выписывать с формулировкой: «Направляется на долечивание при части, сроком на две недели».

Со мной был старший лейтенант Жук, передвигавшийся на костылях после ранения в ноги. О том, как мы с ним возвращались на фронт, можно отдельную книгу написать.

Гольбрайх Ефим Абелевич

Попал я под Сталинград, в донские степи. Наш 594-й стрелковый полк 207-й стрелковой дивизии занимал оборону северо-западнее Сталинграда. Бои были настолько кровопролитными, что после недели пребывания на передовой я не верил, что еще жив и даже не ранен! Сделал «головокружительную карьеру», уже на третий день командовал отделением, в котором осталось четыре бойца вместе со мной. Остальные выбыли из строя уже в первых боях. А еще через пару недель стал сержантом.

Иногда было так тяжело, что смерть казалась избавлением. И это не пустые слова…

Бомбили нас почти круглосуточно. Люди сходили с ума, не выдерживая дикого напряжения. Бомбежка по площадям… За войну пришлось десятки раз бывать под бомбежкой. На так называемом «Миусском фронте», на Самбекских высотах, Матвеевом кургане, Саур-Могиле, в Дмитровке, по ожесточению и упорству боев названной «малым Сталинградом»… Хуже нет кассетного бомбометания. Двухметровый цилиндр раскрывается, и десятки мелких бомб идут косяком на цель. Неба не видно. Если нет надежного укрытия или в поле попался — пиши пропало. Бомба, что над тобой отделилась от самолета, эту пронесет. А вот та, что с недолетом — твоя… Истошный вой летящих бомб… Визг становится нестерпимым. Лежишь и думаешь — если убьет, только бы сразу, чтоб без мучений…

Расскажу просто об одном боевом дне лета 1942 года. Занимали оборону возле разъезда № 564. На путях стоял эшелон

сгоревших и разбитых танков Т-34. Никто не знал, какая трагедия здесь разыгралась и как погиб этот эшелон. Утром пошли в атаку, при поддержке танков и, просто фантастика для 1942 года, при поддержке огня «катюш». Отбросили немцев на километр, дело дошло до штыковой атаки. Мне осколок поцарапал губу, а я, в горячке боя, долго не мог понять, почему капает кровь… Наш танк намотал на гусеницы провод. Послали двух связистов, никто не вернулся. Командир полка подполковник Худолей посмотрел на меня: «Комсомол, личным примером!» Мою фамилию многие не могли выговорить, прозвали меня «Комсомол», поскольку к тому времени я уже был комсоргом роты. Пополз к подбитому танку, оба связиста убитые лежат. Работа немецкого снайпера. Чуть приподнялся — выстрел! Пуля снайпера попала в тело уже застреленного связиста. Лежу за убитыми, двинуться не могу, снайпер сразу убьет… Зажал концы проводов зубами. Есть связь! Мимо ползет комиссар полка Дынин. Это был уже пожилой человек, который, будучи комиссаром медсанбата, сам напросился в стрелковый полк. Сердце и совесть патриота не позволили ему находиться в тылу. В атаку ходил наравне со всеми. Увидел меня, рукой мне махнул, и в то же мгновение его снайпер сразил. Тут началась заварушка, обрывки провода скрепил, под шумок вскочил и добежал целым до наших окопов. Пришел на НП батальона, а комбат ухмыляется: «Прибыл к месту службы». По телефону уже передали приказ: «сержант Гольбрайх назначается комиссаром батальона».

Дали мне в руки котелок, а в нем — макароны с тушенкой. Начался артиллерийско-минометный обстрел, я телом котелок закрыл, чтобы комья земли в еду не попали. Рядом окоп артиллерийских наблюдателей. Пару секунд я замешкался, а потом пополз, а в этот в окоп наблюдателей — прямое попадание… До ночи продержались. Когда стемнело, пришла кухня: выдали кашу и чай. Каждому наливали по половине котелка чая. Хочешь пей, хочешь — руки от чужой крови отмывай… Стоит наш подбитый танк, внутри что-то горит и взрывается. Солдат, судя по внешности из Средней Азии, подходит к танку с котелком каши, подвешенным на штыке. С чисто восточной невозмутимостью он ставит котелок разогреть на догорающий танк…

Жизнь продолжается…

Поднять бойцов в атаку… Надо вскочить первым, когда единственное и естественное желание — поглубже зарыться, спрятаться в землю, грызть бы ее и рыть ногтями, только бы слиться с ней, раствориться, стать незаметным, невидимым.

Вскочить, когда смерть жадно отыскивает именно тебя, чтобы

обязательно убить, и хорошо, если сразу. Подняться в полный рост под огнем, когда твои товарищи еще лежат, прижавшись к теплой земле, и будут лежать на земле еще целую вечность — несколько секунд… Иной раз посмотришь на небо и думаешь: в последний раз вижу… Нелегко подняться первым: Но НАДО! Есть присяга, о которой в эти минуты никто не вспоминает, есть приказ, есть долг!

Дивизия почти полностью погибла в боях в августе-октябре 1942 года. Дело дошло до того, что полком командовал старший лейтенант, а дивизией — подполковник. Потери были страшными… Присылали пополнение, в основном из Средней Азии. В ту пору была популярной одна фраза. Командир роты просит: «Меняю десять узбеков на одного русского солдата». Половина бойцов с трудом понимала русский язык… 19 ноября 1942 года я форсировал Дон в районе хутора Мало-Клетский, участвуя в наступлении, положившем начало окружению армии Паулюса в Сталинграде. Очень тяжелые бои были в декабре, когда танки Манштейна, идя на выручку к окруженным, прорвали оборону нашей дивизии на внешнем обводе кольца окружения. Задавили нас танками. Отходим по огромному снежному полю, добежали до края поля, а там наши пушки стоят. Мы кинулись на них: «Мать-перемать! Почему не стреляете?!» А у них по три снаряда на орудие и приказ: стрелять только прямой наводкой! Немцы нас обошли, и к ночи, я остался с группой из десяти бойцов. К тому времени у меня уже был один «кубарь» в петлицах. Бойцы говорят: «Командуй, младший лейтенант, выводи нас к своим». У меня пистолет, а у остальных только винтовки, и ни одной гранаты. Рядом дорога, и по ней интенсивное движение немецкой техники. А по полю, где мы лежим, немцы бродят. Понимаем, что это конец — или смерть, или плен. Обменялись адресами. Русские ребята к плену проще относились, мол, ну, что делать, на то и война, всякое может случиться. Но мне, еврею, в плен попадать нельзя! Стреляться не хочется… Жить хочется… Говорю солдатам: «Ребята, если в плен нас возьмут, не выдавайте, что я еврей». В ответ — молчание…

Лежим в снегу, притворились мертвыми, мимо прошли два немецких связиста, ничего подозрительного не заметили. Мороз, градусов за двадцать, мы в шинелях и ватниках, оставаться дальше на снегу нельзя, замерзнем. Смотрю, идет в нашем направлении здоровенный немец, по карманам у убитых шарит. Немец приблизился к одному из нас, думая, что кругом лежат только убитые, поднял «у трупа» ухо шапки-ушанки и увидел живые глаза, и в эту секунду у моего товарища нервы сдали, он в упор в него выстрелил. Сразу с дороги начали бить в нашу

сторону. Побежали мы так, что олимпийским рекордсменам не снилось, откуда только силы взялись? Вбегаем в какое-то село, навстречу мне человек в белом маскхалате. Кинулся к нему, хватаю левой рукой за карабин, а правой за грудки: «Ты кто?!», а он перепугался и молчит. Хватаю за шапку и мне в ладонь впиваются острые уголки — звездочка. Еле руки разжал. Бойцы меня оттащили от него. Вот так к своим пробились.

Кузнецов Алексей Филиппович

8 июля нас, 126-ю дивизию, стали грузить в эшелоны и — на фронт. Это не та 126-я, которая участвовала в боях летом 1941-го под Сувалками. Та дивизия была расформирована и номер был передан нам. С этим номером нас перебросили под Сталинград. Мы прибыли 31 июля, а 4 августа переправились на правый берег, разгрузились на станции Гумрак и пошли своим ходом в сторону Обгонерово. Самолеты в сторону Сталинграда летят 80—100 штук. Подошли к Тебектенерово. Скот бродит, никого нет. Жуть такая. Темнеет. Ночью занял оборону 690-й полк и наш второй дивизион, а 550-й — Обгонерово, и в стыке — 366-й. Утром проснулись — идет колонна. Кто такие? Может, наши отступают. Нет, немцы. Давай открывать огонь. У меня связисты были в роте, не только в батальоне. Что тут надо сказать. Мы долго держались. Танков у них было немного, но авиации — уйма. Связь рвалась постоянно. Зениток у нас не было, и наших танков я не видел до 20 ноября. «Катюши» иногда прибегали — отстреляются и умотают. Дивизия была растянута километров на 25. Немцы начали нажимать на 690-й полк, на его правый фланг, и нас потеснили километра на два. Заняли позицию на Тебектинеровской балке. Тут мы держались. 28 августа приехала баня. Я помню, что коленки у меня уже были рваные. Я говорю: «Не пойду! Пока в Дону не искупаюсь, менять штаны не буду!» Мы ничего не знали, но оказалось, что 64-я армия отходит, а 126-я дивизия остается прикрывать этот отход. Я, конечно, тогда этого не знал. Может, даже командир полка не знал. 29-го утром началась кутерьма. В 6:30 пошли немецкие танки. Командир

дивизии — Сорокин. Я с НП пришел завтракать и слышу, что-то трещит на бугре, да что-то звонко… Говорю: «Чехановский, пойди взгляни». Он приползает, его ранило: «Танк немецкий!» О, елки-палки! Я побежал на 4-ю батарею, лошади были вкопаны. По бугру бегу, пули только свистят, но не попали. Прибегаю на позицию, все раскурочено, народ побитый. Елки-палки, гляжу, а там — танков туча. Я вниз бегу, вижу — ездовые. Стали мы отходить по балке. Лошадей всех поранило. Оставили лошадей. Он бомбит. Залезаю на бугор. Там ездит одна бронемашина с белым флагом, чтобы мы сдавались. А танки нас окружили, и чтобы прорваться к Сталинграду, надо пройти через стену танков. Как же быть дальше? Я ребятам говорю, пойдем прямо на танки, а что еще делать? Видимо, у них кончились в пулеметах патроны, и они палили болванками: «Пойдем прямо, гуськом, метрах в тридцати друг за другом». Так и пошли на танки. Сдаваться в плен мне нельзя. Что родители будут думать? На наше счастье, по танкам с тыла начала стрелять «сорокопятка». И шесть танков повернули башни и сместились, оставив промежуток метров 150. Мы в этот промежуток и проскочили. Нас было человек десять. Ушли мы километров за пять, видим: зенитные орудия на прямой наводке. Тут кухня — нас накормила. Потом эти зенитки сматываются и тикают в сторону Сталинграда, и мы с ними. Прикатили в Сталинград, к переправе. Пошли. Есть нечего. Смотрим, наш самолет. И вдруг загорелся и упал. Такое ощущение неприятное. Пасмурно. Войска ходят-бродят. Да-а… Вдруг смотрим, наш командир полка Васильев с нашими же ребятами — на полуторке: «О! Садись!»

Нам дали участок под балкой Купоросной. Сказали, чтобы продержались 3–4 дня, а потом сменят. Восемь суток мы бились. Связь держалась только от командира полка, батарея у нас была — только два орудия 122-мм, что успели вытащить из того окружения. До Волги метров 200. Утром пойдешь умыться, боже мой! Плывут трупы. Жуть такая. 16 сентября нас отвели. Переправили в Бекетовку. Там встали, а потом нас перебросили на остров Голодный, только артиллеристов. Дали дополнительно орудия. 5 ноября нас переправили на правый берег и передали в 51-ю Армию. Мы пошли на юг, там есть озера Цаца и Барманцак. Землянки немецкие. Вымылись в бане. Легли. Утром встали — вшей на нас по двести штук!

Вот 20-го пошли в наступление. Подготовку сделали. Вышел я из окопов, назад оглянулся — танки развернутым фронтом. У меня волосы дыбом. Боже мой! Я не видел наших танков. У меня в голове, что это — немецкие танки с тыла зашли. Думаю, елки-палки! Нет же у нас такого количества танков! Вот мы пошли.

Наутро мы были в Обганерово. Там уже танки натворили дел. Столько они потоптали всяких румын, столько всякой техники! Черт возьми! Лежит кто-нибудь, а через голову — след танка. Пошли мы на Котельниково. Пушки у нас уже были ЗИС-3. Вот мы вели бои за Жутово — один, Дорганово. Что-то нас, артиллеристов, было мало. Танки ушли. Нас был дивизион и — все. То там прорвется, то сям. Помню в Жутово паренек-автотехник был тяжело ранен. Все кишки — наружу. Он еще говорит: «Вот адрес, напишите жене письмо, вот адрес, все объясните…» Шевцов, санинструктор, тот его перевязывает, а руки переломаны. Паренек умер, а я спрашиваю Шевцова: «Ну, ты же видел, что ему не помочь». — «Нельзя. Мы должны работать до последнего».

Ульянов Виталий Андреевич
174-й отдельный артиллерийский истребительно-противотанковый дивизион имени Комсомола

Обучение было недолгим и вскоре мы уже ехали в эшелоне, который прибыл на Воронежский фронт. Форсировали Дон, воевали вместе с танкистами за Кантимировку.

Первый бой… Как в песне поется: «Последний бой, он трудный самый…»? Не правда! Самый трудный — первый бой, потому что еще ничего не знаешь. Знаешь, как на фронте считалось? Если в первом бою живой остался — молодец! Во втором бою — фронтовик! А после третьего — бывалый солдат! Уже все знаешь, где присесть, где прилечь, где пробежать, что съесть, а что оставить. Последний бой — самый страшный, ведь не хочется умереть в последнем бою, домой хочется…

Так вот, первый бой… Как я узнал уже после войны, нас бросили затыкать прорыв группы Манштейна, которая шла на выручку Паулюсу. Совершив марш, к вечеру подошли к населенному пункту, не помню сейчас его название, находившемуся на пригорке. На его дальней окраине шла перестрелка, в низинке, в которую спускалась центральная улочка, было тихо и темно, только скрипели полозья, да пофыркивали лошади, тянувшие в горку наши орудия, рядом с которыми шли их расчеты. На пригорке нас встретил командир взвода младший лейтенант Курбатов. Показал на хату, крытую

соломой, в конце улицы и сказал, что с ее крыши бьют снайпер и автоматчик. Мы отцепили пушку с передка и, скатившись с дороги, установили орудие возле колодца. Это было большой ошибкой, поскольку пространство вокруг колодца было покрыто ледяной коркой, образованной расплесканной из ведер водой. Я установил прицел «на осколочный», навел, выстрелил. Снаряд попал в стропила (если бы он попал в солому, то просто пролетел бы насквозь) и разворотил крышу. Больше с нее никто не стрелял. Некоторое время мы просидели за щитом орудия, не видя других целей, как вдруг впереди раздалась очередь. Я выглянул поверх щита. Горело несколько домов, отбрасывая на дорогу желтоватые блики. В свете пожаров я увидел впереди, метрах в двадцати пяти, немца в белом маскхалате, державшего в руках наперевес пулемет. Видимо, он поднялся, осмотреться. Пока я наводил орудие, он уже опустился. Я по тому месту, где он был, сделал два-три выстрела. В это время командир взвода Курбатов подал команду отходить. Как же так?! Мы еще не навоевались, только чуть-чуть стрельнули — и отходить?! Сидя, схватились за станины, на попе ерзаем, а сдвинуть пушку не можем — ноги проскальзывают на льду. И тогда я выскочил за щит, на сторону немцев и толкнул орудие, сдвинув его с наледи на утоптанный снег дороги. Пулеметная очередь, простучав по щиту, разбила коробку, в которую укладывался прицел (я еще выругался, ведь в ней был ключ от прицела), но меня не зацепила. Не дожидаясь, пока немцы еще раз откроют огонь, я нырнул за щит и вместе, сидя и упираясь ногами, мы смогли оттащить орудие. Когда почувствовали, что вокруг стало стихать, развернули орудие и покатили его по улице. За спиной мы услышали шум танка — рев двигателя и клацанье гусениц. Кто-то крикнул: «Слышу шум мотора!» Справа, метрах в десяти, стоял сарай, но до него еще надо было добраться по слегка влажному снегу глубиной выше колена. Вспомнился фильм «Александр Невский» и врезавшаяся в память фраза: «Помирай, где стоишь». Я так и сказал. Слава богу, на меня никто не обратил внимания. Расчет подхватил орудие и покатил. Однако нижний щиток, расположенный между колесами, стал загребать снег, и через полтора метра толкать пушку вперед стало невозможно — она встала перед ей же образованным снежным валом. Матчасть я знал отлично, не даром работал в отделе технического контроля. У меня было личное клеймо номер 183, и на многих частях этого орудия стояло именно оно. Я говорю: «Стойте!» Нагнулся, снял защелку и поднял щиток. Пушка пошла, а я был реабилитирован за свою выходку. Мы подкатили ее к сараю, развернули в сторону танка, который не замедлил появиться. Чуть впереди нас стоял дом, к

которому собирали раненых. Проходя мимо них, мы услышали, как они шутили и смеялись — они уже отвоевались, знали, что скоро их отправят в тыл. Танк развернулся поперек дороги напротив этого дома и начал их расстреливать из пулемета. Я навел орудие, выстрелил. Снаряд пролетел сантиметров на пятнадцать выше башни. Позже, анализируя свой промах, я пришел к выводу, что, когда стрелял по дому и фрицу с пулеметом, я установил прицел «на осколочный», а тут я стрелял бронебойным, у которого начальная скорость в два раза больше и траектория полета другая. Я не сообразил изменить прицел! После выстрела, так как сошняки были не подкопаны, пушка отскочила назад. Второй выстрел! Тоже мимо! Танк развернулся. Идет на нас. Стреляет из пулеметов, пули бьют по щиту. Выстрелил из пушки, но неточно — мы были в низинке и снаряд пролетел выше. Меня же после второго выстрела левым колесом прижало к сараю. Пришлось переступить через станину и наводить орудие через ствол. В общем, только пятым снарядом с расстояния в десять метров я в него попал и он загорелся. Я вскочил, руками машу, кричу: «Танк горит!!!» В это время из-за танка выбежали немцы в белых халатах и рванулись в противоположную от нас сторону через дрогу за дом и оттуда начали поливать нас из автоматов. А поскольку нижний щиток был поднят, меня ранило в правую ступню, а заряжающего Толю Шумилова в колено. Командир орудия Дыбечкин, которого до этого я не видел, скомандовал: «Отходите во двор». Мы отошли во двор и вбежали в сарай. Двери в нем не было и я сел у притолоки напротив дверного проема. За мной в сарай вбежал Шумилов, а бежавший за ним Голицын был убит автоматной очередью у самого порога.

В дверной проем мне был виден стоявший метрах в тридцати круглый, сплетенный из ивовых прутьев курятник. Из-за него высунулся немец, начал что-то кричать. Я взял карабин у Толи Шумилова, поскольку мой остался на передке. И хотя я знал, что стрелять нельзя, чтобы не обозначить себя, но он так нагло кричал, что я не выдержал, прицелился и выстрелил. Немец клюнул носом. Второй, не соображая, подскочил к нему, подставив под мой второй выстрел спину. Из-за курятника начали стрелять. Я спрятался за притолоку. В перестрелке уложил еще двоих. Начал перезаряжать карабин, патрон перекосился, и я вместо того, чтобы вытащить его, загнал в ствол, таким образом, приведя карабин в небоеспособное состояние. Когда я понял, что с карабином мне не справиться, я поднял голову и увидел, что ко мне бегут два немца. Вдруг справа выскочил командир нашего орудия Дыдочкин, остановился перед сараем, начал ковыряться,

достал гранату РГД, встряхнул ее как градусник и бросил немцам под ноги. Один из них нагнулся, наверное, решив бросить ее обратно, но граната взорвалась у него в руках, и они развалились в разные стороны. А Дыдочкин, пробежав мимо двери, скрылся. Мы решили спрятаться в сарае за железной бочкой. Толя еще как-то за ней поместился, а я нет. Во дворе немцы, что-то кричат… Вдруг в дверях появляется здоровый немец с автоматом. Спрашивает: «Рус, люди есть?» Я думаю, сейчас Шумилов застонет — он стонал до этого — немец полоснет — и все, и кончатся мои денечки в этом сарае, но тут последовала команда и немец исчез. Через некоторое время немцы во двор притащили своих раненых, которых вскоре увезли. Бой стал затихать. Я говорю: «Толя, надо уходить». — «Надо, Витя. Пошли?» — «Пошли». Лежим, проходит некоторое время. Я говорю: «Пошли?» — «Пошли». Мы опять лежим. Когда я ему в третий раз сказал: «Ну, пошли». Он меня спросил: «Витя, ты куда ранен?» — «В ногу». — «В одну?» — «В одну». — «А я в две. Так что тебе идти первому». — «Хорошо». Выполз я из сарая, а поскольку был в шинели (ситцевый белый маскхалат был страшно неудобный, и мы его не одевали), решил для маскировки обваляться в снегу. Покатался по снегу — бесполезно. Шинели были добротными — никакой снег не приставал. Поняв всю бессмысленность затеи, встал на коленки и пополз. Добрался до курятника, в сторону убитых старался не смотреть — страшно. Повернул левее в сторону кирпичного здания, возле которого виднелась копна сена. Подле этой копны, в свете горящих построек села, я увидел сидящего старика. Одна женщина сидела перед ним на коленях, а вторая как маятник, ходила неподалеку и стонала. Я спросил, что произошло. Оказалось, что эта семья сидела в погребе. Какой-то немец, подняв крышку люка, спросил: «Рус, люди есть?» Они ему снизу отвечают: «Есть. Тут мирные жители». Он взял и бросил туда гранату. Старуху убило. Деда сильно ранило, а женщине, что ходила, покалечило грудь. Только одна осталась невредимой, а может, просто не почувствовала еще, находясь в шоке. Я у них спрашиваю: «Немцы впереди есть?» — «Есть». — «А слева?» — «Есть». — «А сзади?» — «Есть. Они всюду». Тогда я их попросил переодеть меня в гражданскую одежду и спрятать, пока придут наши. На что получил в ответ: «Какое нам дело до вас?» Ну, подумал я, надо уходить, иначе сдадут. Кстати Толя, которого я потом встретил в госпитале рассказал, что выждав с полчаса, он пополз по моему следу, и эти люди переодели его и скрывали у себя двое суток. Видно, совесть в них проснулась.

А я скатился по склону бугра в низину, встал на колени, немного проковылял. И вдруг совсем рядом раздался выстрел. Я

кожей почувствовал, как рядом с головой пролетела пуля. Я мгновенно упал на правый бок и затих. Снег был глубокий и сыроватый. Слышу звук шагов: «Хрып, хрып». Тишина. На поясе у меня финский нож с деревянной ручкой, но я лежу на правой руке, могу его взять только левой. А что я могу ею сделать? Решил притвориться убитым и ударить врага ножом в лицо, когда он нагнется, прекрасно понимая, что в моем положении пробить шинель или любую другую верхнюю одежду не удастся. Затаил дыхание, чтобы не шел пар, но мне все время казалось, что сердце стучит так громко, что его слышно за несколько метров. Опять заскрипел снег под ногами и… тишина: «Ты же должен подойти и нагнуться. Тогда у меня будет один-единственный шанс…» Опять заскрипел снег. По звуку я понял, что человек стоит и качается справа налево, пытаясь рассмотреть меня. Вдруг шаги стали удаляться. Кто это был? Я не знаю до сих пор, но я думаю, что это был не немец. Это был наш, и когда он увидел, что убил своего солдата, подходить не стал и ушел. А я остался лежать. Мне уже стало тепло, уютно, и я понял, что замерзаю. Тогда я резко поднялся на колени. Думаю: «Пусть стреляет!» Но выстрела не последовало, а я боялся оглянуться. На четвереньках по небольшому кустарнику я взобрался на противоположный склон лощины, по краю которого проходила дорога. Слышу, что-то скрипит, смотрю, показалась упряжка, тянущая нашу «сорокапятку». Ездовые ведут под уздцы лошадей. Двое рядом с пушкой и один сзади. Очень дисциплинированно и строго. Все наше, но солдаты в касках, а мы, пижоны, каски не носили: «Мы же не пехота!» Такой у нас был дурацкий кураж. И командира на нас не было, который бы заставил. Проехали они мимо меня. Когда я понял, что еще немножко и они уйдут, тогда изо всех, которые у меня были крикнул: «Товарищи!!!» А сам бросился вправо. Ну, как бросился? Куда я мог истекающий кровью броситься по глубокому снегу?! Прополз я немного, наверное, метра два, а может быть, и меньше. Слышу окрик: «Кто там?» И когда я его услышал и понял: «НАШИ!», силы оставили меня. Я не мог не то что еще раз крикнуть — пошевелиться не мог. Они остановились, побежали, увидели кровавый след, тянувшийся за мной, и меня вытащили. Это был расчет из взвода лейтенанта Боу. Меня положили на станину и доставили в госпиталь.

За этот бой я, первым из дивизиона, был награжден медалью «За отвагу».

Воробьев Василий Егорович
709-й ночной бомбардировочный авиаполк

А потом началось отступление. Хаос. Летали и ночью на бомбометание, и днем на поиск своих частей. Летишь и не знаешь кто под тобой. Как попал под огонь, значит, немцы. Прилетел — докладываешь. Начались потери. Первым погиб командир эскадрильи Бикаревич, так сказать, открыл счет. Он, Оглоблин и Ломовцев полетели к окруженным под Харковом войскам. Бикаревич совсем не вернулся из этого полета, Ломовцев вернулся с одним глазом — ранили в лицо, а Оглоблин, самый молодой, прилетел — ни ранен, ничего… Он потом «героя» получил. Вскоре мой курсант погиб в прожекторах. Тогда еще не тренировали полетам в прожекторе. Вот он и разбился.

Вот такая война тогда была — где-то бомбили, кого-то теряли. Так дошли мы до Сталинграда. Населенный пункт Ерзовка. Расположились в школе, спали прямо на полу. Я был в командировке, приехал, прихватил бутылочку. Вечерком с моим штурманом, Сафоновым Александром Тимофеевичем, и с компанией близких приятелей выпили. Ночью еще слетали на задание и легли спать. А тут немцы налетели. Все вскочили, а мой штурман спал в углу под окном. Бомба взорвалась снаружи, его не задело. Я тоже вскочил, стал помогать раненым. Слышу, бомба свистит. Я спрятался за бугорок. Взрыв! Волна прошла выше, но рот был полон песка, и треснула барабанная перепонка. Рядом лежал писарь полка. Его тяжело ранило. Ранило в ногу

Сергея Субботина, того самого, что планерную школу возглавлял. После этого он уже не летал, был диспетчером на полетах. Несколько человек погибло. В том числе комиссар полка Бурмистров, хороший, человеческий мужик. От него один пистолет нашли…

Перед первым массированным налетом на Сталинград все самолеты перелетели на другую сторону Волги. На правом берегу осталось два или три самолета, на случай, если кого-то надо будут вывезти из города. Сидим, летит наш самолет По-2. Но летит как-то не так, как надо. Подозрительно. Подлетел к аэродрому, развернулся и полетел обратно. Мы поняли, что это разведчик и сейчас прилетят бомбить. Через 30–40 минут гудят… Начались пожары. Нам там делать было нечего, и мы перелетели на другую сторону Волги в Ново-Никольское. Работали с аэродромов подскока. Делали по несколько вылетов за ночь.

В Сталинграде приходилось выполнять самые различные задания. Летали на разведку по железной дороге на Ростов. Бомбили немцев в городе. Поскольку нейтральной полосы практически не было, а немцы располагались часто в соседних домах, то на бомбометание не каждый экипаж выпускали, а кого считали посильней, чтобы по своим не махнуть. Летали на выброску продуктов и боеприпасов. Вначале пытались бросать на парашютах. Но это сколько же их надо, парашютов-то! Поэтому стали бросать без них, с высоты не больше двухсот метров. Мешки с продуктами, ящики со снарядами ставили на плоскость, привязывали веревкой с распускающимся узлом. У штурмана «вожжи» — он их дернет и полетел груз вниз, куда попадет. Вылетали с этими мешками, как верблюды навьюченные. Единственное, водку на парашюте бросали. Газ прибираем, кричим: «Иван, держи! Водка!»

Осень, кабина открыта, холодно. Одеты хорошо были — унты, меховой комбинезон, маски кротовые, а иначе обморозишь лицо, но все равно холодно. Вылезаешь — ноги деревянные. Трос управления от ручки выходит через щель в борту и идет вдоль фюзеляжа. В эту щель ветер сифонит жутко и как раз по ногам. Техники установили обтекатели, тогда получше стало.

Когда бомбили Сталинград, стояла промозглая сырая погода. Кабина от дождя закрывалась брезентовым чехлом. Я сел и закутался в этот чехол, чтобы мне не дуло в спину. Полетели, нас схватили прожектора. Я на прожектора не смотрю, смотрю на приборы. Маневрирую. Мой штурман поворачивается к пулемету и говорит: «Сейчас я их!». Тут мотор чух-чух-чух и заглох. Надо перетянуть Волгу, а то на воду садиться не совсем приятно. Перетянули, сели. Стали разбираться, почему мотор заглох, я за

ручку крана, а он закрыт — когда штурман поворачивался задел его. Ну я его матюгами обложил, конечно, а он мне потом говорит: «Я вот пока летел, все думал. Если бы сели на воду, как бы ты из этого брезента вылезал?!» Такие вот смехуечки.

Зимой стали летать на лыжах. В начале 1943 года полку присвоили гвардейское звание. Часть летчиков получили задание лететь в Казань за самолетами, я и Саша Сафонов поехали в Москву для получения гвардейского знамени полка. Побыли у меня, а потом поехали к Саше домой в Пензенскую область. Вся деревня собралась, все равно как на свадьбу. Кто в окно смотрит, кто в дом набился. Как же — Санька Сафонов вернулся. Мы там четыре дня гуляли, а потом поехали дальше. До Сталинграда добирались на двухмоторном бомбардировщике ТБ-1. Как раз пленных немцев гнали со Сталинграда. Их трупы со снятыми портками были воткнуты головой в снег вдоль дороги. Хулиганили солдаты…

Овсищер Лев Петрович
Штурман

В моем случае был только устный приказ комфронта Рокоссовского представить экипаж в составе Лященко и Овсищера к званию Героя. Но никто не торопился этот приказ выполнять. А дело было так.

Через несколько дней после начала наступления под Сталинградом стояла нелетная погода, и только наши легкомоторные самолеты, кружа на малой высоте под кромкой облаков, вели разведку начавших отступление частей армии Паулюса. В тот день на аэродром прибыл майор — представитель Военного Совета Донского фронта — и привез целую машину листовок, предназначенных для сбрасывания в расположение немецких войск. Одну из листовок я прочел и перевел текст друзьям. Майор обратил внимание, что я владею немецкий языком как родным. Завязалась беседа, и он посетовал, что мощность передатчиков, установленных на машинах вдоль линии фронта, слабая и нашу агитацию и призывы к сдаче в плен слышат немцы только в первой траншее. И добавил: «Вот если бы поставить громкоговорительную установку на самолет, и с воздуха, в глубине расположения немцев, вести передачи, и зачитать ультиматум самому Паулюсу и его штабу! Это было бы здорово!» Стоявший рядом, один из инженеров полка Петухов заметил, что нет проблем установить подобное устройство на У-2, но ответить на вопрос — какая будет слышимость на земле? — трудно, такого в авиационной практике еще не было. Майор

уехал, а на следующий день меня вызвали в штаб дивизии и приказали отправиться на инструктаж в политуправление фронта. За это время техники смонтировали на самолете мощный звукоусилитель. Начали его испытывать. Передача велась из второй, «штурманской», кабины самолета с помощью ларингов, через динамик, укрепленный под фюзеляжем. Слышимость была хорошей только на высоте ниже тысячи метров и при работе мотора на малых оборотах. Последние испытания проводили в присутствии Рокоссовского. После приземления подошли к нему и доложили о готовности к выполнению задания. Стоял такой мороз, что даже говорить было трудно. Рокоссовский, улыбаясь, пожал нам руки и спросил: «Что, не сладко, в открытой кабине на такой холодине?» От его слов мы почувствовали себя просто и уверенно, скованность перед высоким начальством пропала.

— На высоте 1200–1300 метров убирался газ, и самолет почти бесшумно планировал к заданному району. Самолет «встает в мелкий вираж», и мы начинаем передачи.

«Ахтунг! Ахтунг! Ан ди ин раум фон Сталинград айнгекесельтен дойтшен официрен унд золь-датен!» — «Внимание! Внимание! К окруженным в районе Сталинграда немецким солдатам и офицерам!» — разносилось в морозном ночном небе. Текст сначала передавался на командный пункт фельдмаршала, а затем — многократно — окруженным в разных точках кольца окружения. Сначала, как правило, было тихо. Пока читаю текст, самолет, виражируя на малых оборотах мотора, постепенно теряет высоту. 700… 600… 500… метров под нами. На этой высоте начиналось! Трассы «Эрликонов» прошивали воздух рядом с нами. Очнулись, гады!

Кричу им в динамик: «Нихт шиссен, зонст варфе их бомбен ап! (Не стреляйте, иначе бросаем бомбы!)» и пытаюсь успеть дочитать ультиматум: «Гибт ойх гефанген (Сдавайтесь в плен!)». После этих слов с земли открывался шквальный огонь — разрывы зенитных снарядов, пулеметные и автоматные очереди. Такой фейерверк, что мог украсить любой праздник. Приходилось давать полный газ и со снижением, «с прижимом», уходить из зоны обстрела на бреющем. Выходим в безопасное место. Снова набираем высоту и отправляемся в «гости» к другим немецким частям, пусть и они послушают. Там та же самая история — смертельный огонь. К командному пункту Паулюса возвращаемся во второй половине ночи и тогда зачитываем ультиматум вторично.

А нас уже немцы ждут. Домой возвращаемся, фюзеляж — как решето. Помню как на высоте 300 метров огнем «Эрликона» была разбита наша установка, так пока техники пару дней

ремонтировали усилитель и самолет, мы выспались и отдохнули.

Всего совершил 24 вылета в качестве «воздушного парламентера», вместе со сменявшими друг друга летчиками Масловым и Ляшенко, провели почти семьдесят передач.

Как мы остались целыми в этих полетах? До сих пор трудно в это поверить…

Каждый такой вылет я могу сравнить только с канатаходцем, идущим под куполом цирка без страховки по канату, с завязанными глазами. Риск угробиться примерно такой же…

После пленения Паулюса нас вызвали в политуправление фронта. Там же находился Рокоссовский. Подошел ко мне и сказал:

— Благодарю вас за отличное выполнение особого задания. Даже фельдмаршал слушал ваши передачи. — И обратился к начальнику политуправления фронта генералу Галаджеву: — Вы не забыли передать в дивизию мое приказание, чтобы после окончания операции члены экипажа были представлены к званию Героя?

— Никак нет, не забыл, приказание ваше передано, — ответил тогда Галаджев.

Прошло несколько месяцев, Галаджев приехал вручать нашему полку гвардейское знамя. Устроили банкет, накрыли праздничные столы, песни под баян поем — «Выпьем за родину нашу любимую, выпьем и снова нальем». Галаджев подзывает меня к себе.

— Хорошо поешь капитан! Да кстати, где Звезда за Сталинград?

Отвечаю:

— За Сталинград экипаж награжден не был.

— Как это не награжден! — возмутился он. — Командованию дивизии было дано указание комфронта отметить ваш экипаж особо!

Я отшутился:

— Может быть, в этом и состоит особенность — не награждать вовсе.

В моем присутствии Галаджев подзывает к себе командира дивизии и полка, и задает тот же вопрос. Я прошу разрешения уйти и возвращаюсь за стол.

В итоге, я вообще ничего не получил. Как это не раз бывало — меня забыли по непонятным причинам. Впрочем, забыли ли…

С Рокоссовским меня судьба столкнула в жизни еще раз. В конце 50-х годов маршал прибыл в Закавказский военный округ с комиссией Генштаба.

Я тогда исполнял обязанности командира авиационной

дивизии. Прибыл на аэродром Вазиани, куда Рокоссовский нагрянул с проверкой. Когда я подошел и представился маршалу с докладом, он сказал:

— Лицо мне ваше знакомо, полковник. Где мы раньше встречались?

Отвечаю:

— Летчик-парламентер, вы мне в Сталинграде несколько раз лично задачу ставили…

— Рад, что мы снова свиделись, — сказал Рокоссовский…

Шибанов Виктор Иванович

В Сталинграде базировались на Центральном аэродроме. С задания вернулся на рассвете — и налет. Три девятки немцев зашли с востока от солнца. Слышу гул по всему небу. Идут 27 штук, как на параде. Как дали! 61 человек был убит на аэродроме. У моего самолета только колеса догорают. Перебрались в Ерзовку, на аэродром Пичуга, на котором стоял полк истребителей Васи Сталина. Они днем летают, мы ночью. Самолета нет. Поехали в Астрахань — там тоже нет. У нас уже примерно половина полка погибла, а тут прилетел полк и его включают в состав нашего. Сидим в столовой кто остался жив, водка есть, баян есть, а самолетов нет. Бомбить не на чем. Давай, на машину, безлошадники! Сели, поехали к этим вновь прибывшим. Отобрали самолеты. Они еще кричали: «Не отдадим!» Ну, там разговор короткий — навоюетесь еще. Вернулись к себе. Это было 19 августа. К вечеру перекусили, получили задание бомбить переправу на Дону. Это был мой 128-й боевой вылет. Подвесили бомбы, зарядили пулеметы, заправились и пошли. Я взлетел первым. Только линию фронта перевалили — прожектора — и начали колотить зенитки. У меня высота была около полутора тысяч метров. Снаряд попал в консоль левого крыла. Сыпануло осколками. По левой руке как кувалдой кто ударил — осколок в локоть попал. Тошнота подступила. Самолет подбит. Я говорю Коле: «Давай, бросай». Он сразу, раз, бросил бомбы. Разворачиваюсь и лечу на свою территорию. «Эрликоны» бьют и бьют. Вдруг в кабине штурмана сработала осветительная бомба ПАР-7. Она небольшая, как

термос лежала у штурмана на полу. Я должен был ее над целью сбросить, подсветить, чтобы поточнее бомбить. Мы же, как мухи, один за одним, так и летит весь полк 30 самолетов. Хлопок, она срабатывает, парашют выскакивает в кабине. Он ее выкинул за борт, а парашют накрыл хвост, и САБ сзади на тросе висит и горит. Представляешь картину?! И бьют. Еще попадание. Левое крыло разбито, самолет разворачивает влево. Я штурману говорю: «Коля, держи правую педаль». Я жму, мне больно в ногу. Мне показалось, что взрыв был на полу, нога провалилась в пол и ее зажало. В голове все путается. Мотор отказывает, работает рывками. Сыпемся. Немцы по мне били до 400 метров. Я еще матюгнулся: «Коль, совесть у них есть?!» Мотор совсем все. Только ветер шелестит. Я ничего не пойму — где я нахожусь, сколько метров до земли. Передовую не видел. Вот-вот мы коснемся. Беру ручку. Плечом уперся в приборную доску. Удар, характерный треск, и мне показалось, что меня за ноги приподняли. Очнулся. Думаю: «Дотянул или нет?!» Выскочил из кабины, упал. Слышу разговор не на нашем языке — немцы! С руки снимают часы. Тащат меня на плащ-палатке. Все, думаю, пистолет и себе пулю. Дождик крапает — откуда взялся? А это меня из фляжки поливают. Я застонал. Вдруг кто-то по-русски закричит: «Ты… твою мать!» Наши! Оказалось, это были казахи, они балакали по-своему. Мы упали между своими и немцами в противотанковый ров. И вот меня и штурмана притащили в санбат. У меня правая нога в голени пополам была сломана. Вот почему мне показалось, что нога в пол провалилась. Боль была страшная. Левая рука сломана, и кроме того, сопатка на бок — при посадке сломал. Штурман ранен в обе ноги. Привезли нас в какой-то хутор на рассвете. Сделали уколы. Наложили шины. Пистолет положили за гимнастерку. Помню, я был еще в шинели. Август. В куртке жарко поэтому летали в шинели. Привезли в какой-то овраг. Чуть-чуть южнее Сталинграда. Там на носилках полно раненых. Я еще сестре говорю: «Передайте в полк, что мы живы». Куда там… ни телефонов, ни раций, ничего нет.

24 августа привезли в Сталинград. На носилках доставили в школу, где был сделан госпиталь. Лежим в актовом зале. Посмотрел — рядом летун лежит. Вроде знакомый, а вроде и нет. Думаю, что он на меня глаза пялит? Я махну рукой, он тоже. Я за ухо, и он за ухо. Так — это же я, в зеркало, что от пола до потолка смотрюсь! Сам себя не узнал — нос на бок, чумазый и грязный!

Бомбят постоянно. Нас стянули в подвал. Из жратвы только кисель, да и есть не хотелось. Потом мы выползаем оттуда. Я ходить не могу. Левая коленка разбита, а правая нога вообще в шинах. Как из санбата привезли, в госпитале еще не

перевязывали — врачей я не видел. До берега метров триста и мы с Колей поползли. Идет бомбежка, зенитки бьют, все горит. По Волге кто на лодке, кто на бревне — на ту сторону бегут. Какой-то катерок. Вижу нос, а что это за посудина — не вижу. Стоит капитан НКВД: «Возьмите!» — «Давай!» Тянут меня: «Тяжелый, черт!» А у меня рост 180 и вес не менее 80 килограммов. Они меня затянули, на настил положили, и катер пошел. А штурман остался на берегу под бомбежкой. Помню, еще бомба рядом рванула. На той стороне Волги причал у Красной слободы. Катер туда не дотянул, на мель сел. Какая-то женщина меня перетянула на лодку. На том берегу вижу БЗ (бензозаправщик). В нем, судя по петлицам, авиатор: «Возьми меня». Здоровый парень, затащил. Привез на аэродром в Среднюю Ахтубу, а там как раз 40 эскадрилья стояла. Меня увидели, на руки, и в санчасть. Врачи перевязку делают, а летуны — один кружку с водкой уже держит, другой закуску — своя братва. Уснул. Вечером погрузили меня на арбу, запряженную парой волов и поехали на Эльтон. Ночь ехали, а день стояли — ходят «мессеры». Приехали на аэродром, на котором базировались Ил-2. Меня туда и в санчасть. Положили на травку — вокруг много раненых. Думаю, как-то мне надо вывернуться. Смотрю, машина. Говорю водителю: «Увези меня на аэродром». Привозит на КП, там по радио идет разговор. Прилетел из Москвы самолет Ли-2, видимо, начальство привез, и летит обратно. Командиру говорят: «Возьмете летчика». — «Летчика, конечно, возьмем!» Меня в Ли-2, арбузы дали. Прилетаем на аэродром Чкаловское, а он в шести километрах от моего дома. Комендантом аэродрома в свое время был мой отец, а командиром автороты на тот момент был муж моей сестры. Он меня — в эмку и домой в Медвежьи Озера. А там меня встречают жена и сын, который родился 8 июня. (С женой мы расстались в ноябре. Она улетела в Йошкар-Олу, оттуда перебралась в Медвежьи Озера.)

Маркошанский тоже жив остался — попал в Астрахань. Написал письмо. Как я уже говорил, в полк о нас никто не сообщил и, когда я написал письмо, то выяснилось, что мы там «ходим в предателях». Получилось так, что утром 20 августа немцы бомбили Ерзовку и деревню, где расположен наш 709-й полк. Погибло много людей, в том числе комиссар полка Бурмистров. Ага! Значит, Шибанов сказал! Их подбили, они и рассказали. Мы случайно остались живы, а если бы погибли — так бы в предателях и остались. Из дома я перебрался в авиационный госпиталь в Сокольниках. Меня там подлечили — нос поставили на место, руку подлечили. Полковые ребята меня навестили. Привезли пустые бланки проездных документов,

отпускные и командировочные билеты. Жена подобрала мне, как положено, авиационную шинель, фуражку темно-синюю. 23 февраля отправили выздоравливающих в Опалиху. Я там немного побыл и в дырку в заборе нырнул. Сестра кричит: «Больной, больной!» — «Ищите меня в полку». А сам с женой домой, дня два-три побыл, и на Казанский вокзал в поезд Москва — Саратов. Ехал трое суток на третьей полке. Оттуда в Камышин. Оттуда на летучке в Зимовники. Помню, вдоль дороги трупы немцев стояли, как вешки, без штанов, головой воткнуты в снег… Нет полка. Только в Ростове их нагнал, дней двадцать добирался. Прибыл в полк: «Ура! Ура!» А тут полку было присвоено звание 25-й московский Гвардейский полк, а дивизия стала 2-й гвардейской Сталинградской. Меня наградили орденом Боевого Красного Знамени.